

ПОД ЗВЕЗДНЫМ НЕБОМ

Я уговорил своих родителей, чтобы отпустили меня в ночное с Велесовым. Вот радости-то было!

Мне жалко тех, кто не бывал в ночном. Впрочем, зря я и слов не буду тратить, потому что рассказать какие чувства ты переживаешь в ночном, дело невозможное. Это нужно самому пережить.

Наступление той ночи встретили мы с Велесовым у костра, на котором уха варилась, да булькал кипятилок для чая. Скотина давно уже устроилась на ночлег, расположившись полукругом нашего становища.

Мой старший товарищ не спешил с рассказами, которых я жаждал более всего.

– Вот погоди, проглянут на небе звезды, с них и начнем разговор. – Добродушно отклонял он мои расспросы.

Долго не гасла заря. Солнце уже давно скрылось за темными кряжами леса, а сполохи и отблески его все еще играли в полнеба. Наконец, у горизонта проклюнулась одна звезда, вторая и вот, словно по команде волшебной палочки над нами засверкала вся гирлянда небесной люстры.

Мы лежали на траве, подложив под головы фуфайки, и вглядывались в призывный свет мерцавшего созвездиями неба.

– Ты видишь Большую Медведицу, – спросил Велесов.

– Вижу. Вот она, семи звездная, светится над нами. – Отвечал я в волнении, потому что чудесного откровения Велесова я жаждал уже который день.

– А теперь найди Малую Медведицу. – Попросил дядя Паша.

– Нашел... Вот она... Малая.

– Так вот, милый друг, в очень древних преданиях – «Ведах» много тысячелетий назад это созвездие называли – Небесной коровой Земун.

– Коровой?! Как она на небо попала? И почему ее звали Земун?

– Не спеши, друг мой, – придержал меня Велесов. – Я еще не все сказал про это созвездие. Так вот в его входила еще одна звезда – восьмая.

– Восьмая? – Тут я завис. – Если было восемь, то куда же девалась еще одна. Она что, упала с неба, сгорела, взорвалась?

– Ни то, ни другое, ни третье, – отвечал спокойно Велесов. Восьмой звездой было наше Солнце.

Тут меня просто подкинуло. Шутит что ли надо мной Велесов. Я к нему с полным расположением, а он как с дурачком со мной разговаривает. Что я не знаю, где Солнце, а где Медведица?

– Этого не может быть! Оно такое огромное, оно не могло прилететь к нам, переместившись на миллионы световых лет! – Возмутился я.

– Это если смотреть с Земли. – Возразил бесстрастно Велесов. – А ты представь себя в другой точке галактики. А что, если ты видишь звездное небо с Млечного пути? Вон с той его части. – Велесов показал посохом на сияющий таинственным и призывным светом Млечный путь.

Я оторопел. То, что сказал Велесов, сначала ни как не укладывалось у меня в голове.

– А как туда попасть, в эту точку? Даже если со скоростью света лететь – жизни не хватит.

– А кто скажет, может, мы пришлые на этой Земле? – Все так же невозмутимо отвечал дядя Паша. – А вот память человеческая имеет такие свойства, что и через сотни, тысячи поколений сохранила отблески минувшего. Подумай об этом. – Озадачил меня Велесов.

Я был ошарашен открывшимся передо мной возможным вариантом происхождения человека на Земле. Верить в происхождение себя от обезьяны не хотелось как-то.

Я долго лежал молча, пытаюсь привыкнуть к новым для себя горизонтам человеческого бытия. И то верно, столь примитивному развитию человека с палкой-копалкой в шурах, которое пре-

подавали нам в виде истории в школе, тоже не хотелось верить, хотя так привычной... И может быть, спокойней. А если ты потомок пришельцев с дальней планеты, погибшей в результате катастрофы, тогда и ответственность за то, что происходит сейчас на Земле, на тебя ложится большая...

– А кто она такая – Небесная корова Земун? Ты хотел рассказать мне. – Спросил я, наконец, Велесова, пока меня не тревожащего.

– Скажу. – Отозвался дядя Паша. – Наши древние предки, а вместе с ними и египтяне, и немцы, и греки, и многие другие народы считали, что Вселенная появилась от Небесной коровы, а Млечный путь – её молоко.

– Ох, как это все интересно! – воскликнул я, разглядывая Млечный путь.

– У славян в те времена единым Богом считался могущественный бог Род. – Продолжал пастух. – Это он создал Небесную корову, грозного бога Сварога, богиню любви Ладу, Ярилу-солнце и многих других славянских божеств.

Вот от него-то и был рожден Небесной коровой покровитель скота и пастухов, охотников, земледельцев бог Велес...

Услышав это имя, я сел и уставился на моего старшего товарища со страхом. Мне показалось, что рядом со мной коротает эту ночь славянский бог и покровитель скота Велес.

Велесов понял мое волнение.

– Успокойся, я лишь фамилию ношу этого Божества. До Велеса мне далеко.

– Расскажите про Велеса еще, – попросил я.

– Велес был одним из величайших богов древнего мира. Считалось, что его главным деянием стало то, что он привел сотворенный Родом и Сварогом мир в движение. День стал сменять ночь; за зимой последовали весна, лето и осень; за выдохом – вдох, после печали – радость. От него люди учились преодолевать трудности и ценить счастье.

А направляющей силой этого движения является Великая Любовь.

– Любовь?

– Да друг мой, любовь. Любовь мужчины к женщине, например. Без этого чувства мир быстро бы остыл и остановился в своем вращении. Именно об этой силе написал итальянский поэт Данте в «Божественной комедии»: «Любовь, что движет Солнце и светила».

...Опять поразил меня дядя Паша Велесов. И я опять надолго погрузился в раздумья. Раньше я никогда об этом не думал. Правда, были у меня в школе странные чувства, которые я испытывал время от времени к некоторым девчонкам. Они мне нравились. Но чтобы представить, что за всеми этими чувствами стоит какой-то древний, одетый в звериные шкуры бородатый Бог моих дальних предков Велес, и что эта любовь движет солнца и светила, я и в сновидениях бы не смог.

– А дальше, дядя Паша. Говорите дальше, – очнулся я.

– Символом этого движения от Тьмы к Свету служит знак солнцеворота, ты, наверняка видел его на бабушкиной прялке – такая вихревая розетка... на санскрите, древнем праязыке, который очень близок русскому – свастика.

При этом очень важно знать, куда направлены изогнутые лучи солнцеворота: если верхний луч смотрит влево, то движение будет идти «по часовой стрелке» – Посолонь – слева направо, и солнцеворот будет рассевающим, отдающим свет людям. Ну, а если наоборот... Под такой свастикой уже пытался Гитлер завоевать мир. И что из этого получилось?

– А откуда вы все это знаете, дядя Паша? – Спросил я озадаченно, потому что я даже краешком уха не слышал, ни о чем подобном.

Велесов ответил не сразу, долго раздумывал.

– Все, друг мой, Ваня, не просто. Многие знания на протяжении столетий были утрачены. Но наше сознание так устроено, что придумать то, чего не было или нет, невозможно.

Все о чем мы сможем подумать или было или есть. Вот и у меня эти знания из древних преданий, мифов и легенд, книг, наконец. – Отвечал неспешно Велесов. – Именем Велеса –

названа священная книга славян — Велесова книга. Некоторые ученые ставят под сомнение ее древность, однако на то они и ученые, чтобы спорить друг с другом.

Так вот, во времена рождения мира, говорится в этой книге «Велес —небесный пастух шёл в ночи по Млечному Пути, что излился из сосцов Небесной Коровы Земун. Он гнал по небу коров — дочерей Земун. И то молоко — суть небесная Ра-река», что течет над земною Ра-рекою, которая суть грань между Явью и Навью, между Русью и миром иным, не ведомым, куда ушли пращурь русичей».

— Ра-река? Что это? — переспросил я.

— Небесная — Млечный путь, а земная — Волга. Название ее тоже происходит от Велеса. Велес, Волос, Вол... А «га» это движение...

— А куда ушли русичи? Ты сказал они куда-то ушли?

— По древним преданиям жили они на другой планете, которая была разрушена злыми Кощеями и превращена в астероиды.

А люди перебрались на Землю, которая прежде называлась планетой Митгард. Но они знают, что где-то далеко в небесных чертогах есть их Прародина.

Разлитое Небесной коровой молоко и есть тот путь. Эта воспетая в сказках и преданиях молочная река, окруженная кисельными берегами, течет в Ирий-рай, где нет смерти и рождения, где вечное лето и вечная радость.

По кисельным берегам реки там растут волшебные молодильные яблони. Так что, отправившийся в посмертное путешествие по этому пути, человек мог отведать тех яблок и прибыть в Рай молодым, здоровым и счастливым. И все благодаря Земун!

...Велесов замолчал, прислушиваясь к своим думам. Молчал и я, заморожено глядя в бездонное звездное небо, не в силах что-либо сказать...

ЛЮБОВЬ, ЧТО ДВИЖЕТ СОЛНЦЕ И СВЕТИЛА

Через день снова наступала моя очередь пасти деревенское стадо. Накануне бабушка Марья Мосяева, пришла нанимать меня в пастухи, потому что ей бегать за козами и телятами было уже в тягость.

Марья принесла мне пятьдесят копеек, завернутые в платок и бутылку лимонада. Мне нужно было отпасти за бабку три дня по числу голов в ее стаде.

— Вот, — сказала она, вручая мне полтинник, — отгадай загадку: «Весной мертвые просыпаются, чтоб есть живых...» Что такое?

Марья Мосяева была в нашей деревне не рядовой старушкой. Она не помнила сколько ей лет, паспортов тогда у колхозников не было, пенсии в колхозе не получала, поскольку пенсий в то время тоже не было, работала по специальности «куда пошлет бригадир». Чаще всего зимами они с другими старушками в гуменнике сортировали лен перед сдачей его на льнозавод.

А денежки зарабатывала она тем, что раз в неделю ходила в поселок «на Устье» и продавала там скопленную сметану и топленую в русской печи бруснику. Как только снег на дороге начинал таять, она снимала сапоги и бегала на «Устье» босиком, причем сапоги висели у нее на плече. Она и в лютые морозы ходила на колодец босиком и босиком же обряжалась на дворе. И не болела никогда.

На повети стоял у нее всегда мешок с самодельными сухарями. Поутру бабка шла на поветь с решетом, набирала полное решето сухариков, дома заливала их кипятком, заправляла лучком, сбрызгивала растительным маслицем с глухариного пера и с аппетитом принималась за еду.

– Вот, – говорила она, – молодые жалуются, что ись нечего...

Такая вот была наша соседка Марья Мосяева.

– Ну. Так кто это весной просыпается? – Переспросила она.

Я начал перебирать возможные варианты, но так ничего и не придумал.

– Не знаю я бабушка Маша, – отвечал я. Чего-то слишком мудреное...

– Экой ты, недогадливый, – рассмеялась бабка. – А я тебе вот чего расскажу. Комары это. Раньше люди такой напасти не знали. И вот когда Бог делил меж людьми землю, объявился нечистый дух Шишко и попросил Бога нарезать ему удел. А Бог-то отказал ему. Рассердился тогда Шишко, да как ударит своим посохом землю и пробил ее насквозь. И полезла из той дыры тучами комариная напасть. Да как стала она людей грызть, что те свету белого неувидели. Правда, был один пастух проворный. Схватил он из костра головешку и заткнул ту дыру. Только те комары, которые вылезли, все-равно людям досаждают остались...

– Да уж, – согласился я. – Комары да мошки все удовольствие от природы портят.

– Так я вот тебе, сердешной, заговоренной водички на завтра принесла. Окропишь себя, так они тебя и не станут грызть.

Она протянула мне маленькую бутылку с заговоренной водой.

– А как надо ее заговаривать? Расскажи, – попросил я бабку Мосяеву.

– Так это дело нехитрое. Вечеру пошепчи на водицу такие слова: «Комар комара ешьте, комар комара жрите, комар комару – малина, а я – горькая комару рябина». И все.

Поминая рассказы своей родной бабушки о чудесах всяких, бывавших ранее, я не стал пренебрегать наговоренной водой и взял ее с собой.

...К обеду я вышел со своим стадом к Костыговской мельни-

це. С высокого берега открывалась удивительно уютная картина. Два глубоких омута, покрытых желтыми кувшинками, играли серебряными искрами. Мельничное колесо сорило брызгами, которые сверкали на солнце брильянтами, слышался шум воды, низвергавшийся с высоты запруды. На нижнем омуте кто-то зависал в лодке над сеткой, и видно было, как бьется в рыбацких тенетах крупная рыба. Две подводы с разнузданными лошадьми и мужиками, дремавшими на мешках, стояли перед мельницей.

И тут я увидел ее. В цветастом ситцевом платьишке она стояла на высокой мельничной насыпи. Я не видел ее лица. Сквозь ее волосы, раскинутые по плечам, пробивалось солнце, и вся она словно светилась в этом солнечном потоке. Я застыл, чувствуя, как в моей груди рождается какая-то щемящая грусть.

И тут она повернулась и взглянула коротко на меня. И от этого взгляда внутри меня сладкой истомой зашлось сердце. И зашлось так, что мне захотелось расплакаться...

И только огромным усилием воли я смог овладеть собою.

— Да что это я, перед какой-то девчужкой расклеился..., — ругал я себя. —

— А может быть — это любовь? — Подумал я. — Про которую говорил Велесов. — Любовь, которая движет солнце и светила. И чего ей стоит сдвинуть меня?

А девчонка все стояла на насыпи, подставив лицо солнечным лучам. Я никогда не видел этой девчонки. Я знал всех своих ровесниц в округе на десять километров, потому как все они учились вместе со мной в интернате. И я не слышал в деревне ни о какой приезжей на каникулы из городов особе... А в деревне каждый человек на виду...

— Откуда она? А может... — Я вспомнил разговор на речном наволоке и рассказ Кузьмича про великосельскую девицу, выходящую к рыбакам.

А девочка все стояла и смотрела заворожено на солнце, плывущее по небу в золотой сияющей короне.

И вдруг мое раненное сердце встрепыхнулось. Может быть, эта девочка пришла сюда из таинственного Великого Села. И вот

стоит она вся в золоте солнечных лучей, и никто ее, кроме меня не видит...

Тут скрипнули мельничные двери, и на пороге появился дядя Миша в переднике, обсыпанном мукой. Волосы, борода его, лицо были так же запылены мучной пылью. И только темные глаза его весело блестели.

Я подошел к нему.

— Это что за девчонка? — спросил я мельника.

Это гостя из Мурманска приехала в деревню Започу. А там одни старики и старухи. И свету нет. Вот девке и стало скучно, пришла на мельницу. Возьми ее с собой, погуляйте по лугам вместе...

Он обернулся он к насыпной плотине.

— Катерина! Иди скорее, я тебе кампанию нашел.

Сердце мое застучало часто-часто. Девчонка, только что стоявшая на плотине, уже спускалась к нам. Она была сказочно красива. Я на какое-то время одеревенел, уставившись на эту невиданную красу.

— Катя! — Подала она руку без церемоний. А вас, я слышала, Толей зовут. И что вы здесь делаете?

— Пасу, — буркнул я под нос себе и почему-то впервые застенялся своей должности...

Тут подопечное стадо мое, словно почувствовав замешательство пастуха, поспешило на выручку, подошло к нам и окружило плотным кольцом, тыча мокрыми от зелени носами в наши руки.

— Какая прелесть! — воскликнула девчонка. — Расскажи мне, как здесь кого зовут...

Мы двинулись вверх по реке, по цветущим лугам и вслед за нами покорно пошло все стадо. Овцы и козы, телята даже не тревожили нас своими голосами...

— Наверное, она и в самом деле не простая девочка, — подумал я опять, и в груди моей снова волной прокатилась сладкая истома. — И, наверное, я полюбил ее. С первого взгляда.

Катя шла легко, словно плыла по воздуху, травы стелились ей под ноги, и платье ее ластилось к ее ногам...

Она держала в руках березовую веточку, отмахиваясь ею от наседавшей мошкары.

— Я забыл, — воскликнул я. — У меня же есть заговоренная вода от комаров.

Я опустился на колени и стал рыться в своем рюкзаке, отыскивая бутылочку с водой.

Я был так очарован своей нежданной, негаданной спутницей, что пошел на ворожбу. Вместе с заговоренной водой я вынул другую бутылку с лимонадом и страстно зашептал над нею:

«Как солнце всходит за Луню, так пусть Катерина навсегда останется со мною... Аминь.»

Мы были по-настоящему счастливы в этот день, напившись лимонаду, варили на костре земляничный чай, купались в реке, ловили под камнями рыбу, загорали...

А когда солнце зависло над нашей деревней повели домой необычно покорное сегодня стадо...

Мы условились назавтра встретиться на мельнице ее дедушки. И мне казалось, что эта ночь превратилась в вечность...

КАТАСТРОФА

Утром, пригнав к мельнице стадо, я с тревогой обнаружил, что Кати на мельнице нет.

Вышел мельник.

– Что, подружку свою высматриваешь? Не будет ее. Уехали они с мамкой рано утром на теплоходе в Череповец.

Казалось, что земля под моими ногами пришла в движение...

Встреча с этой солнечной девочкой и неожиданное ее исчезновение, так заняли мои мысли и сердце, что я позабыл о своем старшем друге и товарище дядя Паше Велесове. Он со своим стадом в эти дни откочевал на дальнее пастбище, куда доярок вместе с молочными бидонами возил Кузьмич на лошади, а потом еще на моторной лодке.

Так что свою любовь я переживал в одиночку. Некому было излить душу.

Томимый разлукой, я пригнал стадо на старую разрушенную мельницу, где мы с Катей провели целый день вместе.

В омуте жировала рыба. Видно было, как огромные язи вылетали из воды ракетами, охотясь на стрекоз, и бухались обратно словно поленьями. И тут меня начала одолевать охотничья страсть.

Дрожащими от нетерпения руками я торопливо оснастил прочное березовое удилище леской с большим поплавком, большим крючком и наживил крупного красного червя. Поймать язь было трудно. Это осторожная и чуткая рыба. Не зря говорят, что язь – рыбий князь. Поэтому я решил испытать удачу в ловле леща.

Я забросил свою снасть в самое глубокое место омута.

Ждать поклевки пришлось недолго. Поплавок дрогнул, покачался, покачался и лег безвольно на поверхность воды. Так берет насадку крупный лещ. Я подсек. Удилище согнулось дугой. Я осто-

рожно вывел леща на поверхность воды, чтобы дать ему хлебнуть воздуха. Тогда рыба сразу становится спокойнее. Через минуту я подтащил леща к берегу и схватил рыбу свободной рукой за жабры. В ней было больше килограмма весу.

Я отбросил добычу назад в траву и снова закинул удочку. И снова поплавок покачнулся и лег на воду. Я подсек. Этот лещ был еще крупнее, но я легко справился с ним. Новая добыча полетела в траву. Я снова забросил снасть, и снова поплавок лег...

Я потерял счет выловленным лещам. Азарт полностью поглотил меня.

Но тут я увидел, как огромная щука стремительно пронзает водную гладь, охотясь за плотвой, которая веером разлетается по поверхности.

— Вот бы забagrить ее! — мелькнуло у меня в голове. Лещи сразу же перестали меня интересовать.

И снова руки у меня затряслись от волнения. Я быстро поменял на удочке крючок на мелкую рыбешку. Минут через десять у меня в котелке плескалось с пяток плотвиц.

Потом я поставил на удилище оснастку с толстой леской, большим поплавком, металлическим поводком и крючком тройником. Я зацепил плотвицу крючком и забросил наживку в омут.

Тот час из-под кувшинок метнулась огромная тень. Поклевка последовала тут же. Поплавок нырнул и пошел наискосок в глубину. Дрожа от нетерпения, я досчитал до пяти и дернул удилище. Удочка согнулась колесом под тяжестью, попавшейся на крюк добычи.

Сердце мое радостно билось, руки дрожали от азарта. Такой крупной добычи у меня еще не было.

— Только не сорвись, — молил я. — Только выдержи леска...

А леска кругами резала зеркало омута, и видно было, как в глубине его мечется огромная тень.

Я понял, что так просто мне не справиться с рыбиной, попавшейся на крючок. На каждое мое усилие подтащить ее к поверхности, она отвечала таким напором, что удочка моя едва не переламывалась.

– Нужно ее вымотать, а уж потом подтаскивать к берегу, – вспомнил я наставление отца.

Мне казалось, что прошла вечность. Я ничего не видел и не слышал. Порой казалось, что рыбина изнемогает и ослабевает ее сопротивление. Но едва начинал я подводить ее к берегу, как она с удвоенной энергией рвалась в глубину, и я с трудом удерживался на берегу. Руки мои занемели, ноги тряслись от напряжения.

В какой-то момент мне показалось, что сопротивление рыбины сломлено, и я из последних сил потянул удилище вверх. Но неожиданно леска провисла, удилище резко выпрямилось, и я опрокинулся назад, не понимая происходящего.

А мгновение спустя я увидел, как огромная щука в фонтане брызг вылетела из воды и, сделав невероятный кульбит, снова вошла в воду.

Вода в омуте успокоилась. Удилище и поплавок с леской недвижимо лежали на поверхности. Все еще не веря в свое поражение, я потянул удочку, и прямо в руки мне упала леска без поводка и крючка. Щука вышла в этом поединке победительницей.

Я плюхнулся на берег, огорчение было так велико, что слезы ручьями потекли по моим щекам...

Я был опустошен морально и физически.

Наконец, я поднялся, выплеснул из котелка воду с плотвицами, смотал леску с удилища. Теперь нужно было собрать улов. Я обернулся и обмер. По всему берегу валялись вздувшиеся под солнцем лещи, и по ним вгустую ползали большие зеленые мухи... Весь мой улов протух и пошел прахом.

Мне стало стыдно и тягостно.

– Зачем я погубил столько рыбы? Мне хватило бы с лихвой одного леща, а тут валялось их полтора десятка – в общей сложности килограммов двадцать рыбы, не меньше.

Терзаемый угрызениями совести я сложил протухших лещей в одном месте, в надежде, что ночью придут лисы или еноты и съедят негодную человеку рыбу.

Но когда я устало поднялся на угор, то вначале ничего не мог понять. Угор, на котором отдыхала скотина, был пуст. Тревожные предчувствия охватили меня.

— Ох, эта зловредная коза Маля! Это она увела стадо. А если волки нападут на них!

В голове моей тот час нарисовалась картина растерзанных волчьими клыками коз, овец и телят... Вот так пастух! Я подвел всю деревню, которая умрет без скотины!

В груди моей похолодело от ужаса содеянного мною.

Я бросился вниз по течению мимо костыговской мельницы к устью реки. Пусто.

Я побежал дальше вверх по течению большой реки — пусто. Опять никаких следов моей скотины. Ни звука ботал, ни блеяния, ни мычания... Я пронесся берегом еще километра три... Пусто.

В отчаянии я повернул обратно. Наверное, думал я, это зловредная Малька двинулась мимо разрушенных мельниц на Фадеевские покосы, заросшие кустарником.

Я мчался, как молния. Я пробежал в общей сложности километров около двадцати. Тишина. Как сквозь землю провалилось мое стадо.

За фадеевскими покосами, за Имаей, отделенное от сферы человеческого влияния небольшим лесом и подмошицей, начиналось Ванеевское болото. Хорошо набитая тропинка уводила в приболотье. Искать стадо больше было негде, кроме как на болоте.

И я устремился в подлесок, потом выскочил на подмошье: ни голосочка, ни единого звука.

Волосы на голове у меня зашевелились, и тут я услышал вдалеке неясный стук ботала, а болотной дымке мелькнуло белое пятно...

— Малька!

Я прибавил ходу. Проскочил подмошицу и сквозь редкое мелколесье вновь увидел белое пятно. В охваченном отчаянием сознании мне казалось, что еще усилие, и я догоню сбжавшее стадо.

Белое пятно призрачно маячило вдалеке... Началась лежневка — та самая Старая Гать, высланная по болоту в незапамятные времена.

Кто ее строил и куда она вела — в деревне не знали даже старики. В середине болота Гать местами пропадала, то ли ее поглощала болотная трясина, то ли она сама сгнила и превратилась в труху, но далее по ней, рассказывали, еще никому не удавалось пройти.

И только волки, недостижимые охотниками в Кашеевом Логове, знали или угадывали своим звериным чутьем путь через пучины болота, когда выходили на разбой к человеческому жилью.

...Сквозь горячие обомшелые бревна гати тянула к солнцу свои плети клюква, кусты с приспевающей брусникой обрамляли ее. Выше всех по краям ее поднималась голубика, которую в нашей деревне почему-то называли гоноболом. Ягоды голубики крупные и сочные свисали гроздьями и манили свежестью.

У меня после такого марафона во рту была пустыня. Я упал на колени, чтобы поесть голубики, остудиться, одуматься, придти в себя.

Я хватал ягоды пересохшими губами, я видел, как сквозь ветви ее уползала от греха подальше сизо-черная гадюка, не посмевшая пустить против меня свое ядовитое оружие. Но у меня уже не было сил встать с колен.

Но, чу! Снова брякнуло где-то впереди ботало и перед глазами в болотном мареве замаячило белое пятно. От пьянящего приторного запаха болотного багульника-болиголова у меня путалось сознание, и казалось, что беглецы рядом, протяни руку и вот-вот и я настигну их...

Я поднялся с колен и вновь я бросился по гати, бревна которой порой под моими ногами уходили в болотную топь. И лишь благодаря тому, что скорость у меня была большая, я не успевал проваливаться.

— Бе-е! — вновь послышалось в глубинах болота.

ЦАРИЦА БОЛОТНАЯ

Страшные мысли не оставляли меня. О том, что я нарушил закон природы, в которые посвятил меня Велесов. Что я взял от природы больше, чем было нужно. Много больше. Что оставил скот без присмотра и обездолил деревню.

И я не заметил в своей погоне за призраками, что солнце уже сгорело в небе и опустилось в мелкие низкорослые сосны болота.

Я давно уже не бежал, а шел по гати. И идти по ней становилось все труднее и опасней. То и дело ноги мои проваливались в болотную хлябь, и болото под ногами предательски зыбало.

Я понял, что никакого стада на болоте нет, что искать его нужно в другом месте, но не мог остановиться, словно кто упорно вел меня к какой-то неведомой цели...

— Наверное, где-то рядом здесь обиталище моих старых знакомых. Волчья вольница, логово Кашеево. Не дай мне, Бог, встретиться с ними...

Наконец, я смог остановиться. Болото быстро погружалось во тьму. С востока накатили тучи, и небо стало черным. А вот на болоте в ответ засветились какие-то призрачные блуждающие огни.

Я вспомнил деревенские посиделки у Марьи Мосяевой, на которых частенько рассказывали и о Кикиморах болотных и Болотницах, и о самом властителе Ванеевского болота... Водяном, которые заманивают людей в трясины и пучины болотные.

В один миг я понял всю отчаянность своего положения, и страх сжал мое сердце.

Я повернул обратно, намереваясь выбраться из этого зачарованного места.

Но не прошел я и десяти метров, как бревно под моими ногами провалились, и я едва не угодил в чавкнущую под ногами

трясину.

Я подумал, что сюда завела меня Кикимора и только дожидается удобного случая, чтобы утащить в бучило. Я вспомнил бабушку Мосяеву. «А красотой с Кикиморой не поспорит никто из крещеного мира». И какие-то странные ассоциации родились у меня в голове...

Я вспомнил про Великое Село. И стал выслушивать спасительные звуки человеческой жизни. Но болото было глухо.

Я сидел на моховой кочке. Волнения и напряжение минувшего дня сказались, и меня клонило в сон.

Но только я смыкал глаза, как казалось, что вся нечисть болота окружает меня. И волки из Кашеева логова щелкали зубами, и Кикиморы тянули ко мне руки, и отвратительные Болотницы в тенетах из мха и тины... И сам Водяной на болотной коряге плыл навстречу.

И тут я увидел огонек. Не тот призрачный, зеленый и холодный, а теплый керосиново-желтый, появившийся в ночи.

Вспомнил деревенские посиделки и рассказы бабки Мосяевой, которая наказывала не поддаваться на уловки нечисти... Но огонек был такой родной и теплый, а оставаться на болоте ночевать было страшно, что я решил и пошел на этот свет.

Болото держало меня довольно хорошо, и скоро я вплотную подошел к манящему меня огню. Это было заставленное стеклышком крохотное окошко в крохотной избушке.

Сдерживая волнение, я заглянул в окошко.

Там сидела старуха, морщинистое лицо которой озарялось светом керосиновой лампы, стоящей на столе. Оно показалось мне знакомым. Старуха пряла пряжу. И слышно было, как жужжало в избушке веретено.

И это звук веретена прибавил мне решительности и отогнал страхи перед возможностью встретиться с глазу на глаз с болотной нечистой силой.

Я стукнул в окошко. Старуха подняла голову, и я увидел, что она одноглазая. Один глаз у нее был прикрыт веком, а второй, я заметил — был ярко голубого цвета. Она внимательно взгля-

нула в окошко, и вдруг лицо ее озарилось тревожной надеждой и радостью. Она убрала прялку и бросилась к двери.

Я узнал ее. Это была бабка Саня Березкина, прозываемая в деревне Болотной Царицей. Про нее ходило много всяких историй по деревне.

...Глаза она лишилась еще не родившись. Мама ее, будучи беременная, стоговала с мужиками сено, и кто-то нечаянно проткнул ей живот железными вилами. Тут на поже и родилась Александра, но уже без глазика.

Брак этот лишил ее возможности выйти замуж, но детей она любила и пестовала ребятишек всей своей многочисленной родни.

А больше всего привязалась она к Ванюшке — младшему внуку своей сестры. И не уберегла его.

Как-то в летом родители Вани ушли за реку ставить изгородь подскотины. А бабка Саня напекла шанежек, отправила их с Ванюшкой родителям, которые совсем рядом с деревней были, слышно было, как перекликаются.

Подхватил Ванюшка шанежки да бутылку с молоком и побежал резвыми ножками по мостику за реку. Вечером, когда вернулись родители домой, Вани с ними не было. В подскотину он не пришел.

Мальчишку искала вся деревня, прочесывая пожни, леса, болото... Ни единого следочка, ни единой заметочки... Исчез, как в небо вознесся, или пропал в зыбучей трясине...

Через неделю поиски оставили. И только бабка Саня не вышла с болота, не прекратила поисков, обшарив каждый куст и каждую кочку в Большой Чисти. А уж ее то она знала, как пять своих пальцев, не зря же Саню Березкину, зарабатывающую свой хлеб сбором грибов и ягод, звали Болотной Царицей.

Она еще выходила несколько раз в деревню, но потом ее не было до самого снега. Она появилась в Потеряеве с первой порошей, исхудалая, оборванная, с глазами полными страданиями, собрала в котомицу съестных припасов и снова ушла на болото.

Говорили, что будто бы она поселилась в заброшенной охотничьей избушке, ожидая в ней каждый день и каждую ночь заблудившегося мальчика. Что будто бы она тронулась умом, не простив себе жестокой оплошности...

И вот я оказался в эту злосчастную ночь перед окошком Болотной Царицы...

Силы меня оставили у порога этой таинственной избушки.

Я проснулся на лавке на овчинном полушубке. Больше в избушке никого не было. Двери были настолько малы, что мне пришлось пригibasья, чтобы выйти наружу. Я впервые встречал на болоте утро. Туман полз по кочкам, оставляя ключья свои в мелколесье, солнце, огромное, багровое висело над болотом, как будто поднялось из моховых постелей его и рассматривало близоруко болотный мир. Где-то недалеко закричали журавли, прощаясь с ночью проплакала выпь, кулики прошли над головой стайкой, рассекая воздух стремительными взмахами крыльев. Еще мне показалось, что я слышу крик петухов, мычание коров, шум мельницы.

— Великое село! Значит, оно существует на самом деле? Рядом совсем! Можно добраться. На лыжах... На лодке... На снегоступах...

Эти мысли вихрем пронеслись у меня в голове. Но тут же жестокая реальность встала у меня перед глазами. Я потерял свое стадо. Я обездолил всю деревню...

Сердце у меня рухнуло в пятки.

И тут из-за сосенок появилась бабка Саня с берестяным туеском в руках, полным морошки.

— Проснулся! — Сказала она ласково. — Сейчас чайку попьем и пойдешь к дому. Я тебя выведу.

— Баба Саня! — Вскричал я. — Беда у меня. Стадо пропало.

— Не тушуйся, дружок, — отвечала она спокойно. — Стадо твое, пока ты рыбу ловил, домой вернулось без пастуха. Вот и вся твоя беда. И мамке твоей я уже сказала, что ты у меня спишь. Я уж, кормилец, в деревню сбегала, пока ты спал, да все и узнала...

— Баба Саня!

Камень свалился с моей души.

Потом мы пили чай с травами, от которого бодрость и силы разливались по моим жилам.

– Баба Саня! А тебе не страшно здесь обитать? – Спросил я.

– С Кикиморами и Водяными?

– Душа у меня болит, – Отвечала она. – В деревне мне трудно. Как услышу голоса детишек – сердце останавливается. А Кикиморы что? Мы с ними друг дружке не мешаем. Есть они или нет, живи по совести да по правде. Не вреди никому. Вот и вся недолга.

– Я слышал, как в Великом Селе петухи поют... то правда? Вот бы попасть туда.

Бабушка вздохнула и улыбнулась загадочно, окатив меня ласковым светом голубого глаза.

– А хочешь, я тебе открою тайну Великого Села?

– В котором все люди живут счастливо и радостно?

– Так, так, кормилец. Нет этого села.

– Но я же сам слышал утром: коровы мычали и петухи пели? – Не поверил я.

– Пели, – согласилась бабка Саня. – Только ты слышал петухов потеряевских и ванеевских. И коровы мычали на Заречье колхозные...

– Как так?

– А так, что Потеряево, а вместе с ним Остров, Ванеево – и есть это Великое Село. Вот ты вырастешь, уедешь, должно быть, в дальние края счастья искать, а в сердце твоём останется память о Потеряеве – Великом нашем Селе... Понял? Только ты никому об этом всуе не говори... А в сердце носи эту любовь и тайну и возвращайся время от времени на свою родину.

О ПРАВДЕ И КРИВДЕ

Лето было в разгаре, а дядя Паша Велесов стал для меня еще большей загадкой. Никак не походил он на наших деревенских жителей. Чувствовалось, что знаниями своими и умом, и образованностью он далеко не пастух, а скорее ученый.

И эта загадка настолько измучила меня, что решил я напрямую спросить Велесова: кто он?

Колхозное стадо уже вернулось с дальних пастбищ поближе к деревне и мне особенно долго не пришлось упрашивать родителей отпустить меня снова в ночное к Велесову.

Велесов ждал меня. И я даже почувствовал, что он взволнован. Наверное, догадался я, он тоже хочет сказать мне что-то такое, что мучит его.

Мы сидели у костра, над нами сияла звездная люстра, Млечный путь, Большая и Малая медведицы... Коровы прислушивались к нашим голосам, изредка глубоко вздыхая.

И я спросил:

— Дядя Паша! Я ведь догадался, что вы не пастух. Вернее — пастух, но необыкновенный.

— Что сказать, — отвечал Велесов, — ты паренек смысленый. И то правда, трудно носить в себе, то, что давно наружу просится. К покаянию зовет.

— Так расскажите мне, — горячо попросил я.

— Пожалуй, Только надо, чтобы ты понял меня. Может быть, для тебя это будет тем жизненным опытом, который не уведет на распутье по кривой дорожке.

— Я постараюсь понять, дядя Паша! — по-взрослому отвечал я.

— Ладно. Тогда слушай.

Давно уже костер покрылся серым пеплом, умолкли по лесам птицы, только дергачи скрипели в лугах да трещали кузнечики.

– Был у меня с детства закадычный друг Лешка Степанов, сын сельского священника. Росли мы в одном селе, в одни игры играли, за одной партией сидели, а когда подросли, вместе отправились гранит науки грызть.

Мечтали мы стать зоотехниками-селекционерами, чтобы создавать новые породы скота, которые вывели бы нашу деревню в мировые лидеры.

Вместе поступили мы в сельхоз академию, там в партию вместе вступили, а после окончания академии отправились по распределению на опытные сельскохозяйственные станции заниматься наукой. Алексей попал в Молочное под Вологду, я – в Кострому.

И началась у нас интереснейшая, захватывающая жизнь. Строили социализм, страну справедливости и всеобщего счастья. Энтузиазм небеса подпирали. Ну, и мы, как молодой, передовой отряд науки, тоже грезили о рекордах, и победах.

Тогда все на рекорды шли. Чкалов океан перелетел, Стаханов один угля в шахте нарубил за целую бригаду, свиарка Люскова мировые рекорды по привесу свиней дала...

И вот как-то приезжаю я к Алексею в командировку по обмену опытом, и глазам своим не верю. За несколько лет товарищ мой ушагал вперед так, что мне не тягаться с ним.

Новую ферму отстроил, скот подобрал породистый, раздоил до пяти тысяч литров молока в год от каждой коровы. Это в те времена было высочайшим достижением.

– Вот, говорит, на десятилетия вперед замыслил работу, как вывести такую породу коров, которая была бы неприхотлива к корму и условиям содержания, а молока давала больше всякой американской.

И так у него дело было поставлено убедительно, что в верхах обсуждали вопрос вместо станции открыть научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства под началом молодого ученого...

Мне бы порадоваться за товарища, а меня зависть стала одолевать. Куда бы ни поехал, чем бы ни занимался, все перед гла-

зами его довольная физиономия стоит.

А тут еще в газетах шум: ученый селекционер Степанов поставил перед собой задачу раздоить корову местной породы до уровня мировой рекордистки.

И тут накрыла меня волной досада да зависть черная, лишила ума и совесть заглушила.

А время тогда было непростое. Всюду врагов народа искали и искореняли. И вот, видимо, кому-то из коллег Степанов перешел дорогу. Поступило заявление в партийную организацию, что коммунист Емельянов скрыл от товарищей свое происхождение, что отец-то его был священником и репрессирован Советской властью...

Велесов тяжело вздохнул, замолчал, отдавшись воспоминаниям. А я уж и не рад был, что вывел человека на такие откровения.

– Да, – прервал Велесов молчание.- Тогда было так, только напиши на кого, так не поглядят ни на какие заслуги.

И вот приходит ко мне от Алексея письмо, где он мне, как другу своему лучшему, сетует на жизнь. Что по чьей-то недоброй воле исключили его из партии и того гляди, попрут с работы. И просит у меня поддержки. Просит письмо написать на партийную организацию, что я знаю его давно и ручаюсь.

И стало мне невмоготу, будто раздвоился я на пополам. Одна половина моя по правой дорожке хочет идти, другая – по левой. Маялся я маялся, но так и не написал письма в его защиту.

Отец-то у Степанова и впрямь был священником и репрессирован. Не потому не написал, что за себя боялся, а скорее всего та же зависть верх взяла.

Как-то ночью проснулся, не идет у меня из головы Алексей. Всю душу мне это письмо вынуло. Камень на душе. Не камень, а валун.

Еле дождался я утра, чтобы выправить командировку и ехать в Вологду, думал покаяться ему в трусости и зависти и, если можно, исправить ситуацию.

А вот вышло-то, что меня самого спасти нужно было. Кто-то

нашелся и на меня донос написал, что будто бы хулил я советскую власть, которая так жестоко и несправедливо обошлась с молодым перспективным ученым. А я и вправду, говорил такие слова от отчаяния.

Десять лет лагерей — приговор суда. Уже за колючей проволокой узнаю невероятную, казалось бы, новость: молодому ученому селекционеру Алексею Степанову вышла государственная награда — орден Ленина, который вручал сам Сталин. Нашлись настоящие люди, отстояли ученого.

И еще узнал я, что хлопотал обо мне орденоносец Степанов и благодаря хлопотам этим скостили мне срок до восьми лет...

Вот по каким дебрям порой водит тебя жизнь, оступись лишь, дай волю недобрым чувствам.

Велесов замолчал. Молчал я, боясь помешать его переживаниям, которые и спустя годы не остыли в его сердце.

— Вышел я на свободу, приехал в вашу деревню и живу вот тут. Скот пасу.

Дядя Паша снова замолчал, и голова его склонилась покаянно. Я не знал, что мне делать. Передо мной, мальчишкой исповедовался в грехах старый уже человек. И кроме меня некому было посочувствовать ему.

— Дядя Паша, — поборов робость, спросил я, — А где же теперь ваш товарищ?

— Степанов? Он большой ученый, член-корреспондент Всесоюзной академии сельского хозяйства, директор института. У него столько заслуг и достижений...

— А может быть вам стоит поехать к нему, поблагодарить за поддержку? — сказал я, всем сердцем стараясь облегчить муки старшего своего товарища.

— Ты думаешь? — Поднял он голову, и мне показалось, что глаза его осветились надеждой.

Мы долго сидели молча, думая каждый о своем.

Потом я решил спросить его.

— А получилось у Степанова вырастить корову, которая побила бы все мировые рекорды, как вы мечтали?

– Еще как получилось! – оживился Велесов.

– Расскажи, дядя Паша!

– Поздно уже! Это долгий рассказ. Приходи в другой раз. Я тебе и про корову, чемпионку мира расскажу. И про Беловодье, где реки молоком и медом текут... – отвечал он. – Придешь завтра-то, друг мой? – И он с надеждой глянул на меня из-под кочек бровей.

ПОСЛЕДНЯЯ БЕЛУГА

Тот день был богат на удивительное.

Ближе к вечеру к нам прибежала со шлюза Судьбицы дочка последних служителей Мариинки Агапитовых. Она принесла записку и была очень взволнована.

– Я сама ее видела, – сказала она мне, округляя глаза. – Она как корова, даже больше коровы... Страсть!

– Кто?

– Белуга!

Агапитовы запискою приглашали нас с отцом на рыбалку наплавной сетью.

– Они пишут, что белугу поранило винтами теплохода. Может, удастся поймать, пока жива, – сказал отец с внутренним волнением в голосе.

Это волнение передалось и мне. Я никогда не видел белуг, представлял их в виде водяных белых коров только без рогов, которых пасет по водным пастбищам Чарандак.

И мы быстро собрались. Спустились в сумрачную елань, прошли ее споро и вышли к полноводной Шексне, воды которой, казалось, горели в закатном солнце.

...Нас с ждали. Едва мы появились на берегу, как от острова отделилась большая просмоленная лодка и быстро понеслась в нашу сторону. За веслами сидел старик Голубев.

– Поторапливайтесь! – Сказал он приглушенно, – заря догорает. А раненую белугу я сам видел. Справимся ли? – Усомнился он!

Мы быстро погрузились в лодку, на дне которой лежала разобранная сеть и веревочная бухта.

Еще одна лодка показалась на речной глади и полетела в нашу сторону. Скоро они сошлись. Николай Агапитов быстро привязали конец сети к своей веревке, и лодки поплыли против

течения, медленно расходясь. Когда сеть полностью ушла в воду, веревки дали возможность лодкам разойтись довольно далеко друг от друга.

Гребцы тихо налегали на весла. Речная гладь была похожа на застывшее стекло, которое, остывая, играло всеми цветами радуги. Небо и река, полные невероятной цветовой игры, казались единым целым, и грань между ними перестала существовать.

По всей реке плавились круги. У рыбы был вечерний жор. То и дело поплавки нашей сети начинали плясать и лодки сходились, добыча падала на дно и трепыхалась там, полная жизни. Лещи, жерехи, судаки...

Но вот впереди водное стекло взорвалось мощным буруном. Видно было, как мелькнул в воздухе огромный косоый рыбий хвост и ударил, как показалось мне, оглушительно, поднимая тучи брызг на воде.

Все вздрогнули и напряглись. Прошла еще минута, пока лодки достигли кругов на воде, как вдруг поплавки на сети заплясали, а веревка в руках моего отца так дернулась, что он едва не оказался за бортом.

– Держись! – Старик Голубев, оставил весла и перебрался к отцу. Веревка звенела. Они стали выбирать ее в лодку. Я сел за оставленные весла.

Вода между лодками кипела котлом. В воздухе мелькали то косоый зазубренный хвост, то похожий на гигантскую пилу хребет громадной белуги.

От волнения у меня дрожали руки и ноги, а голос пропал, и пропало чувство времени. Борясь с рыбой, мы не заметили, как погасла заря. Наконец, лодкам удалось сойтись, а измученная рыба стихла, запутавшись от головы до хвоста в сеть.

Одежда на всех была сыра. Отец пытался достать папиросы и прикурить, но руки у него дрожали и спички ломались. Медленно поплыли мы к берегу, буксируя за собой невероятный груз. Навстречу нам попалась жена Агапитова, она ехала на лодке зажигать бакены, поскольку мужикам было не до них.

Увидев белугу, запутавшуюся в сети, она ахнула и зажала руками рот.

Рыбину едва вытащили на берег. Она все еще пыталась порвать державшие ее путы, но силы были на исходе. На голове белуги виднелся глубокий шрам – след от корабельного винта.

Николай Агапитов принес ружье-переломку.

– Чтобы не мучалась, – сказал он с чувством сострадания. Следом грохнул выстрел.

Ночью белугу переправили на деревенский берег, запрягли лошадь и погрузили добычу на телегу. Уже утром мы везли ее деревенской улицей на ледник колхозной сыроварни. Косой зазубренный хвост диковинной рыбы мел булыжную дорогу. К обеду белугу разделали и поделили на всю деревню по-братски. Весу в ней оказалось 305 советских килограммов да несколько ведер черной икры.

С той поры о белугах в нашем краю не слышали. Видимо, они вымерли все. Но хочется верить, что где-нибудь в глубинах Белого озера или Рыбинки лежит на дне эта удивительная царь-рыба, охраняемая верным сторожем – водным духом Чарандаком.

Спустя несколько лет канал стали расширять под суда типа «река-море» и взорвали остатки старой плотины. Мы с ребятами пробрались через охрану к самому берегу, надеясь, что взрывом выкинет нам или еще одну белугу или гигантского сома, и залегли в кустах.

И вот взрыв! Казалось, что он поднял до небес остатки плотины. Высоко в воздухе кувыркались бетонные плиты, огромные валуны, якоря и якорные цепи...

Мы бросились бежать в глубину леса. И почти тот час на нас обрушился водопад с песком, илом, мелкими камнями. Слышно было, как трещал и стenal лес под ударами бетонных плит и валунов...

Вскоре люди со шлюза разъехались, и только Николай Иванович Агапитов с женой Верой не смогли изменить своей судьбе – остались верны Судьбицам. Прожили жизнь без электричества, телевидения и прочих благ цивилизации.

А однажды по весне перед ледоходом Николай Иванович отправился в магазин в Потеряево и на глазах жены провалился в полынью. Он еще пытался какое-то время вырваться из ледового плена, и жена уже бежала спасать его, но лед на глазах превращался в кашу.

– Вера! Назад! – Крикнул он, и пучина реки поглотила своего верного хранителя.

Все в этом мире, братцы мои, взаимосвязано. Одно звено рушится и вся цепь рвется. Когда-то она восстановится... И восстановится ли?

НОЧНАЯ БИТВА

Это произошло в октябрьскую глухую мокропогодную пору, когда урожай был уже прибран, скот поставлен на зимовку, а деревенская детвора отправлена в интернат на учебу.

Ночью с Кашеева логова в Потеряево по старой гати вышла собирать свою кровавую дань, разбойная волчья стая. Деревня мирно спала под завывания ветра и шум дождя.

Волки обследовали скотные дворы, но поживиться там им не удалось: ворота были прочны, крыши крыты тесом, окна застеклены.

Отдельно от коровников стоял бычатник, в котором много лет царствовал наш колхозный племенной производитель Малыш, внук нашей знаменитой бабушкиной Малины, неустанно улучшая продуктивность коровьего потомства.

У бычатника крыша была покрыта «утошником», так крестьяне называли камыш. Не доходили руки перекрыть его шифером или тесом. И вот через эту крышу волки проникли в бычатник.

Малыш был огромен и страшен, но волки голодны и злы.

Он мог бы растоптать, переколоть рогами и раздавить чугуном лбом всю стаю, но ему негде было развернуться в тесном бычатнике. И волки стали вырывать из его могучего тела куски мяса.

Малыш взревел утробно, переломал загородки, выбил двери и вырвался, наконец, на волю в темную слякотную ночь, поливая горячей кровью дорожную грязь.

Волки облепили его со всех сторон. Он крутился вокруг себя, пытаясь сбросить висевших гроздьями волков. Страшный рев его, перекрывая шум непогоды, долетал и до Потеряева, но деревня не слышала его отчаянных призывов.

И тогда он побежал к деревне, сотрясая ужасным ревом ночь,

но волки налетали сзади, с боков, хватали его за поджилки, прыгали на спину, стараясь достать до становой жилы.

На середине пути от дворов до деревни был пруд. И Малыш бросился в него, пытаясь в воде найти спасение от кровожадной стаи.

Но и вода не стала для него спасением. Волки прыгали ему на спину, вгрызаясь в холку, шею, вырывая из живого титана горячие, брызжущие кровью куски мяса. Скоро вода в пруду стала красной от крови... Издав предсмертный рев, Малыш рухнул в воду.

Наконец, в деревне услышали заходящихся в хриплом истеричном лае собак. От Потеряева бежали ко дворам люди с керосиновыми фонарями. Оскалясь, роняя кровавую слюну, волки неохотно отступили в темноту. Все было кончено. Потомок рекордистки Малины, создавший поколение высокоудойный коров не в одном районе, пал жертвою беспощадной стаи кровавых хищников.

Эту потрясающую новость я узнал, когда вернулся из интерната домой. Колхозники вытащили бездыханного обескровленного Малыша на берег, разделали останки его, положив у пруда для приманки голову и требуху лучшего колхозного производителя.

Ружье в деревне было только у моего отца. И бригадир пришел к нему с просьбой отомстить вражьей стае за столь дерзкое нападение на колхозное будущее.

Две ночи ходил отец в ухоронку на берегу пруда, карауля с картечью серых разбойников. Однако, они не вышли к месту своей кровавой тризны.

Отец говорил, что, скорее всего, они приходили, но звериным чутьем чувствовали опасность и прятались в зарослях можжевельника, которым густо поросла поскотина.

Волки, говорил он, верно, хорошо изучили деревенскую жизнь и людские повадки. Ведь столько лет они соседствуют с деревней, слушая ее звуки, ловя запахи. И они точно знают всех деревенских собак и, должно быть, людей. Вот потому

и действуют они крайне осторожно и осмысленно.

Проведя две ночи в холодной и сырой засидке, отец заболел и лежал теперь с высокой температурой в постели, обложенный горчичниками.

— Сегодня бы их нужно ждать, — говорил с сожалением отец. — Теперь они, верняком, заявятся. Но мне нельзя. Крупозное воспаление легких можно схватить.

История с Малышом потрясла меня до глубины души. Я готов был один выйти на сражение с волчьей стаей.

— Папа! — Сказал я горячо. — Я уже большой, стреляю хорошо. Давай, я пойду вместо тебя. Я уже видел твою засидку.

Отец внимательно посмотрел на меня.

— Отпусти! — Сказал я решительно. — Не отпустишь, тогда я возьму ночью твоё ружьё и уйду сам. У меня с ними свои счёты. За Малыша и за Пыжика...

Отец опустил голову на подушку. На лбу его выступила испарина. Он долго молчал и, наконец, открыл глаза.

— Оденься теплее. И ничего не говори матери с бабушкой. Пусть они думают, что ты спишь. Стрелять надо дуплетами картечью.

...Я ждал их часа два. Нудный холодный дождь, сеявший с вечера, около полуночи кончился. Ветер стих. А волков все не было. Но внутреннее чутьё подсказывало, что они где-то рядом. И липкий страх волнами подкатывал к груди.

Тут неожиданно чёрные рваные тучи, обложившие небосвод с вечера, расступились. На землю глянул мертвенно бледный лик луны. Отец называл её «волчьим солнцем». Противоположный берег, на котором лежали останки Малыша, был пуст.

Я лишь на какое-то мгновение закрыл глаза. А когда открыл их, то от увиденного меня затрясло. Около десятка матерых волков кружили около останков Малыша.

Дальше все было, как во сне. Не успел я нажать спусковой крючок, как чёрная туча накрыла лунный фонарь, и мир погрузился во тьму. Я выстрелил наугад дуплетом. И тут же перезарядил и снова выстрелил. На том берегу слушался хрип, рычание,

визг...

Тут снова луна выглянула в прореху туч. На берегу катались в агонии три волка. Остальных не было. Я перезарядил двухстволку и поднялся из засидки.

От деревни уже бежали с фонарями люди... Мы обследовали место сражения. Выстрелы были удачными. Кроме этих трех, оставшихся на берегу, мы нашли недалеко еще одного матерого. Видимо, картечь достала и других. На пожухлой траве виднелись следы крови.

– Ты рассчитался за нас и за себя с этими разбойниками, – сказал бригадир дядя Миша Кошкин. – Теперь они надолго к нам дорогу забудут. Самое им место в Кашеевом логове...

МЕДОВЫЕ ЛУГА

Снова встретились мы с Велесовым уже в конце августа, перед школой. Меня эта коровья тема так увлекла, что я даже подумывал о себе, как о будущем селекционере, поэтому хотелось как можно больше впитать от Велесова его уникальных познаний.

Я заметил, что Велесов в последние дни изменился. Будто бы сбросил он с себя годы, помолодел.

– Наверное, друг мой, я пасу здесь последние сезон, – сказал он мне.

– Дядя Паша, ты хочешь вернуться в науку? К Степанову поедешь?

– Не знаю, дружок, пока не знаю, но знаю одно, что нужно мне менять в этой жизни многое. Жаль, времени осталось немного... Многое потеряно.

На этот раз наш разговор походил лекцию в каком-либо современном институте. От коровы Зимуны, которой поклонялись наши предки, индийских отзвуков этого культа, где корова считается священным животным до современных технологий и принципов селекции.

– Скажи, дядя Паша, а наша Малина была настоящей рекордистой?

– Видишь, друг мой, у Степанова было несколько коров, с которыми он работал, чтобы создать высокоудойное стадо. Селекция дело неспешное, но эти коровы заложили высокопродуктивные линии будущего стада.

Сегодня лишь немногие коровы дают по пять-семь тонн молока в год. Но завтра, наплодится огромное стадо внучек и правнучек их, которые превратят легенды о молочных реках с кисельными берегами в явь...

– Как в Беловодье? – воскликнул я, не в силах сдержать

радости.

– А знаешь, друг мой, я думаю, что Беловодье и есть та самая земля, на которой мы живем и жили наши предки.

Степанов не зря назвал свой институт институтом молочного и лугопастбищного хозяйства. Дело в том, что мы, чаще всего, не подозреваем, каким великим богатством располагаем. Таких лугов, такого разнотравья нет ни в одной развитой сельскохозяйственной державе.

– Вот что еще должен сказать я должен тебе, – Остановился Велесов. – Запомни это. У нас почему-то не любят ее и не рассказывают об этом.

– Я запомню, дядя Паша, – воскликнул я страстно.

– Так вот, друг мой! Перед первой мировой войной департамент земледелия США провел грандиозную работу по определению перспективных сельскохозяйственных угодий планеты. Руководил этой работой академик Криштафович, бывший земский агроном из Архангельской губернии. Ее результаты были для многих специалистов неожиданными. Дело в том, что самыми перспективными землями мира признавались земли Северо-Запада России. Так называемая зона рискованного земледелия. Ее современные западные аграрии красят в белый цвет, как территорию непригодную для земледелия, потому что здесь среднегодовая температура отрицательная.

– Почему тогда так высоко оценили их американские ученые? – Поразился я.

– А вот почему. Потому, что здесь никогда не бывает засух, здесь достаточная температура для созревания растений, здесь обилие не прямой солнечной радиации, то есть солнца, ласкового и щедрого, которое летами почти не закатывается. Да почвы здесь не так уж бедны.

И еще учти, что при развитии новых технологий выращивания сельхозкультур, промышленного производства удобрений, эти выводы вовсе не кажутся фантастическими.

Знаешь ли ты, что такое наш заливной луг? Это тот же космос! Представь, что где-нибудь на лесной полянке за десятки кило-

метров от большой реки вырастает под солнцем былинка, цветочек аленький. Уронит он после Петрова дня семена свои на землю, а потом вьюги и метели укроют его, а по весне, как растопит снега солнце, подхватит семена эти быстрый ручеек, понесет к ручью большому. Из большого ручья в речку малую, из малой в большую реку. А как подпрут воды бесчисленных ручьев и речек большую реку, как переполнится она склень, упадут миллиарды семян, принесенных за сотни верст на речную пойму, и месяц спустя, поднимется в поймах тех буйное медовое разнотравье.

Вот откуда вкус настоящего вологодского масла? Он воистину неповторим!

Вот оно наше Беловодье – страна полная молока и меда.

...Это было последнее наше ночное с Велесовым. Я уехал в интернат, а когда вернулся, колхозная скотина уже стояла на дворах.

Куда уехал Велесов и почему, никто мне толком не мог рассказать.

А вместе тем и детство уходило в таинственные и сказочные луга и леса, уходило тропинками и болотными гатями, оставляя за собой лишь память сердца и чувство признательности за счастье ощутить себя, частью вселенного миропорядка, который ласкал и баюкал тебя в этом деревенском раю

Ночь светла

БАБКА САНЯ ЧИТАЕТ МИШКЕ НОВОСЕЛОВУ ЛЕКЦИЮ

Бабка Саня Титова, прозываемая в деревне Горошиной, в длинном до колен пиджаке, красных шароварах, заправленных в большущие резиновые сапоги, держась за стожар, уминала в стогу сено. Стоговала она одна с помощью приставной лестницы, поэтому, увидев Мишку Новоселова, вышедшего с топором из леса, обрадовалась.

— Ну-ко, ты, Мишка, окидай мне сюды две остатние копешки, — сказала она воодушевляясь.

Мишка не стал возражать. Играючи молодой силой, он в два приема перекидал наверх сено, и бабка быстро завершила стог.

— Ну, ты и стриптизерша, бабка Саня! — одобрительно сказал Мишка.

Но бабка не отреагировала.

Почти сразу же темная туча накрыла пожню, и на землю обрушился веселый летний ливень с далекими раскатами грома.

— Ой, Мишка, вот спасибо тебе, а то не успеть бы. Сгноила бы сено, — радовалась бабка Саня, увлекая Мишку в шалаш, устроенный под старой разлапистой елкой.

В шалаше было сухо, пахло сеном и еловой смолой. Здесь бабка Саня отдыхала от трудов и залоговала. На охапке сена лежала белая наволочка, из которой Санька Горошина извлекла две присоленные скипы хлеба и остатчик водки в заткнутой газетой «Красный Север» бутылке.

— Ты, как Ленин в разливе, — похвалил ее Мишка, устраиваясь на сене.

— Топере я правик, — отвечала довольно бабка Саня. — Топере я с сеном. На-ко, Мишка, похмелись, — добавила она угодливо, подавая Новоселову остатчик.

Мишка опять не стал возражать, опрокинул остатчик из горла в горло и понюхал протянутый бабкой хлеб.

Дождь уже стеною нависал над входом в шалаш. После выпивки мир для Мишки стал уютным и многообещающим. Обоих потянуло на разговор.

— Так чего ты там, Михайло Ворфоломеевич, говорил-то на позже? — Вспомнила бабка Саня, жуя с аппетитом хлебную скипу.

— А говорил: мол, на стриптизершу похожа.

— Это как, Мишка?

— Да это в городе по ресторанам девки такие вокруг шеста крутятся на потеху...

— Танцуют что ли?

— Радеваются.

— Разоболокаются? А на что?

— На что, на что? Старая ты, бабка. Ни к чему тебе это...

— Нет, уж ты скажи...

— Да вот говорят, есть по городам такие места, где девки голые вокруг шестов крутятся, а мужики им за это деньги кидают...

Бабка Саня примолкла, видимо, пытаясь поставить себя на место этих девок, которые зарабатывают деньги не работая, а только раздеваясь у шеста...

Но Мишка уже сменил тему.

— Голосовала на выборах нынче за кого, спрашиваю?

Бабка Саня насторожилась и отвечала уклончиво.

— Да какие нынче, Мишенька, выбора? Вот раньше были выбора, так выбора. Как навезут в магазин товару всякого. Пойдем мы с бабами голосовать, да накупим пряников глазурированных да резиновых сапогов... А топеря уж и магазина нет. Вот бы то время вернуть, хоть на недельку, — вздохнула бабка Саня.

— Я бы тоже не отказался денек — другой в вашем времени погостить. Пару фуфаек купил бы по старой цене...

— Что говорить, прежде товар был — не чета нынешнему. Вон у меня клеенка на столе еще при товарище Сталине брата, а все,

как новая.

Мишка посмотрел на бабушку Саню с сомнением.

— Так ведь Сталин-то, сказывают, тиран был... Да и в отношении Ленина большие сомнения, — сказал Мишка. — Ты — то больше знаешь. Пожила...

— Верно, Мишка, знаю. Все на моих глазах проходило, — согласилась Санька-Горошина. Единственный, уцелевший на лесоповале глаз ее идейно осветился — Тятя мой тоже на партийного учился, правда, на большое правление не попал, до сельсовета только и дослужился: мироедов кулачил. Вот от него я политграмоту и знаю.

Самой главной, Мишка, у них тамо Карс Марс был. Бородища зкая густущая, чернущая. У него две дочки, сказывали, были. Одну Женей звали, а вторую не помню... Уж не Танька ли?

— Я, бабушка Саня, в истории не силен, — отвечал Мишка.

— Вот я тебе и говорю, слушай, коли так. У этого Карса Марса и обучались за границей Владимир Ильич Ленин с Осипом Виссарионовичем. Вот они оба два и вышли на большое правление. Уж не про одного ничего плохого не скажу.

Мишка лежа на сене, прислушиваясь к выпитому и рассказываемому одновременно, млел.

— Ленин, скажу тебе, Мишка, тот болел шибко, дак последние два года страной руководил с койки.

— Как это так, с койки? — Снова больше для поддержания разговора усомнился Мишка.

— А вот так. Лежа.

— А Сталин чего?

— А Осип Виссарионович, представительный был мужчина. С усами...

Он умственно правил безо всяких там министров и секретарей... Единолично. Ему только Каганович помогал да Ворошилов... И всю то жизнь он с врагами да шпионами боролся. И Берий был шпион. Окружил, слышишь, Кремль. Хотел Сталина изничтожить. А Сталин вышел на крыльцо и говорит солдатам: «А взять, этого врага народа!» Вот Берию и взяли...

– Это я видал по телику, – согласился Мишка.

– А Сталин был друг, учитель и вожжь народа. А топеря вожжей нет, вот и нету управления...

Бабка Саня замолчала. Молчал и Мишка, думая о чем-то своем.

Наконец, Мишка очнулся.

– Так ты за кого нонче-то голосовала?

– За кого, за кого, – отвечала раздраженно бабка Саня. – За его лешего, сотону. Знала ведь, что омманет. Вот и омманул.

Опять помолчали.

– Автобус не ходит уж который месяц, магазин закрыли. Куда жаловаться идти, Миша?

– Бесплезняк! – Махнул Мишка рукой.

– Нет, в райком надо идти. Это не порядок, – не согласилась бабка Саня.

– Нету, бабка Саня, теперь райкома, ликвидировали давно.

– Тогда в райисполком, – не сдавалась она.

– И райисполкома нету. Тоже ликвидировали.

– Тогда в леспромхоз пойдём. Автобус-то леспромхозовский был.

– Ну, ты даешь, баушка. Про Сталина все знаешь, а что леспромхоза нет, не знаешь. Продали леспромхоз в Швецию вместе с нашим автобусом. И вместе с тобой.

– Как это со мной? – возмутилась бабка Саня.

– А так. И с тобой, и со мной. Не ты ли в клубе голосовала?

– Да, все голосовали, как сказано было.

– Ну, я и говорю. И ты, и я теперь акционеры общества «Викинг хворост лимитет...»

– Пионеры?

– Тьфу, ты, глухая тетеря, – заругался Мишка.

– А ты, Михаил Ворфоломеевич, не слыхал в районе: думают ли там наверху совецку власть восстанавлять, либо не стоит и дожидаться. При демократии будем помирать?

– А ты что, за совецкую власть? – Удивился Мишка. – А чего голосовала супротив?

– А словно, Миша, омморок какой напал. Вот и проголосовала. А по-хорошему – то, гнать надо всех этих политиков поганой метлой. И идти по пути, который завещали наши учителя и вожжи: Карс Марс и Финдрих Энгельс, – подытожила бабка.

Мишка посмотрел на нее уважительно.

– А вот ты мне скажи, Ивановна. – Заговорил доверительно Мишка. – Ты про теорию Дарвина слыхала: что человек от облизьяны произошел... А теперь под сомнение и Дарвина поставили. Ты то, как думаешь?

Мишкин вопрос нисколько не смутил бабку Саню. Она строго глянула на Мишку единственным уцелевшим на лесоповале глазом.

– А я так думаю, Михайло Варфоломеевич. Это дело надо было еще нашим советским ученым решить. Вот, скажем, Сахарову. Какой большой ученой был: водородну бомбу сладил. А здесь недоглядел. Вот ему Сахарову и надо было взять простого советского целовека и осеменить облизьяну...

– Ну, ты экспериментатор! – Захохотал Мишка. – Эко, куда загнула. Облизьяну осеменить... Это ж кто согласится?

– Дурак. Осеменить искусственно, я говорю, Мишка. Взять сямя и осеменить.

– Ну, ежели только сямя, – согласился Мишка.

– И посмотреть: получится чего, либо ничего не получится. А ужели получится, то посмотреть, какое у него будет обличье. То ли облизьянье, то ли человечье? Тогда может и откроется загадка...

– А ты-то сама как думаешь? Откуда произошли все мы, человеки? Если не от облизьяны? – Спросил Мишка, напряженно морща лоб.

– Я вот чего кумекаю, Михаил Варфоломеевич. Вот скажем, мы, труженики. Мы произошли из земли. Из земного праха. А вот поэты всякие, генералы, начальство большое – эти, может, произошли от Адамы и Ева... – А вот Васька Гусаков, хермер-то наш. Этот от кого

А вот брокеты, письдесмены и хермеры разные, воры да

жулье — эти точно от облизьяны... — Бабка Саня подумала. — И еще эти самые... Как ты сказал?

— Стриптизерши...

— И стриптизерши, Мишка, твои, тоже от облизьяны...

Бабкина теория настолько поразила Мишку, что у него отвалилась челюсть. И бабка Саня, довольная произведенным эффектом, мелконько засмеялась. Но Мишка, увлеченный столь стройной теорией происхождения человека, не унимался.

произошел?

— Этот-то? Мало, что от облизьяны, так он еще, я смекаю, шпион.

— Шпион? — Дернулся Мишка. — Ну, ты и загигать, бабка Саня. Чего тут у нас шпионам делать? Да и какой разведки?

— Шпион, Мишка, шпион. Ты про пришельцев-то слышал? — Бабка Саня перешла на шепот. — Только я косить на пожни соберусь, так он тут же корзинку на руку повесит и за мной в лес. Там, всяко, у него рация. Вот он информацию передаст пришельцам, те хренакнут на нас водородну бомбу... Вот она и льет и льет... Эвон дождина опять какой хлещет. Так у нас все сено и погниет...

— Так ведь он и сам без сена сидит, — покачал Мишка головой, усомнившись в бабкином открытии.

— Так ему что! Ежели он у пришельцев на содержании. Видел, какие штаны ему из-за границы прислали? Все в медных заклепках. Гаманитарная помощь, сказывал. Тебе вон не пошлют, Мишка... И мне не пошлют.

— Не пошлют, — задумчиво согласился Мишка.

— То-то и оно.

...Дождь также неожиданно, как и начался, кончился. Промытый небесной водой мир, сиял на солнце мириадами живых алмазов.

Мишка с Санькой Горошиной вылезли на волю и остановились, зачарованные.

— Ты, Мишка, куда это с топором направился? — Спросила деловито бабка Саня, вдыхая с наслаждением ароматы речной долины.

– Жерди фермеру рубить, – отвечал Мишка. – Да чего-то вот расхотелось. Может завтра пойду, а может и не пойду.

– Верно Мишка, нечего на мироеда горбатится.

Они еще постояли немножко.

– Ну, пошли коли так домой, – скомандовала бабка.

Они вышли на дорогу. Хороша, однако, была эта парочка. Мишка – с топором высокий и тощий, и рядом крохотная бабка Саня в пиджаке до колен с вилами и граблями на плече.

– Чего, Мишка, молчишь? Запевай, давай!

– Нашла Киркорова, – недовольно буркнул Мишка. – Тебе охота, так, пой.

Бабку Саню не надо было упрашивать. Она выровняла шаг и бодро затянула:

«Дан приказ ему на Запад,
Ей в другую сторону.
Уходили добровольцы
На гражданскую войну...»

...Речная долина парила. Ласточки, устроившие в береговой осыпи колонию, носились в лазурной вышине с веселым гомоном, вылавливая в поднебесьи насекомых, поднятых от земли восходящими потоками.

И в это время в стороне Медвежьего болота родилось среди ясного неба какое-то необыкновенное зеленоватое свечение, а вслед за этим до слуха наших героев долетел протяжный глухой гул, будто где-то там, на болоте грузили гигантские камни.

– Свят, свят, – испуганно перекрестилась бабка Саня. – Глико ты, Мишка, чего над Медвежьм болотом деется! Не дай Бог, светопереставленья! Придется помирать не дождавшись пензии. А мне сулили сотенку набавить...

Мишка снисходительно остановил Бабку Горошину.

– Молчи, знай, не каркай! Это опять какнебутную уразину в космос шарахнули. На каждой их чих не наздравствуешься.

– Верно, Мишенька, верно. Уж больно все пугают планетянами-то.

– Инопланетянами, – поправил Мишка.

– Сказывали, что видели их, будто бы в Харовском районе. Села этакая толи тарелка, толи блюдо. Будто бы вышли из нее длиннорукие мужики. Будто бы оне одну бабу словили, она сказывают из магазина шла, да будто бы робеночка ей ищо сделали. Дак топерь и бабу ту и робеночка в институт забрали, где ученые за ними приглядывают...

– Не боись, бабка Саня, всяко ни я и ты не нужны им. Ты старая, я безработный. Меня поймай, так меня кормить, поить надобно...

Бабка Саня успокоилась.

Когда-то здесь по реке были обширные монастырские огороды. От реки к искусственным озерам были устроены перекопи, по которым рыба заходила весной в озера на нерест. Отнерестившуюся рыбу монахи ловили у запоров в большом количестве и отвозили на ледники. Теперь нечищенные перекопи заросли. Огороды стали деревенскими сенокосами.

На заливных лугах поднималось медовое буйство трав, от запаха которых кружилась голова, и радостно билось сердце. Долина гудела от пчел и земляных шмелей, тяжело нагруженных сладкими взятками.

А над всем этим счастливым миром, промытом дождем, высоко в небе кружил ворон, похожий на маленький черный крестик. Ему, наверное, оттуда далеко и широко видна была наша грешная, измученная неустройством и небрежением и все же прекрасная земля. С медоносными лугами, шатровыми борами, багряными от клюквы и брусники болотами, звонкими харьюзовыми реками.

...Говорят, что вороны живут до трехсот лет. Какие события проходили здесь под приглядом этой вещи черной птицы? Может быть, видела она со своей высоты царя Петра, обедающего со свитой на речном берегу стерляжьей ухой, может, видела деревянные кочи русских мореходов, отправляющихся в рисковый путь по студеным морям к загадочным берегам страны Аляски. Или видела этапы раскулаченных крестьян, гонимых в тайгу

в наспех сколоченные бараки.

— Кру-ук, — отмечает в поднебесье быстротечное время ворон. Внизу под крутым берегом перебирает замшелые камни река. Нет-нет, протаранит льдина весной береговую кручу и падут на дно, отбелятся рекой и песком то бивни мамонта или шерстистого носорога, то еще чьи-то горемычные кости. А то выплеснет на берег волна диковинный камешек с дырочкой посередине — амулет древнего человека, некогда обитавшего в этих краях и в этих лесах, где нынче аукаются отпускники-грибники, на этих лугах, где ставят сенокос из последних сил последние деревенские старики.

КАК БАБКА САНЯ ОЛИГАРХОМ БЫЛА

Вообще-то бабка Саня Горошина была самой обыкновенной одинокой старушкой, каких у нас на Севере, слава Богу, пока еще, что волнушек по березнякам.

Как и весь деревенский люд носила она резиновые сапоги летами, зимами катаниками с калошами и круглый год «ватну куфайку» – «полущубок стеганой», спала на печи, питалась скудно. Что бы зимой не голодомориться, садила она пластину картошки, пластушину капусты, пару гряд моркови и лука. Что ни лето страдала в комарином и оводовом аду на сенокосе, несла повинность на пастьбе: корова с теленком, стадо овец, коза Маля с козликком Яшкой... Надо поробить, чтобы этакую артель содержать...

Тацит она бывало из последних сил с подгорья на коромысле воду и революционные песни распевает:

«Помнят польские паны,
Помнят псы атаманы
Конармейские наши штыки...»

Правда, росточком Александра Титова не вышла, а вот характер Бог дал боевой и упорный. Вот и упирается всю жизнь без выходных и проходных, без отпусков и праздников...

До того, как на пенсию выйти работала бабка Саня сучкорубом в лесу. Должность тяжелая, но и денежная. Хватило бы ей одинокой на хлеб с маслом. Но как без скотины-то? Без бычка да коровки и дом сирота, тем более барак казенный. Скособоченный дворик за бараком и делал бабку Саня человеком с положением, и даже со сберкнижкой, на которой нашли прописку более сорока быков, не считая мелкой скотинки, сданных Алек-

сандрой Титовой государству. Не бабка Саня Горошина, а настоящий олигарх советских времен... Бабкиных денег хватило бы купить не какую-нибудь «Волгу», предел мечтаний восьмидесятых, а целый таксопарк...

А уж про быков, каких откармливала бабка Саня, всей округе известно. Как-то один мужик в магазине хвалил.

Пока, говорил, папиросу раскуривал Санькин бык ведро поила опистонил, пока докуривал, второе опорожнил... Кому не лестно такие похвальные речи слушать. Однако не каждый такую похвальную речь от чистого сердца скажет. Другой и черную зависть под рубахой затаит. Комбедовские настроения в деревне и по сю пору сильны. Да и Владимир Ильич Ленин, видимо, прав был, опасаясь, что мелкобуржуазная стихия крестьянства будет ежечасно, ежедневно рождать капитализм.

Хотя, на первый взгляд, капитализмом, в деревне Конец пока и не пахло. Сучкоруб Титова наемной силой не пользовалась, а горбатилась самолично. И все же некоторые сельчане этот самый загиб в действиях гражданки Титовой, природной беднячки, усмотрели.

Помните с чего начинал Михаил Сергеевич Горбачев? Ага! С борьбы с нетрудовыми доходами.

К тому времени приспела Александре Титовой пора выходить на пенсию. А без работы ей день чернее ночи. Устроилась она на легкую — ассенизатором в своей же деревне от леспромхоза. Дали ей полставки жалованья, бочку с черпаком сивого мерина в подчинение да все выгребные ямы в введение.

И стала она трудиться на этот поприще истово, как умела.

Черпает «ночное золото» да ближайšie покосы возит. Бочку соседям да две себе — как русскому человеку положением не попользоваться? Своя рубаха-то она ближе к телу.

И поперла по всей округе на лугах трава, а у самой Титовой не трава, а травища. Раз косой махнешь и копна. А сено такое, что не надышишься — чистый мед.

Вот и стало завидно некоторым гражданам. Сочинили заявление насчет нетрудовых доходов, пошла бумага в район, там

ей ход дали, комиссия с разбирательством приехала. Проверила досконально и сивого мерина и бочку с черпаком, наличие «ночного золота» в выгребных ямах, покосы...

Факты были налицо: трава на титовских покосах стояла стеной и прочую траву в окрестностях превосходила.

Так Александру Титову, носительницу революционной памяти, раскулачили первый раз. На самой заре перестройки. Мерина угнали на колбасу, содержание сняли. С той поры выгребные ямы в деревне не чистились, а окрестные сенокосы стали год от года хиреть.

Года не прошло, как подкатила к квартире бабки Сани новая волна раскулачивания. Приехала из района опять же выездная сессия районного суда разбирать дело гражданки Титовой, «допускавшей факты кормления продуктами хлебопечения крупно-рогатого скота.»

Народу набилось в старый, давно уже не работавший клуб видимо-невидимо. Гражданка Титова топталась перед судейским столом в новых, еще необмятых катаниках с калошами, почти не ношеной плюшевой жакетке, доставшейся ей еще от матери.

— Так вы признаете изложенные выше факты? — Грозно спрашивал ее прокурор.

Бабка растерянно стояла перед судьейством, еще не понимая до конца, что судят здесь не кого-нибудь, а именно ее, гражданку Титову.

— Скотину хлебом, спрашивают, кормила, — весело подсказали из зала.

— Так как же, чудак-человек, — обращаясь к прокурору, удивилась бабка Саня. — Ты сам-то разве к бычку без корочки пойдешь?

Учитывая чистосердечное признание, дали гражданке Титовой пятьсот рублей штрафа, который впрочем, финансового положения подсудимой не пошатнул.

А деревня? А что деревня. Как кормила скотину хлебом, так и продолжала кормить. А чем же еще скотину кормить? Не пирогами же?

Но скоро уж и демократически е перемены подкатили. По деревням заговорили, что за дело в стране взялись тимуровцы. А раз так, то жди, что старухам старым и дров навозят, и расколют, и в поленицы уложат.

И верно, приезжают из районного собеса специально к бабкам в деревню пенсию вручать. Прибтели бабки в старый клуб, а там ... радость великая. За все труды их тяжкие доброе правительство такие пенсии отвалило, что и не высказать. Получали какие-то рубли жалкие, а теперь даже не сотни, а тысячи!

Загудели радостно. Кто дом собрался подрубать, кто двор ставить, кто баню... С такими деньгами как теперь не жить! Понесли тысячи свои жалованные по домам — кто в чулок прятать, кто в матрас, кто за божницу...

Через три дня приехала в деревню автолавка... Кинулись наши богатейки за продуктами и ничего в толк взять не могут. Цены то такие, что глаза на лоб лезут. Пошли назад по домам, может быть, по радио чего скажут, может ошибка какая вышла...

Включили приемники, а там и слова по-русски не услышишь: приватизация, ваучеризация, инфляция да консенсус...

Короче говоря, одновременно раскулачили всех бабок деревни Конец. И нашу ударницу Александру Титову по прозвищу Санька Горошина.

Она одна дольше всех упирается. Скот растит, государству сдает, хотя и государства того давно уже нет, а бычков, что на ее сберкнижке паслись, давно уже пасет кто-то другой, кто оказался проворнее Саньки Горошины.

НЕПАРЛАМЕНТСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СКОТИНЫ

Утро выдалось прохладное и росное. Солнечный колоб выка- тился из-за соснового бора торжественно и радостно, привет- ствывая своими лучами деревенское население, леса, деревья и травы в полях.

Утренний холодок далеко разносит каждый звук. Звон ведер и мычание скота, тарахтение последнего деревенского трактора в лугах и стук пастушьей барабанки. Слышно, как встретившиеся у колодца деревенские бабы делятся новостями:

– Иду, девка, улицей, а навстречу – Чубайс. Думала, он меня укатает. Глазища красные, губищи трясутся... Я на него ведром махнула, так он огород перескочил, и по грядам...

– Да ведь это не Чубайс был, – поправляет другой женский голос.

– А кто?

– Скажи, так и я скажу. Депутатом был, фамилья еще такая круглая...

– Бурбулис, что ли?

– Он, леший его неси...

– Так оба и были. И второй туда выскочил. Да как стали они, девка, сражение разыгрывать, так картовь, не поверишь, до дороги летела!

– Нет, надо меры принимать с этими парламентарями! Ведь разорят! Либо пришибут.

...Того, кто устроил погром в хлеву у бабки Сани, и звали Бурбулисом. Это был главный баран в деревне.

С первого взгляда было видно, что этот баран не в щепках найден. Он был не простых, а чистопородных романовских кро-

вей. Шерсть у него курчавилась и отливала голубизной, на груди пробивалась жесткая щетка черной бороды.

Он высоко носил свою голову, презирая на деревне, казалось, вся и всех. И только хозяйке своей бабке Сане иногда дозволял почесать себя за ухом.

Двор у бабки Сани тесный, ветхий, на подпорках. У Бурбулиса с овцами был отдельный кабинет, который бабка Саня вечерами запирает. Но Бурбулису нужна свобода шастать по всему двору и жрать не ограниченно комбикорма прямо из мешка, не считаясь с интересами других обитателей двора.

Придет утром бабка в хлев, а воротное бревно лежит вместе с запорами. Вышиб Бурбулис его чугунным лбом. Бабка Саня бревно поставит, гвоздями самобольшими закрепит — наутро бревно повержено. Тогда повбивала бабка Саня гвозди в стояк, в то место, которое баран бодает, так чтобы гвозди сантиметров на пять торчали. Наутро пришла — стояк лежит, а гвозди все подчистую в бревно вколочены, словно их забивали молотком, а запасам кормов нанесен такой урон, что бабка Саня вынуждена была крыть Бурбулиса самыми последними словами.

Но что Бурбулису бабкина хула? Тут требовались меры кардинальные. И решила бабка Саня, что выхода иного нет, как пустить Бурбулиса... на мясо.

И вот сидела она у окна, попивая чай и обдумывая, кому бы поручить это ответственное дело, как тут увидела свою супротивницу... Раиску с Того Угора, прозываемой Матросихой, которая была лет на десять моложе Саньки.

У них с бабкой Саней была давняя неприязнь, наверное, она шла еще тех времен, когда Санькин тятя прижимал Раискиного отца по линии колхоза. С годами неприязнь эта не исчезла, а как хорошее вино в бочке выстоялась и окрепла.

Это Раиска писала жалобы на гражданку Титову по поводу нетрудовых доходов, это она уличала ее в кормлении скота хлебом.

Раиска с Того Угора несла до дому на коромысле воду на чай, потому что вода в ихнем колодце была невкусной. Когда-то Раис-

ка была первой красавицей на деревне. Вот и сейчас она несла воду, как на показ, раскачивая крутыми бедрами.

Бабка Саня уже хотела крикнуть ей из окна что-нибудь обидное, как тут в тылу Раиски появился Бурбулис. Он опустил к земле голову, покачался на ногах и с разбега ударил Раиску в зад. Ведро покатились под угор, расплескивая воду, коромысло отлетело в сторону, а Раиска упала на четвереньки.

Она только пришла в себя, и попыталась было встать, как Бурбулис нанес ей снова короткий, но мощный удар, и Раиска на четвереньках продвинулась по угору метра на три. Не успела Раиска подняться, как настырный Бурбулис снова таранил Раискин зад, она снова пробежала на четвереньках метра три – четыре...

И так гнал Бурбулис ненавистную Саньке Раиску по всему угору, пока не выгнал за пределы своей территории.

Ожесточившееся сердце у Александры Титовой отмякло. Она уже простила Бурбулису и ночные погромы, и разорение кормовых запасов, и высокомерие. И тут же она решила не лишать барана жизни.

– А не сбегать ли мне этого окаянного Бурбулиса «хермеру»? – Пришла в голову ей счастливая мысль. – Он на дармовщину падкий, так пусть его, «американского шпиона» этот окаянный Бурбулис и тиранит... А для пущей верности подарю еще пару ярушек в придачу. Где ему отказать...

И Александра Титова, взяв пару присоленных скип хлеба, тут же отправилась исполнять задуманный план по искоренению в деревне кулачества и «хермерства».

ЧУДЕМА

В тот день около полудня Санька Горошина, сопровождаемая Бурбулисом и ярушками, не успев дойти до владений Василия Гусакова, была остановлена невероятным зрелищем: Василий Гусаков доил посередь луга корову Чудему.

Надо сказать, Гусаков на самом деле был не так прост, как могло показаться с первого взгляда. Василий, чтобы подмазаться к новой демократической власти, в расчете на поддержку и кредиты, заведя корову, дал ей мудреное, но политически выдержанное имя: Чудема, что означало Чубайс и Демократия. Когда появился теленок, то его Гусаков окрестил Габерелем, что означало: Гайдар, Березовский и Ельцын... Но кредитов власть не дала, поддержала только на словах, а имена у скотины остались. Более того, по всей деревне мода пошла крестить животных звучными именами: говорили, что с такими именами они быстрее набирают вес...

Кормить Габереля Василий решил не как все, а по- своему: пусть де он сам у мамки титьки сосет. И ему Василию не дои корову по первости, да и с Габерелем никаких хлопот с выпаиванием. Все, как в природе.

Первые месяцы и впрямь не было никаких хлопот, но потом захотелось молочка и самому Гусакову. Наладился он, было Чудему подоить, только с ведром уселся под нее, а корова так приложила копытом ведро и самого хозяина, что ведро в лепешку, а Василий с неделю с перебинтованной головой ходил.

А сегодня, как поняла Александра, «хермер» решил, видимо, во что бы то ни стало подоить зарвавшуюся скотину. Она спряталась за угол сеновала и стала наблюдать.

«Хермер» Гусаков вбил в землю четыре толстенные кола, принес из дому широкие веревки — парашютные стропы, оставшиеся у него еще со службы в армии, завел между кольев Чуде-

му, и пока она пила из ведра пойло, ловко зафиксировал ей ноги стропами... Корова стояла смирно, не выражая беспокойства, и тогда Гусаков уселся под корову с ведром.

Но только он взялся за вымя, как корова утробно взревывая, напряглась и колья вместе с веревками полетели высоко вверх. Василий, бросив ведро, едва успел отскочить от взбесившейся коровы. Чудема, страшно ревя, скакала по лугу, высоко взбрыкивая, пытаясь освободиться от остатков пут с кольями... Наконец, она сбросила с ног парашютные стропы и ускакала вместе с Габерелем вдоль реки на дальние пустоши...

– Убью! – Закричал отчаянно Гусаков.- Порешу на раз и тебя Чудема и Габереля твоего. На мясо спишу! Приговор окончательный, обжалованью не подлежит!

И тут перед поверженным и разгневанным Василием Гусаковым явилась Санька-Горошина со своей делегацией

БУРБУЛИС УСТРАИВАЕТ ПЕРЕВОРОТ

У Василия на душе было радостное настроение. Подарок Саньки-Горошины в один момент снова возжег в нем, угасшую было, капиталистическую жажду наживы. Он прикинул, какое потомство за год может дать этот неожиданный подарок, и твердо решил заняться товарным овцеводством. За пару лет стадо вырастет до сотни голов, а это уже хорошие деньги. Одного мяса, как минимум, на полмиллиона, да шерсть, да руно...

А вот корову с теленком, которые так и не возвращались с дальних пустошей, Василий окончательно решил свести со двора, не столько по экономическим соображениям, сколько от обиды.

Василий разместил новоселов в недостроенном дворе, обеспечил их свежей подкоской, намолот на ручном жернове ячменя, заварил ароматной каши, сдобрив ее тертой морковкой, устроил из прошлогоднего сена подстилку.

Бурбулис подошел к нему и властно ткнул Василия чугунным лбом, подставляя для почесывания ухо.

— Хозяина признал, — радостно екнуло у Василия сердце. — Уважает.

И Гусаков принялся чесать Бурбулиса, радуясь обретенному, наконец, счастью взаимопонимания со скотиною. А баран уже лежал у ног хозяина, подставляя для почесывания бок. Василий старательно принялся расчесывать густую серую с голубым отливом шерсть Бурбулиса. И Бурбулис млея, закатывая глаза и сладко похрапывая.

Гусаков настолько расчувствовался, что даже ночевать не пошел в барак, а всю ночь провел на дворе с Бурбулисом и ярушками.

Наутро он вновь накормил ароматной кашей свое крестьянское будущее и вывел его на лужок. Чудема с Габерелем так и не появлялись. Но Бурбулис в отличие от последних, проявлял к нему особые нежные чувства, не отходил от нового хозяина ни на шаг, то и дело подставляя для почесывания голову.

До обеда в нежностях и радостях провел время Гусаков. Наконец, Бурбулис утомившись от ласк и почесываний, прилег на траву отдохнуть.

К Василию подошли две симпатичные, ласковые ярушки, невесты Бурбулиса, которые должны были наплодить Василию скорое богатство. Они тоже сунули свои головы под руки Гусакову, ласково прихватывая его ладони губами.

Давно не видевший от скотины таких нежных чувств, Василий поплыл.

— Ох, вы, мои бяшеньки, красотулечки. Давайте, давайте почешу ваши ушки, — ласково приговаривал Гусаков, теща столь приветливую и послушную скотинку.

Он не заметил, как дремавший на лугу Бурбулис, открыл фиолетовый глаз и недобро глянул на хозяина, а потом встал и, опустив голову, стал раскачивать свое могучее тело, готовясь к нападению.

А Василий, подхватив ведра, которые так и не извели тугих молочных струй, отправился к бараку попить, наконец, чайку. Удар чугунной бурбулисовой башки пришелся чуть ниже поясицы. И это обстоятельство спасло Василия. Ведра покатались под угор, а сам он, приходя в себя, стоя в четвертой позиции, почувствовал, как на него храпя и постанывая садится обласканный им баран.

И тут Гусаков понял всю нелепость и позор своего положения. Кровь бросилась ему в голову.

— Зашибу, — прохрипел он, пытаясь вывернуться из-под Бурбулиса. И это ему удалось в какой-то мере. Не зря Гусаков был мастером спорта. — Кастрирую...

Он вывернулся, но подняться на ноги не успел, как тут же был повержен снова. Удар пришелся в то место, откуда растут

ноги. Василий от удара пробежал на четвереньках метров пять, и снова удар чугунной головы, продвинул его на пути к бараку...

СНЕГ ВАЛИТ

Вслед за осенью скучной, мокропогодной на лихих метелях да выюгах прикатила в деревню Конец белоснежная красавица зима.

Андрюха Кукуй с Иваном Деяновым да Лехой Культиватором подрядились ехать по дрова Раиске с Того Угора, прозываемой в деревне Матросихой.

Глаза у нее разные были, один — черный, другой — зеленый. Наверное, зеленый и был дурным. А может быть, и черный. Только многие замечали, что если Матросиха недобро взглянет на тебя, жди какой-нибудь напасти

С Матросихой срядились, а чтоб в лесу не замерзнуть, бутылку задатку выпили. Матросиха поупрямилась было, а дала. Правда, сказала, мол, смотрите, по дрова езжайте, и нехорошо так взглянула.

Тронулись лесовики в путь. Еще деревней едут, Андрей Леху в бок толкает:

— Стой! Пойдем, — говорит, — к моей бабе. Скажем, что не Раиске Матросихе за дровами поехали, а нам. У ней в заначке есть, выставит.

Пошли к Андрею. И впрямь баба обрадовалась, бутылкой о стол стукнула.

Выпили, крикнули, пошли трактор заводить. А Ваня Деянов и говорит:

— А что, мужики, у меня тоже дрова не вывезены. Не мешало бы и мою бабу расколоть на белоголовую.

Сказано — сделано. Пришлось заезжать еще к Лехиной бабе, чтобы норму добрать. Тоже дров посушили.

Выбрались, наконец, за деревню.

Леха Андрюхе говорит:

— Я, парень, дороги не знаю, да и снег густо валит. Ты,

Андрюха, мне дорогу-то сказывай.

— Я скажу, — отвечает Андрей. — Я прямо скажу...

Кукуем Ондreja звали не напрасно. В молодые годы ему на гулянке гирькой от часов ходиков долбанули. С тех пор он, если больше пол литра выпивает, теряет дар речи. Глазами смотрит, руками, ногами шевелит, а вот язык выговаривает только два словосочетания: «Я скажу...» и «я прямо скажу...».

Так проехали они поскотину, вывернули на дорогу к сельнику, тарахтят вдоль берега реки. А снег так валом и валит, ни зги не видно. Скоро уже карьер будет, когда-то песок прямо из берега брали, нужно объезжать. Андрей заволновался, Леху в бок тычет:

— Я скажу, я прямо скажу...

Леха прямиком и прет, только газу поддает «дэтэшке». Ваня Деянов носом в дровнях клюет. Убаюкало, засыпало.

— Андрей, — тревожит Леха, — дорогу сказывай!

— Я скажу, — горячится Андрей. — Я прямо скажу, я скажу, мать-перемать, тут, тут...

Тут трактор в карьер нырнул. Благо песок уже осыпался, полого было да снежно.

Андрей лбом в стекло ударился.

— Я прямо, — говорит, — скажу: тут — яма!

А Леха что? Леха за рычагами не шелохнулся. Леха спокоен, как телеграфный столб. Не зря его Культиватором с малолетства дразнили.

— Андрий! Едем куда? — И газу жмет.

— Я прямо скажу...

А тут дровни на обрыв выскочили и только до середины его дошли, как катапультной Ваню Деянова выкинуло.

Но не зря Деянов служит в десантных войсках, за что и дразнили его Парашютом. Упал посреди реки в глубокий снег, как сидел, так и сидит, даже не проснулся.

Андрюха с Лехой дальше шпарят через реку к лесу.

— Я прямо скажу, — кукует Кукуй. И дальше — все непечатное.

Вскоре трактор исчез за пеленой снега, и треск его тоже стих. Пропали, будто в черную дыру провалились наши лесовики.

А Деянов тем временем проснулся, отряхнул с себя снег и стал с удивлением оглядываться кругом:

— Чего это я? — говорил он сам себе с недоумением. — Вроде бы на реку не собирался. А если и собирался, то где санки, мешок, пешня?

Но, ни того, ни другого, ни третьего в наличии не значилось.

— А-а, пустая башка, — наконец, догадался Деянов. — Сани с пешней я всяко у Раиски Матросихи оставил, когда у нее выпивал.

— Али это было лонись, — почесал он затылок под шапкой. Али до лоньского, али намедни? — Но так и не решив, когда же он был у Матросихи, Иван пошел разгрести снег и проверять сети. Благо лунки не застыли и веревка оказалась на месте.

Рыбы неожиданно попалося изрядно. Три щуки, налим, пара лещей, пяток бершей и судак. Деянов скинул фуфайку, оклал в нее рыбу и, перекинув через плечо ношу, побрел в целик к деревне.

— Ишь, — говорил он воображаемому обвинителю, — бают, что у Парашюта вся рыба в сетках пропита. А вот Матросихе долг отдам, бабе на пирог оставлю да еще на две пол-литры в магазин сдать хватит.

Дом Матросихи был крайним к реке, и скоро Деянов торкался в ее ворота.

— Что больно скоро? — откликнулась Раиска.

— В самый раз, отворяй живее! — Деянов скинул ношу на крыльце. — Выбирай, какую хочь. Хочешь берша, хочешь леща!

— Эка! — удивилась Раиска. — А мужики-ти где? А трактор, а дрова?

— Я те — про Фому, а ты — про Ерему. Долг вон принес, на реку бегал. Сама на рыбник просила.

Раиска охнула.

— Не уехали по дрова окаянные!

Тут что-то щелкнуло в голове Деянова. Отрывочно всплывали кое-какие детали. Андрей, Леха, сборы по дрова. Однако куда все это делось? Он вроде бы и в дровнях сидел... Тогда при чем тут река, рыба?

Он бросил Матросихе несколько рыбин и снова, вскинув на плечо фуфайку, в полной задумчивости побрел к магазину.

«Ну, и зловредная эта бабенка Матросиха, — думал он про себя. — Не зря говорят, что глаз у нее дурной. Поди, теперь разберись, чего было, чего не было. Все перепутала, окаянная. От ейного сглазу один рецепт — стакан».

...Андрей с Лехой тем временем катили лесом. Снег все падал и падал. Они уже объездили, Бог знает, сколько лесных дорог и вырубок, но ни Андрюхиных, ни Олешиных, ни Матросихиных дров не нашли. Или их засыпало снегом, или кто-то ошибочно увез. Уже вечерело, когда наткнулись на порядочную гору осиновых и ольховых хлыстов. Леха подогнал впритык сани и только тут заметил отсутствие Парашюта.

— Сбежал! — заругался он. — Слышь, Андрей. Деянов дезертировал.

— Я прямо скажу, — ответил Андрей осуждающе.

Они вдвоем перекидали дрова на воз, забили стояки и, довольные, тронулись дальше. Уже смеркалось, когда засветились огни деревни. Андрей к тому времени малость протрезвел и толкнул Леху в бок:

— Куда приехали? Вроде как не наша деревня?

— Протри глаза! — крикнул Леха. — Вон овин, вон Раиски Матросихи дом. Не с той стороны въехали, вот тебе и блазнит.

Андрей, хоть и сомневался, все же решил с Лехой не спорить. Уж больно хотелось домой, «колосники» горели, не мешало бы закинуть на них стакан-другой.

Они поставили у Раискина дома трактор и в предвкушении горячих щей и запотелой поллитровки споро выгрузили дрова.

— Парашют нам топерь не товарищ, — сказал Леха.

— Я прямо скажу, — поддержал Андрей, — брянский гусь ему топерь товарищ.

Раиска не появлялась. Да и огни в доме не зажигались. Они постукались в ворота – тишина, постучали сильнее. Тут из соседнего дома выглянул незнакомый мужик.

– Чего ломитесь? – спросил он строго.

– Дрова привезли – чего... – недовольно отвечал Леха. – А ты кто такой, командир?

– Живу тут, – отвечал мужик. – А в том доме, куда ломитесь, года три уж никто не живет.

Мужики не поверили:

– А Матросиха где?

– Матросиха, всяко, в деревне Конец живет. Бывал я там лет пять тому.

– А мы тогда где? – заикаясь, спросил Андрей.

– В Ульяновке, – усмехнулся мужик.

Тут наши заготовители остолбенели. Это они километров на двадцать усвистали от дома.

– Вы лучше скажите, откуда дрова везете? – спросил мужик, приглядываясь к штабелю.

– А шут его теперь разберет. Вроде недалеко грузили, – отвечал нехотя Леха.

– Вот и я гляжу, – оживился мужик. – По зарубкам мои дрова-то. Ну, коль привезли – спасибо – прощу в избу. Подмогли.

Андрюха мгновенно повеселел.

– Слышь, Леха, вот свезло! Щец топерь в самый раз под сто-парик. А?

Леха молчал.

– Слышь, идем в избу-то? – подталкивал его Андрей.

– Молчи, пустая твоя башка. Думай, чего говоришь! Ославят топерь на всю округу. В избу не пойдем. Проси у мужика литру за дрова – и домой!

Андрюха ушел к мужику в заулочок на переговоры, Леха – к трактору запускать движок. И он тоже, как и Деянов, нехорошо подумал о Раиске.

– Ишь, накружали, – сказал он сам себе. – С чего бы это?

Тут вприпрыжку выскочил из калитки Андрюха Кукуй, обеи-

ми руками держа перед собой кулек с горячей картошкой и огурцами. Из карманов его фуфайки торчали белоголовые.

— Топерь, парень, мы с тобой правики. Токо бы нам ишшо по дороге дрова найти! Топерь нам с тобой, Леха, нам черт не брат!

— Дурак ты, Андрюха, — с суеверным страхом откликнулся вдруг Леха, — ты почто его, рогатого, в такую пору поминаешь!

Но вот на всю сумерничавшую деревню заверещал пускач Лехиной «дэтэшки». Наши горе-путешественники прыгнули в кабину, и трактор, шаря по деревне длинной рукой прожектора, выскочил за околицу.

...Дезертир и предатель, друг тамбовского гуся Иван Деянов, он же Парашют успешно поменял в магазине рыбу на вино и отправился было домой лечиться от Раискиного сглаза. Но нехорошие предчувствия от предстоящей встречи с женой подтолкнули его отсрочить явку.

Внимание привлекла колхозная баня. С утра ее кто-то топил, но не мылся. Баня была большая, с широким полком, огромной, на треть помещения каменкой, топилась по-черному, и жар ее лучше лечил, чем вся районная больница.

Иван замахнул в предбаннике стакан, закусил сельповским пряником и, скинув под лавку одежду, полез в жаркую истому бани. Он бросил на каменку ковш воды, каменка ахнула, и Деянов мигом очутился на широком полке. Доски были в копоти, но Иван этого не замечал. Через минуту он сладко спал, и пот градом катился по его бокам.

...Было уже темно. Раиска Матросиха, устав ждать трактор с дровами, собрала белье и отправилась в натопленную с утра баню, захватив огарок свечи.

Она хорошенько разогрелась, намылась до розовости молодухи, и только собралась было окатиться, как в темном углу полка что-то зашевелилось и страшно захрапело.

Раиска обмерла: «Баннушко пужает, али блазнит!»

Но с полка, кряхтя и чертыхаясь, лезло уже что-то невообразимо большое, черное, имевшее при себе, как все же это Раиска

успела заметить, мужское достоинство.

В тот же миг она вышибла банную дверь и, похватав в охапку одежду, ринулась в голом виде вдоль улицы домой.

...Сглаз у Деянова прошел к утру. Он вспомнил все: как собирались в лес, где и сколько пили, как выехали за поскотину. Страшная догадка обожгла сердце Ивана. Не заходя домой, он схватил в приделке лыжи и во весь дух покатил к реке — искать промоину во льду, куда, по его мнению, провалились вместе с трактором мужики.

Снегопад закончился. Поднималось солнце, и с обрыва Иван разглядел уже занесенные снегом, но хорошо видимые под солнцем тракторные следы, уходившие на другом берегу в лес.

Деянов бросился по ним, радуясь избавлению от одной беды и гася в душе недоброе предчувствие новой.

К вечеру, чуть живой от усталости, пробежав, наверное, километров полста Парашют вернулся в деревню. Следы Лехиного трактора обрывались под городом на бетонке.

Дома у Деянова восседала Матросиха с таким гордым видом, словно она отказала сейчас десятку сватов. Она пила с Ивановой бабой чай.

— Явился, — без злобы, но с издевкой сказала баба, — извращенец. Надо догадаться: за Раиской Матросихой в байню подглядывать залез. Ну, и чего там тебе неизвестного нагядел?

Матросиха по-королевски швыркала чай из блюдца, не достаивая Деянова и взглядом.

— Да пошли вы! — тускло возразил Иван.

— Чего пошли, куды пошли? Я твои подштаники опознала. Раиска вон в магазин их принесла, как доказательство. Я вот тебе сейчас как дам коромыслом, дак полетишь у меня парашютом, — запричитала жена.

Не слушая ее, Иван обреченно сел на лавку и стал стягивать валенки.

— Пропали, пропали товарищи мои дорогие!

Но тут возле его дома затрещал движок. Деянов выглянул в окно и радостно остолбенел. У его крыльца стоял знакомый

трактор, груженный дровами.

Двери кабинки открылись, и в проеме показался Леха Культиватор.

– Ванька! – Закричал, перекрывая шум мотора, Культиватор. – Парашют окаянной! Кто за тебя дрова разгружать будет.

Деянов облегченно выдохнул. И тут же об одном валенке с другим в руке поскакал на улицу.

СТРАДА ОТ СЛОВА «СТРАДАТЬ»

Леха точно помнил, что с вечера в пол литре у него оставался оденок граммов на сто пятьдесят. Он проснулся с рассветом, на полу своей конуры не понимая: жив он еще или уже умер... В груди стоял могильный холод, словно там давно уже все остановилось, опередив теплившееся еще сознание.

Он попытался пошевелить рукой, рука бесчувственно повиновалась. Живой! Теперь остатки его жизни зависели от того, как скоро найдет он, и найдет ли, оденок. Замирая сердцем, Леха пощупал карман фуфайки. Здесь! В груди его потеплело чуть. Нужно было еще заглотить махом остаток и удержать в себе, чтобы не вырвало. И ждать, когда внутри загорится огонь, побежит по жилам, толкнет сердце, просветлит голову...

Леха вытащил из кармана поллитру и похолодел от тревожных предчувствий. Карман фуфайки был влажным, а бутылка слишком легка. Так и есть, водка вытекла ночью через свернутую из «Красного Севера» пробку. Леденящий смертный ужас пополз по ногам Лехи, снова захватывая тело и грудь. Голова его глухо стукнулась о грязные доски пола.

Он очнулся от нестерпимой жажды. Внутри на этот раз палило адским огнем. Леха попытался встать, но его бросило на стенку и снова на пол. Сердце подкатило к самому горлу и, казалось, вот-вот вырвется наружу.

Он переждал и толкнул дверь: утренняя прохлада, напоенная ароматами лугов, ворвалась в его убогую каморку. Леха с трудом вывалился на улицу. Мир радовался утру и солнцу. Речная долина звенела птичьими хорами, травы сверкали бриллиантовыми россыпями, туманились низины. Леха пополз к реке, сдерживая рвущееся из груди сердце, оставляя на росном лугу темный след,

потом, припав по-звериному, долго пил на приплеске, пахнущую тиной воду, медленно оживая.

Леха уже месяц сенокосил на этих заливных лугах, некогда давших славу вологодскому маслу. Раньше луга принадлежали крупному совхозу, и в страдную пору здесь было тесно от тракторов. Потом совхоз развалился, луга перешли в пользование местного населения и выкашивалась едва ли треть. Густые, сочные травы уходили под снег, луга зарастали, заболачивались. Уже о вологодском масле и не вспоминали.

Клубилась вокруг Лехи роем деревенская неработь да опойки. Сами-то они давно потеряли доверие у стариков, единственного на деревне платежеспособного населения. Едет Леха за сеном, вокруг его трактора человек пять тусуется. Кто вицей со стога снег сбивает, кто трос заводит, кто отмашку дает. Вроде сак все при деле, и стакан литошный заработан.

После стакана Леху славить начинают. А доброе слово и кошке приятно. Вывернет Леха из кармана последнюю копейку: «За кампанию, говорят, и колобок удавился. Гуляй, народ!» Всех Лехиных трудов достало только на водку. Закусь мануфактурная — рукавом. Вчера снова пили до умопомрачения. Неработь кой как до дому убралась, а Леха в покосной будке, словно бомж, все лето на полу вальком.

...Сегодня нужно было косить бабке Сане Горошине. Пол лета она на луга бегает, Леху тормозит — успеть бы до осенних дождей траву свалить, высушить да состоговать. Не на кого ей, старой, опереться, не к кому головушку пришатить. Все одна, все одна... Сена не будет — надо козу со двора сводить, а без молока в деревне зимой голодомористо.

Леха с трудом поднялся на ноги, отдышался и побрел к будке. За ней горемыкой стоял Лехин трактор с распахнутыми дверцами и спущенным колесом. Преодолевая разгулявшееся в груди сердце, Леха долго рвал веревку пускача, наконец, луга огласились радостным треском мотора, и по низинам поплыл сизый солярный дым. Пока накачивалось от компрессора колесо, отдышал. Залез в кабину и снова долго переводил дыхание...

Когда в лугах появилась праздничная бабка Саня в малоношенном мужском пиджаке, доходившем ей почти до колен, красных шароварах, белом платке, с большим еловым батогом в руке и наволочкой за спиной вместо мешка, Леха скосил уже половину бабкиного надела.

Бабка Саня пощупала траву в валке и встала на краю покоса, поджидая трактор. У Лехи вновь расходилось сердце.

— Есть чего в мешке-то? — кинул он взгляд, подрулив, на бабкину наволочку.

— Есть, есть, кормилец. Не тужи. Весной еще брала на рынке у грузинских мужиков. У тех хошь она подешевле. Вот и берегла для тебя, — радостно заговорила бабка, суетливо снимая и развязывая наволочку.

...Унимая внутреннюю дрожь, Леха опрокинул махом стакан вонючей маслянистой жидкости из бабкиной пол литры, понюхал протянутый хлеб, долго сидел без движения, тревожно прислушиваясь к себе.

— Езжай, езжай, кормилец, — торопила его бабка — Доко-сишь, так ищо выпьешь.

Леха пустил по покосу трактор, застрекотала косилка, трава покорно падала в валок, и сердце старой крестьянки ликовало. Но что-то в один миг в этом мире переменялось. Она подняла голову и увидела, что трактор потерял управление и едет сам по себе в сторону реки. Вот он взбежал на пригорок, накренился, и из открытой дверцы тяжело вывалилось уже холодеющее Лехино тело.

Жаркое солнце выкатилось из-за леса, и задымились маревом росные некошенные луга...

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ БАБКИ ГОРОШИНЫ

Всему в этой жизни свой срок. Железо и то ломается от усталости, не то, что человек. А бабке Сане Горошине на восьмой десяток круто повернуло. Из них двадцать в колхозе на свиарнике, двадцать в лесу сучкорубом, да все шестьдесят на своем подворье. Сорок семь быков выращено этими вот болезнью скрюченными руками, выращено и государству «сдадено» считай, что безвозмездно. Бычки те на сберкнижке прописаны были, кто и где сейчас этих бычков пасет, неведомо бабке. Санькиных сбережений теперь и на похороны не хватает.

Всю прошлую зиму Александре Титовой недужилось. Воды с колодца на коромысле натаскать — испытание, сена с подгорья в корыте привезти — мука.

— Задний мост у меня полетел, а запчастей не наделано! — жаловалась она соседям. По утрам все реже и реже курчавился дымок над ее избушкой, а к февралю и вовсе перестала бабка смогать невеликим своим хозяйством управлять, слегла.

Лежит бабка Саня в холодной постели своей, прежнюю жизнь поминает. Худо-го-то и не помнится, вроде, только хорошее на ум падает.

Быки поминаются. Таких быков, как у нее, ни у кого в округе не бывало. Не быки, слоны чистые. Сам председатель колхоза Жданов, куда бабка быков сдавала, приезжал в деревню и признавал бабкино первенство.

Кому не лестно? В «полукамоннике» у бабки еще и грамота Почетная от колхоза «За большие трудовые достижения в области производства сельскохозяйственной продукции». Было пороблено! В глаза людям не стыдно поглядеть...

Закружилась у бабки голова от добрых мыслей, только забы-

лась во сне, как слышит, на коридоре ведра пустые загрохотали, притвор дверной стукнул.

Васька вражина, рожа «хермерская», на пороге проявился. Глазами по углам зыркает.

– Кой леший принес! – буркнула бабка. – Нихто и не звал...

– Ты это, не дури... – сказал строго Васька. – «Супцю» вот тебе принес с баранинкой. Да молока поллитровку. Давай, поправляйся.

Не один месяц выхаживал Васька «Хермер» врага своего классового. Обряжал козу Мальку с Боренькой, печку топил, «супцю» варил, бегал на телефон, хлопотал перед собесом о бабкиной судьбе. К зиме дело обрешилось таки. Дали бабке Сане направление в Дом престарелых. Куда еще с таким «мостом задним» бабке деваться. Всплакнула.

– Ты уж, Василей Иванович, меня прости. Я тебе за доброту свою Мальку с Борюшкой отдам и все свое именье подпишу.

День-деньской собиралась бабка в неведомый Дом престарелых. Ночь не спала, паковала чемоданы. Один чемодан у нее деревянный был, в тридцатые годы на заказ сделанный, другой – новомодный, фибровый, при Сталине в пятидесятые брат.

В один чемодан загрузила бабка выходные платья свои, жакетку плюшевую, калоши и катаники, фуфайку, в другой, деревянный – серп, две новые не насаженные лопаты, молоток, коробку с гвоздями, клещи, лопатку для точки кос, двадцать пар двойных рабочих рукавиц металлургических. Отдельно увязала косы, грабли и вилы.

Утром она уже сидела с чемоданами на крыльце, ожидая из района машину. Скоро пришел Василий, оглядел бабкино имущество и чуть не заплакал.

– Оставь этот инструмент, баушка. Отработала ты свое.

– Нет, – решительно оборвала его Александра. – Не возьмут – так и я не поеду. Чего я там делать-то стану? Мне такая багадельня без надобности...

Подлетел к дому УАЗик. Два сноровистых мужика выскочили на волю.

– Титова? Александра Ивановна? – развернул один из них бумаги. – Собирайся.

Бабка ухватилась за чемоданы.

– Ничего брать не надо, – строго остановили ее мужики. – Документы и все, что на себе. Едем!

...Через месяц в деревне на имя Василия Гусакова пришло письмо. Из Дома престарелых.

«Уважаемый Василей Иванович! Не держи на меня, дуру старую, зла. Пропиши, как там живет Яшенька, да ежели путь выпадет, завези мне косу да тяпку. Я летом хошь картошку обваливать стану».

НОЧЬ СВЕТЛА

Ну, вот и еще одна зима пришла в деревню Конец. Суровая, малоснежная, студеная.

Мишка проснулся затемно. Печь была чуть теплой, в избе выстыло, и окно покрылось толстой шубой инея, только вверху оставался чистым островок, в который заглядывала утренняя звезда и колюче подтыкала лежебока:

«Что, Мишка? Понял, почем фунт лиха?»

На душе у Мишки и без того студено. В доме ни есть, ни пить. Последняя картошка в мешке под лавкой замерзла. Осенние заготовки — ягоды да грибы — выменяны на вино еще до Нового года у кооператоров: ведро уходило за бутылку. Зарплаты в леспромхозе не давали уже с год. Перед праздниками Мишка уволился, продал Федору Гусакову, разбогатевшему на торговле с Китаем и переселившемуся на Тот Угор, купленный еще до реформ с больших денег телевизор, и отправился к сестре в Питер подкормиться.

Но сестра сама сидела без работы. Мужик у нее уже с год, как ушел в магазин, да так и пропал без вести. Жила она с ребятами на пособие: хлеб и тот не каждый день. Так что Мишке в Питере сытой жизни не выгорело, только зазря деньги прокатал да картошку заморозил. Да хуже того, на вокзале вытащили у него паспорт и трудовую, и стал Мишка без пяти минут бомжом, хорошо, что еще крыша над головой осталась. Но и та не своя, леспромхозовская. Выгонят за неуплату, хоть землянку в лесу рой.

— Эх, жизнь бекова, — вздохнул Мишка и стал думать, как выкрутиться из положения. — Надо поставить верши на реке. Налим на нерест пойдет — уши наварю, — решил он и пошевелил ногой под рваным одеялом. Стужа тут же поползла по телу. Мишка замер, снова набирая тепло, и стал сладко думать о том, что

хорошо было бы поставить еще петли на зайца, что зайчатину можно выменять на хлеб и картошку, хорошо бы еще и капустой квашеной разжиться. Так, глядишь, и протянет до весны, а там уж рыба пойдет, потом грибы, на огороде чего-нибудь да нарастет...

От этих добрых мыслей стужа на душе стала постепенно истаивать, и даже чувство голода притупилось.

Тут очнулось на стенке давно молчавшее радио. Захрипело, затрещало, и сказала медовым голосом дикторши:

— Говорит радио России! С Новым годом Вас, дорогие друзья! С Новым счастьем!

— Ни хрена себе! — поразился Мишка. — Видать ветром про- вода разомкнуло на линии.

Радио замолчало вновь. Но Мишка теперь радостно напрягся и стал ждать нового сеанса радиосвязи с миром. Прошло в ожиданиях минут пять, и вновь, потрещав, динамик заговорил.

Та же дикторша, сменив тон, сказала:

— А теперь перейдем к новостям криминальным. Как стало известно из достоверных источников, вчера из Санкт-Петербурга в Финляндию был угнан пассажирский самолет с сорока пассажирами на борту. Ведется следствие.

— В Финляндии, наверно, хорошо, — подумал Мишка, ни сколько не возмущившись очередным террористическим актом.

Финны работали у них в леспромхозе на своей технике. Все упитанные, под два метра, комбинезончики на них — хоть под венец. Только вот пить не умеют, с одной пол литры — в «аут» уходят.

Мишка пил с ними, когда на пилораме работал. Финны хва- стали, что у них безработные лучше наших бизнесменов живут. На одно пособие можно «тачку» купить поддержанную.

— В Финляндии я бы жил, как король, — сказал сам себе Мишка гордо.

— Известна фамилия угонщика, — продолжала дикторша обзор неспранных новостей. — Это тридцатилетний безра- ботный Михаил Варфоломеевич Новоселов, уроженец деревни Конец Вологодской области.

На этом радио вновь умолкло. Мишка лежал на печи, словно пораженный громом. Страх сковал все его тело.

— Да ведь это про меня говорят. Это я самолет угнал! — ужаснулся он. — Что топеря со мной сделают?

Он подумал, что из района сразу после такого сообщения вышлют наряд и верняком загребут его на нары. А потом кто будет разбираться: угонял ты самолет или нет.

— Бежать надо! В леса! — твердо сказал Мишка и решительно спустил ноги с печи в избяную настуду.

Деревня была темна. Он сторожко прошел улицей и свернул к крайнему подъезду барака, где пустовала квартира после отъезда бабки Сани. Двери были незаперты. Мишка шагнул во внутрь, забрякал в темноте пустыми ведрами.

Кто? — скрипуче, но громко и строго спросили Мишку. — По кой лешой несет?

Мишка вздрогнул. Голос был бабки Сани. Он попятился было в страхе к дверям, но одумался и взял себя в руки.

Ты, что ли, бабка Саня? — выдавил он из пересохшего враз горла.

— Я, Мишка, я, — ответствовали ему с печи. — Ну-ко, вздуй лампу карасиновую. Лепестрическая у меня ищо в прошлом годе перегорела.

Мишка пошарил в штанах спички, запалил фитиль.

Бабка Саня сидела на печи в полушубке, валенках, на голове у нее была надета шапка-ушанка с распущенными ушами, перетянутая для тепла алюминиевой проволокой. И странно: из-за спины бабки сверкали недобро большие глаза-лупыши, слышалось надсадное сопение.

Мишка поднял лампу и чуть не выронил ее на пол. На печи рядом с бабкой Саней сидел самый настоящий черт. С рогами, бородой, копытами...

Мишка попятился и левой рукой начал неумело осенять себя крестом:

— Чур, меня, чур, — прошептал он еле слышно. — Богородица дева Мария, владычица милосердная, спаси меня грешного.

— Ты чего это, Мишка, крестишься? Никак пьяной изутра? — спросила строго с печки Санька. — Ишь, как у миня робенка испугал. — И обернулась назад к рогатому, приговаривая: — Не пужайся, Борис Яковлевич. Вот мы Мишку-то сейчас ухватом потурим из избы. Пошто пьяной ходит, народ смущает.

— Ну, ты, бабка, даешь! — наконец, выдохнул Мишка. — Откуда ты взялась здесь, почто козла на печь затащила? Уж я думал — сам черт к тебе посватался.

— Молчи, пустой! — Махнула бабка рукой. — Убегла я, Мишка, из багадельни. Не климатит. И Бореньку у Василья забрала. Только вот кабинет у Бореньки совсем худой стал. Студено.

— Чего ты бредишь! Какой ищо кабинет?

— Сам дурак! — огрызнулась с печи бабка. — У меня козел, смотри, не простой. Из ума сложен, и выходка чисто генеральская. Ему бы не козлом родиться, дак, может бы страной управлял. Вот я и говорю, что двор у меня весь на подпорках. Подрубать надо, а и средствов нету. Я бы тебя подрядила, так всяко дорого возьмешь.

Мишка оживился. Разговор принимал для него положительный ход.

— Ты, бабка, вот чего. Двор я тебе весной вычиню. А ты мне задаток дай. У тебя в яме всяко и картошка и капуста осталась. Морковь опять жо, — скороговоркой выпалил Мишка. — Лады?

Бабка на печи задумалась.

— А ты, Мишка, пошто же это ероплан за граничу угнал?

— Не угонял я! — Мишка вздрогнул, словно током ударило.

— По радиву здря не скажут. А тут специальное сообщенье было. Мол, Мишка Новоселов из Выселок... — сказала бабка Саня убежденно.

Мишка сник.

— Вот что я скажу: жениться тебе, Мишка, надо, — попытожила бабка Саня беседу. — Седни ночью сон мне был... Вещой. Будто женился ты на моей козе Мале. Украли-то которую летось... В сельсовете расписывались. Будто она девица красная. Платье белое, фата. Только вот по рожкам и узнала Малю-то...

– Тьфу ты, старая! – плюнул Мишка.- Плетешь тут...

– Ладно. Вон ключ на стенке, полезай в погреб, накладывай картошки, да смотри всю не унеси. – Бабка обняла сопевшего рядом козла за шею. – Вот робенок – то мой самолучший. Он картошечку у меня только чищеную да резаную ест. Он с ошолушками не будет. Благородной. Ему бы не козлом родитча!

...Солнце еще не встало, а Мишка уже был на Барсучьем бору. Там, километрах в трех от деревни, стоял пустующий домик серогонов. Мишка сделал еще ходку до деревни, притащил рыбацкие снасти и, вернувшись назад, замел еловым лапником свои следы.

Теперь он чувствовал себя в безопасности, затопил жаркую буржуйку, наварил картошки, с аппетитом поел.

Солнце стояло уже высоко, когда он отправился к реке ставить верши. С высокого берега открывалась неописуемая красота лесной речки, укрытой снегами. Мишка долго стоял, как зачарованный, любуясь сияющим зимним миром. На противоположной стороне реки на крутом берегу стояла заснеженная, рубленая в два этажа из отборного леса дача бывшего начальника леспромхоза, а ныне крутого бизнесмена – лесопромышленника. Окна ее украшала витиеватая резьба, внизу у реки прилепилась просторная баня. Дача была еще не обжита. Когда Мишка уезжал в Питер, мастера из города сооружали камин в горнице, занимались отделкой комнат. Теперь тут никого не было. И Мишка даже подумал, что хорошо бы ему пожить на этой даче до весны. Все равно, пока не сойдет снег, хозяевам сюда не пробраться. Но тут же испугался этой мысли, вспомнив, что за ним должна охотиться милиция.

Он спустился к реке, прорубил топором лед поперек русла, забил прорубь еловым лапником так, чтобы рыба могла пройти только в одном месте, и вырубил широкую полынью под вершу.

Скоро он уже закончил свою работу и пошел в избушку отдохнуть от трудов. Избушка была маленькой, тесной. Но был в ней особый лесной уют. Мишка набросал на нары лапника и завалился во всей одежде на пахучую смолистую подстилку, радуясь обретенному, наконец, покою.

Проснулся Мишка от странных звуков, наполнивших лес. Казалось, в Барсучьем бору высадили десант инопланетян, производящих невероятные грохочущие, сотрясающие столетние сосны звуки. Мишка свалился с нар, шагнул за двери избушки.

– Путана, путана, путана! – гремело и завывало в бору. – Ночная бабочка, но кто ж тут виноват?

Музыка доносилась со стороны реки. Мишка осторожно пошел к берегу. У директорской дачи стояли машины, из труб поднимались к небу густые дымы, топилась баня, хлопали двери, на всю катушку гремела музыка, то и дело доносился залиvistый девичий смех.

У Мишки тревожно забилося сердце. Он спрятался за кустами и, сдерживая подступившее к горлу волнение, стал наблюдать за происходящим...

Он видел, как к бане спустилась веселая компания. Впереди грузно шел директор их леспромхоза, следом, оступаясь с пробитой тропы в снег и взвизгивая, шли три длинноногие девицы, за ними еще какие-то крупные, породистые мужики. Скоро баня запыхала паром.

Изнутри ее доносилось аханье каменки, приглушенный смех и стенания.

Наконец, распахнулись двери предбанника, и на чистый девственный снег вывалилась нагишом вся развеселая компания. Мишкин директор, тряся отвислым животом, словно кабан пробивал своим распаренным розовым телом пушистый снег, увлекая компанию к реке, прямо в полынью, где стояла Мишкина верша.

Три обнаженные девицы оказались на льду, как раз напротив Мишкиной ухоронки. Казалось, протяни руку и достанешь каждую.

От этой близости и вида обнаженных девичьих тел у Мишки, жившего поневоле в суровом воздержании, закружилась голова, а лицо запылало нестерпимым жаром стыда и неизведанной запретной страсти.

Словно пьяный, он встал, и, шатаясь, побрел к своему убо-

гому пристанищу. А сзади дразнил и манил волнующе девичий смех и радостное повизгивание...

В избушке смолокуров он снова затопил печь, напился чаю с брусничным листом и лег на нары ничком, горестно вздыхая по своей беспутной никчемной жизни, которая теперь, после утреннего заявления по радио, и вовсе стала лишена всякого смысла.

Мишка рано остался без родителей. Мать утонула на сплаве, отец записался. Сказывают, что у самогонного аппарата не тот змеевик был поставлен. Надо было из нержавеющей, а Варфоломей поставил медный. Оттого самогонка получилась ядовитая.

Никто в этой жизни Мишку не любил. После ремесленного гулял он с девицей и даже целовался, а как ушел в армию, так тут же любовь его выскочила замуж за приезжего с Закарпатья шабашника и укатила с ним навсегда.

А после армии была работа в лесу, да пьянка в выходные. Парень он был видный и добрый, а вот девиц рядом не случилось, остались в Выселках одни парни, девки все по городам разъехались. Тут поневоле запьешь! Уж лучше бы ему родиться бабки Саниным козлом! Сидел бы себе на печи да картошку чищеную ел. Ишь, в кабинете ему студено!

Мишке стало так нестерпимо жалко самого себя, что горячая слеза закипела на глазах и упала в еловый лапник.

...Ночью он вышел из избушки, все та же песня гремела на даче и стократным эхом прокатывалась по Барсучьему бору:

«Путана, путана, путана,
Ночная бабочка, но кто ж тут виноват?»

Столетние сосны вздрагивали под ударами децибелл и сыпали с вершин искрящийся под светом луны снег. Луна светила, словно прожектор. В необъятной небесной бездне сияли лучистые звезды, и, ночь была светла, как день.

Мишку, будто магнитом, тянуло опять к даче, музыке и веселью. И он пошел туда под предлогом перепроверить вершу. Ее могли сбить, когда ныряли в прорубь, или вообще вытащить

на лед.

Директорская дача сверкала огнями. берега Мишка видел в широких окнах ее сказочное застолье, уставленное всевозможными яствами. Кто-то танцевал, кто-то уже спал в кресле. Вдруг двери дачи распахнулись, выплеснув в морозную чистоту ночи шквал музыки и электрического сияния.

Мишка увидел, как кто-то выскочил в огненном ореоле на крыльцо, бросился вниз в темноту, заскрипели ступени на угоре, и вот в лунном призрачном свете на льду реки он увидел девушку, одну из тех трех, что были тут днем. Она подбежала к черневшей полынье, в которой свивались студёные струи недремлющей речки, и бросилась перед ней на колени.

Мишка еще не видывал в жизни таких красивых девушек. Волосы ее были распущены по плечам, высокая грудь тяжело вздымалась, и по прекрасному лицу текли слезы.

Вновь распахнулись дачные двери, и на крыльцо вышел мужчина:

– Марго! – крикнул он повелительно. – Слышишь? Вернись! Видимо, он звал девушку, стоявшую сейчас на коленях перед полынью.

– Маля! – повторил он настойчиво, – Малька! Забирайся домой. Я устал ждать.

Девушка не отвечала. Мишка слышал лишь тихие всхлипывания. Мужчина потоптался на крыльце, выругался и ушел обратно. Девушка что-то прошептала и сделала движение к полынью.

Мишке стало невыносимо жалко ее. Он выскочил из кустов и в один миг оказался рядом с девицей.

– Не надо! – сказал он деревянным голосом. – Тут глубоко. Девица подняла голову.

– Ты кто? – спросила она отрешенно. От нее пахло дорогиными духами, вином и заграничным табаком.

– Мишка, – сказал он волнуясь.

– Ты местный?

– Живу тут. В лесу, – все так же деревянно отвечал Мишка. Девица вновь опустила голову.

– А я Марго. Или Маля. Путана.

– Это, стриптизерша, что ли?

– Да нет. Путана.

Мишка не знал значения этого слов и решил, что путана – это фамилия девицы.

– Ты, это, не стой коленками на льду-то, – предупредил Мишка. – А то простудишься.

Девушка вдруг заплакала, и плечи ее мелко задрожали. Мишка, подавив в себе стеснение, взял ее за локотки и поставил рядом с собою.

– Слышишь, Мишка, – сказала она вдруг и подняла на него полные горя прекрасные глаза. – Уведи меня отсюда. Куда-нибудь.

И Мишка вдруг ощутил, что прежнего Мишки уже нет, что он весь теперь во власти этих горестных глаз. И что он готов делать все, что она скажет.

– У меня замерзли ноги, – сказала она. – Погрей мне колени. Мишка присел и охватил своими негнуцимыми руками упругие колени Маля. Ноги ее были голы и холодны. Мишка склонился над ними, стал согревать их своим дыханием.

– Пойдем, – скоро сказала она. – Уведи меня отсюда скорее...

Они поднялись по тропе на угор. Неожиданно для себя Мишка легко подхватил ее на руки и понес к своему лесному зимовью. А она охватила его руками за шею, прижалась тесно к Мишкиной груди, облеченной в пропахшую дымом и хвоей фуфайку и затихла.

Когда Мишка добрался до избушки, девушка уже глубоко спала.

Он уложил ее бережно на укрытые лапником нары и сел у окошечка, прислушиваясь к неизведанным чувствам, пол часа назад поселившимся в его душе, но уже укоренившимся так, словно он вечно жил с этими чувствами и так же вечно будет жить дальше.

Маля чуть слышно дышала. Ночь была светла, как день. 3

Публицистика

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Начало мая. Сердце волнуется: иду домой. Дороги нет, но дело привычное: на этом пути каждый кустик ночевать пустит. Тепло. Вот – вот брызнут в голубое небо зеленым огнем леса. В полях гудят тракторы, желтоносые грачи деловито меряют черную пашню, на осыпанных золотом ивах гудят шмели и пчелы...

Нет лучше поры, чем весна. Как радуется и ликует мир под солнцем, сыплющем горячие искры на землю.

Радуюсь и я. Радуюсь свободе, весне и кажущейся бесконечности грядущей жизни, которой положено только начало.

И вот скоро догоняет меня хлебная подвода Музы Яковлевны. Ей уже под семьдесят, но работу не оставляет. Муза Яковлевна – поповна. От религии остались в нашей деревне лишь одни смутные воспоминания, да развалины церкви на том берегу Шексны. Да еще Муза Яковлевна. Замужем не была. Живет отчужденно, замкнуто. Сколько лет уже каждый день, и в дождь, и в пургу, в жару и стужу, торит она путь в Шексну и обратно. В брезентовом не продуваемом и несгибаемом плаще, закутавшись до глаз в полushалок, в задумчивом достоинстве сидит на грядке телеги тетушка Муза, и голова ее покачивается в такт мерному переступу мерина.

Шипит под колесами в колеях вода, проплывают мимо знакомые и родные картины. Береза у мосточка с разбитой в грозу вершиной, рябины по канавам, одаривавшие по осени терпкой ягодой, разлапистая ель, на которой в далеком детстве просидел часа три, спасаясь от волков, пока не появился попутный трактор.

Дорога ползет в гору, тянется по Большому лесу, в котором теперь так же трудно заблудиться, как в московском метро – сплошные дороги и просеки. И вот уже видны рассыпанные в кажущемся беспорядке дома. Еще километра три перелесками, полями, и – у цели!

На спуске догоняю человека с тощим рюкзаком. Витюшка! Он шагает в бродовых сапогах, не разгонишься. Родители Витюшки жили в городе, но он пропадал все каникулы у дядьки в деревне. За родину ее и считает.

– Тянет, Витя, в деревню?

– Что ты! Смену ночную закончил и – домой. К ночи опять надо на завод. Побуду у дядьки немного, на речку сбегая и – обратно. – Витюшка поправил рюкзак и ушел в воспоминания. – Поди, лет пять было. Так в деревню охота – до слез. А батьке все недосуг свезти. Надумал сам идти. А страшно. В деревнях – ребята большие обидят, собаки покусуют, в лесу – волки, разбойники... Ножик – складешок для обороны взял, собакам – два пряника, а чтобы ребята не обидели – лампочку от фонарика. Их тогда в магазинах мало было. В рот ее запихал, чтобы не потерять. Думаю, если ребята приступятся драться, достану лампочку и отдам. Только чтобы в деревню пропустили.

Так вот все и шел, по кустам да по обочинам хоронился. Еле приплелся.

Дядя Вася увидал меня в заулке: «Ой, Витюшка пожаловал! А папка где?» Я говорю: «Папка у магазина завернулся, некогда ему».

...Какая-то притягательная сила в нашей деревне. Однажды в распутицу пришел к нам поэт из Вологды Сергей Викулов, одолеваемый желанием поудить по последнему льду рыбки. Пойман был один единственный ерш на всю кампанию.

Но после этого визита не один раз приезжал в нашу деревню поэт Викулов и жил в ней подолгу, писал поэму о деревенской жизни, собирая частушки и прибаутки... Потом уехал в Москву. И долго еще удочки его стояли у дома, где он квартировал...

Мои удочки тоже ждут... Ноги сами прибавляют ход.

Радостны и светлы воспоминания. Вот разъехавшийся от старости, как перестоявший гриб боровик, деревенский магазин.

Лето жарило во всю макушку. Даже в доме в деревянных стенах было душно. Даже мухи сомлели и валялись недвижно

кверху ногами. Было скучно.

Я сидел на подоконнике распахнутого окна и смотрел на улицу, на которой самозабвенно порхались в пыли курицы.

Тут посреди улицы появился мой одноклассник Леня Кошкин, загорелый, как негрёнок. Он был в одних трусах. Не доходя до нашего дома, Леня спустил трусы, ухватил себя за пипиру и стал выписывать на пыли сложные вензеля. Ему нравилось это занятие, и ему было даром, что на него смотрят. Он закончил сложный рисунок и посмотрел по сторонам. Увидев меня в окне, он сообщил главную на сегодняшний день новость:

— В магазин груши привезли.

— А что это такое?

— Это вроде яблок, только вкуснее.

— Ты пробовал?

— Нет. Никто еще не пробовал. Ни у кого денег нет.

Леня подтянул трусы и пошел дальше. А меня это сообщение о грушах задело. Родителей дома не было. Была сенокосная пора, и все взрослое население было на пожнях.

Тут я вспомнил, что в сенях у нас стоит пустая бутылка из-под водки. И ее можно было бы сдать и на вырученные деньги купить грушу. Я схватил бутылку и пошел в магазин.

На магазинном крыльце собралась вся деревенская мелюзга, привлеченная известием и завозе каких-то неведомых и сказочно сладких груш. И вместе с мелюзгой над крыльцом роились осы, видимо привлеченные ароматом груш. И верно, из распахнутых дверей магазина плыли такие чудные запахи, от которых кружилась голова. Так пахли спелые груши, переложенные в ящиках стружкой.

— Чего тебе, Толя? — Спросил ласково продавец дядя Коля Карсаков.

— Грушу, — смело сказал я, выставляя на прилавок бутылку.

Дядя Коля почесал в затылке, убрал бутылку и долго копался в ящике с грушами.

— Ладно, — наконец, сказал он и подал мне желтую, исходящую соком и ароматом грушу.

– Кушай на здоровье!

Я схватил грушу и счастливый выкатился на крыльцо. Десятики глаз тут же впились в этот недоступный манящий плод, и осы взволнованно закружились вокруг меня.

– Толька! – Закричали дети. – Дай хоть разок откусить! – И ко мне со всех сторон потянулись руки.

Я выпустил грушу и, сглатывая слюну, смотрел, как перемещается она из рук в руки, стремительно уменьшаясь в размерах. До меня дошел лишь один хвостик.

– Вкуснятина! – Кричали ребяташки. – Куда там яблоку до груши.

Я пососал хвостик и довольный отправился домой. Груша

Лето жарило во всю макушку. Даже в доме в деревянных стенах было душно. Даже мухи сомлели и валялись недвижно кверху ногами. Было скучно.

Я сидел на подоконнике распахнутого окна и смотрел на улицу, на которой самозабвенно порхались в пыли курицы.

Тут посреди улицы появился мой одноклассник Ленка Егешкин, загорелый, как негрёнок. Он был в одних трусах. Не доходя до нашего дома, Ленка спустил трусы, ухватил себя за пипиру и стал выписывать на пыли сложные вензеля. Ему нравилось это занятие, и ему было даром, что на него смотрят. Он закончил сложный рисунок и посмотрел по сторонам. Увидев меня в окне, он сообщил главную на сегодняшний день новость:

– В магазин груши привезли.

– А что это такое?

– Это вроде яблок, только вкуснее.

– Ты пробовал?

– Нет. Никто еще не пробовал. Ни у кого денег нет.

Ленка подтянул трусы и пошел дальше. А меня это сообщение о грушах задело. Родителей дома не было. Была сенокосная пора, и все взрослое население было на пожнях.

Тут я вспомнил, что в сенях у нас стоит пустая бутылка из-под водки. И ее можно было бы сдать и на вырученные деньги купить грушу. Я схватил бутылку и пошел в магазин.

На магазинном крыльце собралась вся деревенская мелюзга, привлеченная известием и завозе каких-то неведомых и сказочно сладких груш. И вместе с мелюзгой над крыльцом роились осы, видимо привлеченные ароматом груш. И верно, из распакнутых дверей магазина плыли такие чудные запахи, от которых кружилась голова. Так пахли спелые груши, переложенные в ящиках стружкой.

– Чего тебе, Толя? – Спросил ласково продавец дядя Коля Комраков

– Грушу, – смело сказал я, выставляя на прилавок бутылку.

Дядя Коля почесал в затылке, убрал бутылку и долго копался в ящике с грушами.

– Ладно, – наконец, сказал он и подал мне желтую, исходящую соком и ароматом грушу.

– Кушай на здоровье!

Я схватил грушу и счастливый выкатился на крыльцо. Десятки глаз тут же впилась в этот недоступный манящий плод, и осы взволнованно закружились вокруг меня.

– Толька! – Закричали дети. – Дай хоть разок откусить! – И ко мне со всех сторон потянулись руки.

Я выпустил грушу и, сглатывая слюну, смотрел, как перемещается она из рук в руки, стремительно уменьшаясь в размерах. До меня дошел лишь один хвостик.

– Вкуснятина! – Кричали ребяташки. – Куда там яблоку до груши.

Я пососал хвостик и довольный отправился домой.

Правда, вечером меня ожидала гроза за самоуправство. Дома каждая копейка была на учете.

Вот заросший школьный сад и чудом сохранившийся дворик, в котором выращивали цыплят и кроликов, участвуя в продовольственной программе страны.

В глазах стоит деревенское утро из детства. В нашей двухэтажной деревянной школе устроен пионерский лагерь, куда собраны ребяташки окрестных деревень. Мы выходим рано на пожни с концертом. Воздух волнующе свеж. Под нашими

ногами теплая пыль, чуть влажная от росы. Золотые снопы солнца в кронах старинных лип. Над деревней несется наша задорная песня:

«Ну-ка, солнце ярче брызни,
Золотыми лучами обливай!
Эй, товарищ, больше жизни,
Поспевай, не задерживай, шагай!»

Гордые и счастливые мы идем строим деревенской улицей. Нас провожают собаки, гуси встречают гоготом, куры разбегаются по лопухам. Старушки у калиток машут нам вслед.

В деревне пустынно. Сенокос. С лугов доносит запахи замирающего под солнцем разнотравья.

Мы проходим поскотиной, мимо задумчивых коров, пастухов, колдующих у костра, мимо мельничной запруды, на поверхности которой плавится рыба, и через полчаса с песнями вступаем на пожню, уставленную высоченными стогами, из-за чего больше похожую на город. Пожня пестрит платками и рубашками, звенит голосами...

Нас поят чаем с пирогами, и скоро уже мы читаем стихи, поем песни под восторженные аплодисменты зрителей. Это наш родной колхоз.

Здесь вот катал нас на комбайне лучший в колхозе комбайнер дядя Саша Лебедев.

И что за простор открывался с высокого штурвального мостика, как пахло спелым хлебом и близкой осенью, уже сулившей скорые перемены...

Через семь – десять лет все мы окажемся гостями в своей родной и любимой деревне, и старики станут звать нас отчужденно и холодно: «городовые».

В конце шестидесятых годов ушли из деревни последние молодые силы. Ушли и не вернулись. Моих сверстников, плюс – минус два года, было в то время человек тридцать. Помню светлые ночи на горе Оняве, туманную реку, костры и беспокойные, тревожные мысли, одолевавшие, наверное, каждого. Учеба

в школе подходила к концу, и требовалось сделать выбор.

Нет, уезжать нам не хотелось. Каждому была дорога своя деревня, расставание с ней страшило. И вот кто-нибудь подавал голос:

– А что, ребята, не поедем никуда! Останемся.

И тут же откликнулся хор голосов:

– Остаемся, только, чур, все.

Не остался ни один. Сегодня трудно найти в деревне человека моложе пятидесяти лет.

Чем занять, что могла в то время предложить нам деревня? Навозный скребок или вилы. Да и этой работы на всех не хватило бы. В бригаде был пяток тракторов, но на них работали отцы и замены не просили, на ферме матери были в силе.

Деревня в какой-то момент остановилась в своем развитии, и не могла определить к своему делу подрост. Вот на этом экономическом ухабе и выбило молодежь из деревенской подводы на городской асфальт.

В те годы я один задержался в деревне. Выйдешь зимним вечером на улицу – ни души, все спать улеглось, даже собак не слышно. И такая, право, накатывала волчья тоска, что готов был проклясть родное гнездовье и двинуть напрямик через леса и болота к далекому городу.

И хотя очень любил свою деревню, ее леса, рыбные омутовьи речки, боры и ягодные болота-лакомцы, я очень стеснялся тогда своего деревенского происхождения. Так случилось, что какое-то время я работал почтальоном на четыре деревни. Эту работу я любил и одновременно ненавидел. В каждой деревне, в каждом доме меня ждали рассказы, людские судьбы, прошлое нашей деревни и страны, удивительная крестьянская речь, легенды и предания.... Сейчас вспоминая то время, я с большим сожалением думаю, какой же я был дурак, что не записал эти удивительные рассказы...

Но, я же ненавидел свою работу. Мне казалось, что я как обсевок в поле, что все уже ушли в красивую городскую жизнь, и только я ни на что негодный топчу деревенские проселки.

Наконец, я решился по настоятельному совету одной умной женщины из районной газеты «Звезда» ехать поступать в Ленинградский университет на факультет журналистики.

...Поезд пришел рано. Не было и шести утра. Я сел в пустой троллейбус, едущий по Невскому проспекту. В салоне было человека три — четыре. И мне казалось, что все смотрят на меня осуждающе: в такой культурный, овеванный славой город приперлась деревенщина.

Тут вошла в салон старушка интеллигентного вида в шляпке. Стараясь не выдать в себе деревенского происхождения, я вскочил и предложил ей место, хотя вагон был пустой.

Он чинно села, посмотрела на меня и сказала:

— Сразу видно, что вы, молодой человек, из деревни. Городские мест не уступают.

...Пока не открыли факультет, я ходил по Васильевскому острову, разглядывая университетские строения с барельефами великих людей, учившихся в стенах этого храма науки. Сравнивая себя с великими, я совсем устыдился и хотел было уже ехать обратно, но двери факультета открылись, и тот час в здание повалила пестрая толпа молодых уверенных в себе людей. Я оказался втянутым в этот водоворот абитуры, жаждущей журналистики...

Что это были за люди! Как они были одеты, с каким шиком они курили сигареты с золотыми ободками, какие умные разговоры вели, какие имена в них сверкали... Высоцкий, Вознесенский, Евтушенко... Было отчего устыдиться вновь своего деревенского происхождения. Конкурс был огромный. И я подумал, что мне не тягаться с такой умной просвещенной городской молодежью. Огромным усилием воли удержал я себя от намерения вернуться в деревню.

...После первого экзамена золотой молодежи оказалась уже вполовину меньше. И лишь в урнах еще дымилась окурки модных сигарет. К концу экзаменов на факультете и вовсе стало просто. Я не поверил своим ушам. Мои результаты объявили лучшими со всего потока.

Сегодня я с уверенностью могу сказать, что вся моя последующая жизнь была сопряжена с внутренней борьбой между любовью к деревне, ее культуре, людям и навязанным с детских лет общественным представлением об ее ущербности, несостоятельности и превосходства горожанина над крестьянином. И только теперь борьба эта закончилась. В моем сознании, победила деревня, создавшая уникальную, гармоничную деревенскую цивилизацию. Но для этого потребовалась жизнь.

С ранней весны на городских автостанциях и автовокзалах шумное столпотворение. Едут пэтушники и студенты, рабочие и строители, молодые и те, кто успел под городскими крышами детей поднять и внуков вынянчить.

Пестрые волны пассажиров накатывают на автобусы и пригородные поезда, и в этом шумном прибое мелькают то тут, то там давно знакомые лица.

— Куда?

— Как куда? Домой. В деревню.

...В деревне огородная страда. Все под выгреб на картофельнике. Огороды на задворках разделяют узкие травяные межи. Вот усадьба фронтовика Геннадия Винокурова. У него с войны болит поясница. Землю копает на коленях деревянной лопаткой. Не сдается. Еще недавно Геннадий был в колхозе на ответственной должности пожарного инспектора. Была у него лошадь и бричка, картуз с синим околышем и полевая сумка для актов и предписаний. Теперь вот военные раны спешили его.

...Сегодня к нему дочка с подружкой из города на подмогу приехала. Платья короткие, ветер подола треплет, озорничает. Копают.

— Эх ты, етишки — тишки, — озорно кричит соседям Геннадий. — Выходи на соревнование!

— А стимулы будут? — отвечают с полосы.

— Это как водится...

«Ах, Одесса! Жемчужина у моря» — в который раз несется от дома Геннадия. Магнитофон висит на изгороди, из дома протянута переноска.

– Папка! – кричит из двора дочка. – Семенная картошка кончилась!

– А, не клин да не мох, так и плотник бы сдох, – машет рукой Геннадий. – Тащи от коровы!

...Вечером сидим в заулке у Геннадия. На улице тишина, черемуховый дух в носу щекочет. Благодать.

– Ну, чтоб колос – в оглоблю, картошка, – в колесо! – заклинает хозяин.

...Едут по улице парни на велосипедах, портошины до колен закатаны, за плечами гитары, как ружья.

– Эти в район, в клуб подались, – комментирует Геннадий. Тут же воют моторы. В клубах пыли появляется кавалькада мотоциклистов.

– Эти из района к девкам. А ну, Любка! Включай свою музыку. Заманивай кавалеров.

Дочка щелкает магнитофоном.

«Ах, Одесса!» – понеслось над деревенской улицей.

Заворачивают в заулоч велосипедисты, молча стоят в сторонке, покуривают. Мотоциклисты осаживают свои чадающие керосинки, глушат моторы.

«Улица, улица, улица родная, Мясоедовская улица моя!»

На лицах ребят расплывается блаженная меланхолия. Поет заграничный ансамбль.

– Денис Русишь, – уважительно отзывается парень с гитарой. Любка презрительно фыркает.

– Ох ты, етишки-тишки, – не выдерживает Геннадий. – А вот мы сейчас русского! – Он спешит к дому и через минуту появляется с гармонью и балалайкой. – Любка, записывай!

– Куды тя, деревенщину, записывать? – сердится Любка. – Народ смешить.

– Я те покажу народ! – кипятится Геннадий, но разводит меха, заламывает картуз, топает подшитым валенком:

Я мальчишко – хулиган,
Батько делает наган,
От телеги отымает
Колесо на барабан.

И пошел, и поехал...

Потом балалайка в руках появилась. Тряхнул пальцами, рассыпались струны звоном серебряных колокольцев... А Любка магнитофон в охапку – и домой. Велосипедисты портошины закатали, сели на велосипеды и укатили в район, мотоциклисты газом рывкнули, в Гуреево подались.

– Ох ты, етишки – тишки! – только и сказал Геннадий...

Лет десять, как мы уехали из деревни, и дом остался под начальную школу, служил еще недолго людям, но как-то быстро осиротел, выстыл. Зачахли кусты и яблони в саду, заросли и сравнялись ухоженные грядки, и лишь малинник, принесенный нами из лесу, одичал снова, в буйной силе захлестнул, заполонил дворик.

Много квартир сменили мы после. С удобствами и без них, но ни одна так и не стала родным домом.

Я подошел к обветшавшему и уже чужому дому, пробрался, как вор, на крылечко и сел тихо, виноватый в отступничестве и ревности.

Далеко на реке гукнул теплоход, запоздало простучал колодезный ворот, отозвалось в стылой глубине ведро и снова густая тишина отстаивается на деревне. И лишь за дальними разливами Судьбицы темный бархат неба изредка отсвечивает, словно кто-то большой пытается там зажечь огромную спичку и все никак не может ее вздуть...

И вот неприкаянно скитаюсь по просторам Вологодчины, страны и за ее пределами в поисках неведомой страны Муравии, счастливого Беловодья, оставшегося притягательной сказкой детской памяти.

...Сколько их осиротевших без хозяйского глаза дряхлеющих деревень видел я на своем бесконечном пути. Многие помню и,

видимо, буду помнить всегда.

Дресвище давно попала в разряд неперспективных и не только по планам, но и по существу. Давно поразъехались ее обитатели. Кто в войну погиб. Кто в безвестье канул. Но оставшиеся дома крепки, для жилья пригодны. Деревенку облюбовали художники и литераторы. Здесь и рыбалка знатная, и грибы, и ягоды.

Из коренных жителей одна единственная бабка Ульяна. В Дресвище родилась, ходила по нянькам, батрачила, замужем за вдовцом оказалась.

Четверо приемных детей да пятеро своих. Теперь они давно уже сами внуков имеют, живут по новым местам, родину свою оставили. А бабка зацепилась за родной порог и ни у тех, ни у других жить не желает. Дома-то каждый сучок свой, у каждого гвоздя своя история. А пуще всего боится Ульяна в зависимость попасть, самостоятельности лишиться, лишней себя почувствовать.

— Хоть и черен кусок, да необжуренный.

С лета начинает бабка Ульяна к зиме готовиться. Сушняк из лесу таскает, пилой шаркает. Хлеб сушит, грибы солит, бруснику томит — зима все приберет.

С первыми холодными дождями пустеет Дресвище, и только Ульяна все еще хлопочет по хозяйству. Переметет снегами и метелями дороги и тропки, навалит к крыльцу сугробов — бабка, словно медведь, в берлогу залегает. У нее даже колодец в крыльце. Истопит русскую печь в зимовке — первые два дня на кровати, как барыня, спит, потом да печь перебирается, а потом и вовсе в печь переселится. Пройдет неделя — снова праздник — печь топит.

Так до масленой перезимует — там уже солнышко пригревать начнет, пора к весне готовиться, картошку перебирать, яровизировать, рассаду высаживать.

Первая огород свой вскопает, соседям поможет, пока они еще в городских квартирах нежатся. Хозяйка. Набольшая.

Завернули мы в Дресвище с московским писателем Яросла-

вом Головановым, печь топили, рыбачили, уху варили, рыжиками пробавлялись. Бабка Ульяна на огонек завернула, про жизнь свою рассказала, песен старинных напела.

Расчувствовались мы:

— Благодать — то какая! Покой дорогой. Остаться бы тут навсегда, огород копать, рыбу удить, корову бы завести на коллектив!

Слушала, слушала бабка Ульяна эти речи и загоралась вся:

— А что, ребята, надо корову-то, ой как надо! Глядите — ко, по второй год лучкаря в нашей деревне стога ставят. Слыхано ли дело, чтобы лучкаря да на дресвянских покосах хозяйничали! А коли корову-то заведем, так и сена хватит, а зиму-то я за ней догляжу. Места на дворе вдосталь, да и мне поваднее будет...

И столько было в ее словах веры, хозяйской тоски по еще несостоявшейся корове, что мы пристыжено языки прикусили.

Так как же все-таки велика способность к возрождению у людей, живущих на земле, если даже в этакой старухе, битой и согнутой жизнью, при одном только намеке расцвела в душе мечта. Да что там мечта — реальный план!

...В истории нашего Потеряева тоже было несколько периодов наибольшего оттока людей. Сильно сказалась на нем послевоенная разруха. Потом Череповец, где начиналось строительство металлургического гиганта, вытянул народ. Строительство Волго-Балта... И значительно раньше мог бы наступить для него сегодняшний кадровый кризис, а вслед за ним и упадок, если бы не стал во главе тогдашнего колхоза деятельный, по-крестьянски расчетливый и дальновидный мужик из наших деревенских Александр Иванович Кошкин.

В конце шестидесятых, начале семидесятых годов он так сумел поставить дело, что многие из тех, кто подался в город, стали возвращаться. Нужно сказать, что урожаи в наших краях были исконно высокие, фермы из передовых не выходили.

Но и этих достижений было бы недостаточно для развития деревни. Выручил лен. Раскорчевали под него солидный кусок новины, который дал замечательный урожай и семян, и тресты.

Маленький колхоз получил солидные прибыли и премии. В кассе зазвенели деньги, которые хозяйство уже могло ссужать тем, кто возвращался, под застройку. Запахло смолистой щепой, на пустырях начали подниматься свежие срубы. Веселое и радостное было время.

В нашем деревенском клубе, во время самодеятельных концертов было не протолкнуться, помню шумные соревнования молодежи на школьной спортивной площадке, поездки агитбригад нашего колхоза на областные смотры художественной самодеятельности на бортовых машинах с кумачовыми транспарантами.

В Вологде была даже выпущена брошюра «Из опыта работы Потеряевского клуба». Брошюра была маленькая, серенькая, с плохо оттиснутым клише, на котором изображался в аккуратном палисаднике наш маленький деревянный клуб, казавшийся тогда настоящим дворцом.

Кошкин был талантливым организатором. Есть у нас за Имаей обширные заливные луга, с которых брали основной запас сена. Но луга из-за топкости использовались частично. В то время в районе уже образовалась своя лугомелиоративная станция, и Кошкин вынашивал идею осушения имайских покосов. Сколько же можно было тогда снимать с них клеверов, хлеба, льна!

По натуре своей большой демократ, Кошкин нес эту идею в народ. Колхозники же, народ достаточно консервативный, поначалу опасались за колхозную кассу, боясь пустить деньги в распыл. Кошкин же был горяч и настойчив, так что порой дело доходило до жарких стычек. Но ни та ни другая сторона обиды не держала, и как бы то ни было, а скоро идея осушения Имаи жила в душе каждого колхозника. Это была хорошая перспектива для нашего колхоза.

Но кончился взлет Потеряева как-то сразу и нелепо. Началась кампания укрупнения колхозов. Потеряево объединили с другими колхозами, а центр вновь созданного определили в Шексне. Кошкина же перевели в другое, дальнейшее хозяйство.

Не отпускали его колхозники, противились всячески, да и сам он не хотел бросать начатого дела, но район был непреклонен.

Новое хозяйство, колхоз «Шексна», вобрало в себя десятки деревень и раскинулось на десятки километров. О многих деревнях потеряевцы едва ли слышали. Противились они укрупнению, не хотели в одной упряжи с чужаками работать, поскольку во все времена было Потеряево деревней независимой и даже чопорной. Не прочь на счет своих соседей проехаться, которые победней жили: «Не беда, что нет сохи, была бы балалайка».

Что говорить, как нет людей одинаковых, так нет и одинаковых деревень. И если уж в Потеряево дом-то хоромы, если картошка-то «в колесо».

С того времени и началось захирение нашей деревни, превратившейся из самостоятельного колхоза в рядовую бригаду. Колхозные средства вкладывались в развитие других, более близких деревень. Новый председатель был родом с зареченской стороны, а своя рубашка, что ни говори, все равно ближе к телу.

Развитие нашей деревни застопорилось, захирела дорога, новостроек не стало, и превратилось Потеряево в захолустье, вполне оправдывающее свое название, в неперспективную деревню. На этот период и пришелся наиболее опустошительный отток молодежи.

...Утром солнце лучится в мокрой, только что проклюнувшейся траве, на первых листочках деревьев дрожат и переливаются капли ночного дождя. В промытых окнах играют солнечные блики, и вся деревня кажется помолодевшей и праздничной.

Города начинаются с вокзалов, а наша деревня с «галдареи», это и вокзал, и вечерая площадь, торговый и административный центр. Здесь на мостках, среди резных осиновых колонн колхозных кладовых, как и прежде, обсуждаются все основные события: деревенские новости, международное положение, здесь собираются на бригадный наряд и рядят пастуха на лето, а раньше по праздникам устраивали перепляс — «топотуху».

Правильно было бы назвать это сооружение галереей, да

не любит деревенский язык иноземных слов, от своего корня, от слова «галдеть» и пошла «галдарея».

Строили ее еще при председателе Кошкине, любившем во всем широкий размах, хотя и колхоз против нынешнего был с рукавицу.

Но, как и прежде, собираются на «галдарее», пусть не людные, но беседы, и текут неторопливые разговоры про нового председателя, что «больно тороват, да неласков», про то, что «житье у коров настало необыкновенное: на каруселях катают», про житье новое и старое...

И кажется мне, что вечно будет жива моя деревня, что не может она так вот просто уйти в никуда, не оставив после себя ни следа, ни тропинки.

В июле наша деревня опустела. Почти все, кто мог в руках косу да грабли держать, отправлялись на имайские покосы, разбивая там долговременный стан.

...Вечером становой повар – армейская профессия – Иван Михайлович Фунтиков раскладывает косарям кашу.

Ваня росту маленького, коренастый, глаза – буравчики под кочками бровей, словно вызов всему миру. У него была такая гордыня, что сегодня бы ее манией величия назвали.

За что ни возьмись – все у него лучшее. И огород, и баба, и ребятишки, и собака пустолойка, и сам он, самый умный, самый сильный, самый рукодельный.

Говорят, что мужики к нему спорить приходили из соседних деревень. Вот схватятся спорить, скажем, за часы. У кого точнее.

Ваня говорит: «Мои лучше всех. Моя „Победа“ пятнадцать лет на руке ходит, а ни разу подводить не пришлось. Показывает из «тютельки в тютельку».

Тут на стене радио запикает: «Московское время двенадцать часов.»

– А ну, сверяем, – кричат мужики!

Ни у кого точно не показывают, а больше всех врут у Вани. На полчаса отстали.

– Все, проспори! За бутылкой беги.

Ни за что не побежит. И не потому, что скупой, а потому что справедливый.

— А что, мужики, бывает и Москва ошибается. А вот был такой случай. В газете читал.

Ваня молоко с фермы на сепаратор возил. А хотелось большего. И вот кто-то сглазил наш деревенский магазин. Кто за торговлю не возьмется — одни недостатки.

Вот Ваня поехал в сельпо с заявлением принять его на работу «зафмагом».

— Что ты, говорят, Иван Михайлович! У вас всего два класса, а до вас учительница математики недостатку сделала.

— Та учителька передо мной — темна бутылка!

Приняли Ваню «зафмагом».

Торговал всего с полгода. Дебет с кредитом не сошлись...

Старики вспоминали, что когда Сталин умер, многие плакали:

— Что же теперь будет, кто возьмется править?

— Чего ревитё? — успокаивали другие. — Сталин помер, так Ваня Фунтиков жив.

...Сытный ужин ненадолго расслабляет усталых косарей, но сон не идет. Вечерняя прохлада бодрит, наплывает из низин вязкий туман, дергачи кричат в высоких травах, жарко светят в полумраке остатки костра... И по-прежнему тянет на разговор.

— Анна, — кричит кто-то от телеги. — Расскажи-ко, как в Череповец за мукой ездила.

История на деревне известная. В сути своей печальная. Поехала баба в город, купила муки мешок, юбку новую. На пароходе юбку сняла, чтобы не запачкать, села на мешок и уснула. Пристань свою проспала, юбку потеряла, всю ночь пешком с мешком до дому добиралась, торопилась к утренней дойке.

Но в пересказе Анны она приобретает такие подробности и детали, что публика хохочет до слез.

— Да я-то что, — отвечает Анна. — Вон Захаровна как-то на рынке диван отхватила. У нее ловчее моего получилось. Пусть она и расскажет.

— Поди, за кукурузу премия, так решила мебель сменить. А-

а? — подначивают Захаровну из темноты. — Вали, Захаровна, сказывай.

Надежда Захаровна перевязывает косынку.

— Приехала лонись пароходом в Череповец. Пошла на рынок. Вижу, мужик диван продает. Обшивка хорошая, пружины крепкие. Шестьсот рублей просит. «Бери, — говорит, — не прогадаешь. С твоей комплекцией как раз будет.

Думала, думала и купила. Села, посидела и смеаю: а как же я его на пристань-то поташу? Тяжелущий. А потом ведь на пароход-то меня с ним не пустят.

Тут уж и рынок закрывают. Сторож в колоколо брякает. «Давай, — говорит, — баба, снимайся с дивана-то».

Ох, ты мне! Чего делать? Посижу, побегаю. Хоть реви. А тут этот самый мужик и идет...

— Который диван продал?

— Вот-вот. «Ты чего, — говорит, — расселась?

Так и так, говорю.

— А он чего?

— Ох, говорит, ты и дура. Давай, говорит, я его у тебя обратно куплю. За триста.

— Продала?

— Продала. Только что и посидела за триста-то рублей.

От хохота просыпается лес, смолкают дергачи. А завтра снова работа до красных кругов в глазах...

Тетя Маня Соловьева — самая маленькая, самая худенькая. Нет у нее сил тягаться с остальными на прокосе. А и отстать нельзя. Через час силы уже кончаются, нужно передохнуть. Косари движутся один за одним ровной шеренгой с уступами в едином ритме. Тетка Маша крайняя. И вот она бросает косу, снимает с себя рубаху, юбку, остается, в чем мать родила, и снова становится в шеренгу с косой. Скоро первый выходит на разворот и окидывает взглядом шеренгу косарей.

Испуганный крик висает над пожней. И через несколько секунд невообразимый хохот подпирает небо. Народ уже катается по лугу.

«Я косила – косила,
Красу под елку бросила,
Пойду повещаю на сук,
Пускай глядят, кому досуг...»

Звенит частушка. Минут на десять вынужденный перерыв, за которые тетка Маша успеваешь перевести дух...

Напомнила мне деревня старика Петра Стогова, прожившего «аредовы» веки. Выходил он на дорогу днями, стоял, опершись на отполированный рукой можжевельный посох, и выглядывал – не пойдет ли кто-нибудь, с кем бы поговорить. Рассказывал, как воевал «ерманца», участвовал в Брусиловском прорыве, самого генерала видел. Заслужил Георгия, а сына, в одной сотне служили, на глазах убило.

Работал дедушка Петро в колхозе до 95 лет. За «конями ходил, упряжь чинил, дровни, телеги.

Потом его дочка Матрена к себе забрала. Лишила старика самостоятельности.

Умирая, он жаловался:

– Я бы еще пожил, дак от всех делов отстранили.

...Утром я снова пришел на «галдарею», чтобы уехать с попутным трактором в Шексну.

На «галдарее» сидел старый кузнец он же и конюх Борис Кузнецов, видимо, собирался в город к сыну.

– А – а, тянет домой-то? – Приглядевшись, спросил он: В город возвращаешься? Колесом дорога! Вертайся!

И ответил сам себе: – Тянет. Как же. Всяк кулик по своему болоту плачет.

Мы закурили. Борис затыкнулся папиросой, прищурился.

– А вот, скажем, осушили болото. Куда кулику деваться? Надо новое искать. Сначала по старому плачет, а потом и новое хвалить зачнет. Вот так и мы. По старому плачем, а за новое держимся.

Борис задумался надолго. Потом вдруг оживился резко, глаза молодого блеснули:

— А ты там, в районе, не слыхал, будто разговор идет, что Кошкина к нам на бригаду назначают? Э-э, уж он-то, парень, порядок наведет. Не даст деревню загубить. Да мы с ним еще Имаю распашем...

Года три спустя приехал я в деревню, чтобы сбегать на болото за последними осенними ягодами.

Тихо в лесу, только лист под ногами шуршит, да слышно, как холодные капли с голых ветвей падают на землю, похожую на цветное лоскутное одеяло.

Утром, когда на болото собирался, тетя Поля, у которой останавливался, предупредила:

— Что ты, Господь, с тобой. На Ерофея в лес собрался! На Ерофея не ходят по лесам да болотам.

— Что так?

— А ты не знал? На Ерофея то мученика лешие безобразничают весь день и ночь, а к утру, после пения первых петухов, проваливаются сквозь землю на всю зиму, пока весной не оттают. Народ в этот день в леса не ходит.

Но я пошел. Мало ли каких сказок бабушка еще нарасказывает. И зря не послушался.

За Ваневым за речкой в подлеске, которым столько раз проходил на болото, вышел я на торную тропу, и подивился:

— Это ж, сколько по ней ягодников и грибников прошло, что бы так ее натоптать. — Я встал на нее и бодро зашагал, хотя видел, что идет она по касательной к болоту.

— Люди знают, — подумал я.

Через полчаса я вышел на старый заросший покос. Болото осталось за спиной. Я снова встал на тропу и пошел назад. Через сорок минут я вышел на другой покос, на котором давно не гуляла коса, затянувшийся дурной травой.

— Что за черт! — выругался я, оставил тропу и пошел на болото напрямик.

Обратно я возвращался уже в сумерках довольно уставший. И только вступил я в приболотье, как тут же под ноги угодливо попала мне такая же хорошо убитая тропа.

Я соблазнился встать на нее, не хотелось лезть через чапыжник. И я пошел этой тропой и скоро вышел на заросший покос. Я пошел обратно и снова вышел на покос. Стало не по себе. Я вернулся, в лесу эту тропу пересекала другая, которая, явно вела в деревню... Я слышал, как в деревне поют петухи, лают собаки... И я пошел. К ужасу моему я опять выбрался на заброшенный покос. Я вспомнил бабушкино предупреждение про нечистую силу, которая беснуется в эту ночь по лесам.

Было уже темно. И тут я услышал, что за моей спиной раздался отчетливый стук копыт...

– Вот оно, – похолодел я, и машинально отступил в кусты...

Удары копыт повторились совсем рядом, я замер. Сквозь ветки я увидел прямо перед собой жуткие очертания какого-то лохматого лесного чудовища. Огромный глаз его тускло отсвечивал. Он видел меня...

Я взвыл! И тут же раздался страшный треск, существо это ринулось от меня в заросшие покосы и исчезло, и только грохот копыт долго еще отзывался эхом в пустынном лесу.

На Ерофея, – вспомнил я наставление, – – буйствуют лешие. Они «дурят в лесах»: бродят, ... кричат, хохочут, хлопают в ладоши, ломают деревья, гоняют зверей и проваливаются.»

Я не помню, как я выскочил в деревенскую поскотину. Тускло и покойно горели огни в домах. Я утихомирил сердце и постучал в первый попавшийся дом. Там жили родители моего одноклассника. Лешки Творогова. До своей деревни было еще километра три.

– Кого хоть видел я приболотье? – Спросил я их за чаем.

Они засмеялись.

– Это Серко. Бывший колхозный конь. Конюх Борис Кузнецов умер, некому стало его обихаживать. Вот он и поодичал. Набил в лесу троп, пасется на старых имайских покосах.

1979 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛИ

На следующий день в деревенской библиотеке залезаю в подшивки Пришекснинской районной газеты «Колхозник – животновод».

Интереснейшее это занятие – читать старые газеты. Незначительные, кажется, события и факты, отдаленные по времени, начинают обретать большой смысл и содержание. На многие мысли наводит такое чтение.

Удивительное было то время. Запальчивое, шумное, прямолинейное и суровое. И какой страстью дышат неумелые, стилистически корявые строки селькоров. Одни заголовки и подписи чего стоят!

Вот фельетон на начальника милиции. «Видны ослиные уши» – называется он. Почему ослиные? Непонятно. Начальник занялся личным хозяйством и развел коз.

Коза – скот мелкорогатый, и начальника обвинили в мелко-собственнических настроениях и даже перерожденчестве. Кто тут прав, кто виноват – нам, в то время не жившим, – судить трудно, хотя нынче этого начальника, пожалуй бы, поставили в пример.

Вот корреспонденция под псевдонимом «Зоркий глаз» с решительным требованием: «Дать им слегка в зубы!». Это в отношении «саботажников», которые во время посевной вздумали вздремнуть на мешках с посевным материалом. Ответа о принятых мерах я не нашел, но надо думать, что действенность была достаточно высока. Не то было время, чтобы отмалчиваться.

Но главное в этих материалах другое. Оказывается, в тридцатые – сороковые годы Пришекснинский район за высокоразвитое молочное животноводство называли «маленькой Данией». Здесь, на заливных пришекснинских лугах, богатых душистым разнотравьем, родина вологодского масла, создателем которого

стал брат знаменитого художника Верещагина. Здесь велась усиленная племенная работа с коровами ярославской породы, здесь корова Вена стала мировой рекордисткой и давала по 8 с половиной ведер молока в день! И рекорд этот держался семнадцать лет. Многие хозяйства имели в ту пору высокую продуктивность коров – от трех до шести тысяч литров.

В Чуровском товариществе, нынче это центральная усадьба передового колхоза имени Кирова, была образована племенная лаборатория коров ярославок, над которой лично шефствовал известный специалист по молочному скоту академик Лискун.

В тридцатые годы по всему району было внедрено искусственное осеменение скота. Дорог тогда настоящих не было, но выход нашли оригинальный. Сперму от лучших быков – производителей доставляли в разные концы района с помощью почтовых голубей.

Так что не зря на второй выставке достижений народного хозяйства СССР Пришекснинскому району был отдан почти весь павильон «Животноводство».

А вот еще факт. Бригадир колхоза «Шексна» Георгий Андреевич Кадыков удостоен звания Героя Социалистического Труда за высокие урожаи зерновых. Урожайность зерновых в целом по бригаде составила 32 центнера с гектара, пшеница дала 70. Что это? Случайность? Благоприятные погодные условия?

Что бы, казалось, и дальше не получать шекснинским земледельцам такие же урожаи, а то и выше? Ведь уровень производительных сил год от года растет, а секрет высоких урожаев по Кадыкову прост: что в землю положил, то она и поднимет.

Не получается. Не получается по многим причинам, но одна из них, без сомнения, в том, что слишком редко мы обращаемся к опыту прошлого, а если и обращаемся, то снисходительно и высокомерно. Назад оглядываемся чаще всего за тем, чтобы в свой актив побольше выгодных свидетельств собрать; вон, дескать, как раньше худо жили: топорищем подпоясывались, на обухе рожь молотили.

А не нам ли знать, что любой опыт предшественников, плох

он или хорош, — бесценное достояние, без которого нет ни настоящего, ни будущего.

А потому стану сейчас вам рассказывать о прошлом, не так и далеко, но уже основательно позабытом нами.

Ясным днем занимавшейся ранней осени, когда в полях шумела уборочная страда, а от зернотоков по всей округе расплывался горячий запах хлебов, Шексна провожала в последний путь своего Почетного гражданина Михаила Матвеевича Молоканова, бывшего во время войны и в пятидесятые годы первым секретарем райкома партии.

Звучали прощальные речи, слова признательной памяти, и бывший секретарь, словно внимал им, в последний раз спрашивая себя по всей строгости: все ли было сделано им, так ли надо было сделать?

На окраине кладбища у черты доспевающих хлебов стояла уже зарастающая травой могилка вечного сеятеля и пахаря Тимофея Белоликова из соседней деревеньки Деминской. Семьдесят с лишним было Тимофею, когда осталось хозяйство без мужиков. И Белоликов снова взял плуг, стал стахановцем. По три гектара пахал он в день на пароконном плуге — сегодняшняя норма тракториста.

А вон недалече могилка потеряевского стахановца Егора Тестова, больше которого никто не мог скосить трав. По гектару и больше значилось ежедневно на его счету...

Деревня сделала для Победы, казалось бы, невозможное, отдавая фронту все, оставаясь сама голодной разутой и раздетой.

Двадцать два миллиона рублей передали шекснинские колхозники государству по займу в Фонд обороны.

Молоканов с рассвета до ночи мотался в седле по деревням, вновь и вновь требуя от измученных женщин и голодных детей жесточайшей дисциплины и самопожертвования.

И откуда что бралось?

В военную бескормицу свиарка Мария Козлова была доверенные рекорды. По двадцать восемь поросят получала она от одной свиноматки, каждый приплод давал до четырех тонн

мяса.

В сорок седьмом страшный голод окончательно подорвал истощенные силы деревни. Наступала сенокосная пора, а у людей косы вываливались из рук, ноги не держали.

И тогда Молоканов решился на крайность – выдать колхозникам запасы семенного зерна, а новым урожаем их восполнить. Область ответила грозowymi раскатами. Едва удержался в секретарском кресле... А впереди были пятидесятые годы с лженаучными подходом к земледелию, с попытками разом решить все продовольственные проблемы и с теми же требованиями – не думать, а исполнять.

Георгий Андреевич Кадыков, тот самый бригадир из «Шексны», а до того председатель маленького колхоза «Красный луч» как-то вспоминал:

После войны начинали с пяти центнеров. Земля истощена страшно. Навоз берегли – пуще золота. Едешь, бывало, лошадь кучу сделает – и то в поле снесешь. Мало-мальски начали выправляться.

А тут у нас агроном был, такой любознательный до всего дойдет. На юге побывал, посмотрелся на кукурузу и загорелся у нас развести. Так у него весь огород кукурузой засажен был, опыты ставил. Жена ругалась, а он за посадками, как за невестой ходил. Только оказалась невеста не в меру привередливой. Что ни год, то зачахнет.

Молоканов не раз приезжал на его опыты посмотреть посмеивался: дескать, на рогоже сидя, о соболях не думают.

А тут на тебе: повсеместно кукурузу внедряют, клевера запахивают, весь навоз под нее – царицу.

Ну, мы спокойны. Если уж на огороде не выросла, то в – поле и подавно. Сеять, и не думаем. Только вызывают меня на бюро.

– Посеял?

– Нет.

Молоканов встает, крутой был:

– С работы снять, из партии исключить, отдать под суд!

Взмолился я:

– Не губите, посею.

Посеяли, вылезла она, матушка, вершка на два и загнула. Зато на следующий год какие озимые по ней вымахали! Чистых паров тогда не давали держать. А тут пар получился – чище некуда.

Потом уж, оба на пенсии были, поминал Молоканову.

– Верил, – говорит, – такую войну выиграли, разруху одолели, а кукурузу не вырастить?

А я так думаю, привыкли за войну командовать да подчиняться. А вот советоваться не научились.

...Безудержно листает время страницы нашей истории. И все меньше живых свидетелей прошедших лет остается среди нас. В тот печальный день еще не успели насыпать земляной холм на могилу секретаря, как, захватив сердце богатырской, перевитой венами рукой, среди траурного, митинга тихо опустился на траву боевой потеряевский председатель Александр Иванович Кошкин.

Да, он был поистине талантливым организатором. И этот талант проявлялся всюду, где ни пришлось ему поработать. А судьба у него как руководителя была незавидной...

Однажды в кабинете у председателя комитета народного контроля Александра Павловича Гусева застал я ходоков – пенсионеров, в прошлом руководителей районного звена. Это были люди с большим практическим опытом, знанием района и его людей до третьего колена и дальше, исходившие на своих двоих район вдоль и поперек.

А пришли ходоки к Гусеву с такой вот идеей. В ту пору не было в районе хуже организации, чем «Межколхозстрой», заваливавший из года в год свои программы наполовину. И склоняли МКСО на всех заседаниях и совещаниях, едва ли не каждый год меняли руководителей – толку не было. Да и откуда ему быть, коль строительная база слабая, кадров нет, жилья тоже. А колхозы между тем задыхались без строительной поддержки района.

Вот и пришли тогда ветераны с вернейшим рецептом разом

поднять на ноги МКСО. Рецепт был обескураживающе прост: убедить верхнее начальство поставить председателем «Межколхоз-строя» Кошкина.

Гусев таких вопросов не решал, а верхнее начальство побаивалось выдвигать Кошкина. И вот почему.

Александр Иванович работал в то время прорабом. И его участок был единственным, который не лихорадило. (Строители очень жалели, когда Кошкин вновь вернулся к земле). А ведь он не был строителем. И не технические знания, а способность к организаторской деятельности, умение добиться своего, отстаивать интересы дела, помогали ему в незавидной прорабской должности.

Прямой и резкий в суждениях, он не боялся высказать свое мнение в лицо любому. И потому-то его жизненный путь был так непрост.

С укрупнением колхозов из Потеряева Кошкина перевели во вновь созданный колхоз «Советская Россия» — хозяйство разбросанное, собранное из многих мелких колхозов, успехами не блиставших. Двадцать километров разбитых, труднодоступных дорог отделяли его от райцентра.

Но и в этом хозяйстве Кошкин не потерялся. Сумел добиться уважения и веры у колхозников.

История эта произошла давно, но в районе ее помнят хорошо. Кошкин тогда крепко не поладил с секретарем райкома Портновым. Секретаря избрали депутатом по их избирательному округу. И понятно, что в наказах избирателей были самые жизненные проблемы колхоза — стройки, дороги. Но срок прошел, а наказы так и не были выполнены. И когда секретарь вновь приехал на выдвижение, Кошкин открыто с трибуны выразил ему недоверие, предложил колхозникам выдвинуть своего кандидата, который бы смог постоять за их интересы.

Случай был беспрецедентный. И, конечно же, Кошкина постарались из председателей убрать. Долго тянулась эта тяжба. Общее собрание колхозников не отпускало председателя, не принимало нового. Собираться приходилось не раз, пока сам

Кошкин, измученный этой борьбой, не попросил колхозников отпустить его. Но и на этом дело не кончилось. Были потом письма в высшие инстанции за сотнями подписей колхозников, однако, как говорится, паровоз уже ушел.

Так переквалифицировался Александр Иванович в прорабы.

После Кошкин был бригадиром в колхозе «Шексна», возглавлял центральную бригаду. Свои же колхозники, мечтавшие распахать с ним Имаю, так и не дождались его. Впрочем, недолгое его возвращение в Потеряево было. Наверное с год отработал он в родной деревне, но семья, напуганная неперспективностью Потеряева, не захотела возвращаться домой. И после долгих семейных неурядиц, вынужден был знаменитый потеряевский председатель перебраться поближе к районным перспективам.

Таких руководителей кошкинского склада было немало. Осталась о них добрая память в народе, Да передаваемые из уст в уста истории, которые, обрстая новыми деталями, становятся уже легендами.

Три легендарные личности были в районе. Три фронтовика, три богатыря, которые не только физически были крепки, но и головы имели светлые, и характеры независимые.

Это Иванов, Кошкин, Громов...

Фамилию эту – Громов – я впервые услышал на районном празднике Труда, ежегодно проводимом на ипподроме после посевной в Шексне.

Главным событием этого праздника были конные соревнования, бега, на которых мы все болели за нашего жеребца Маяка. И вот на этих бегах произошло событие, которое потрясло всю многотысячную толпу народа, собравшуюся на праздник.

Во время главного забега рысаков, выставяемых каждым колхозом, из качалки выпал наездник из Сизьмы. Лошадь понеслась далее одна. В это время из толпы из-за ограждения выскочил здоровенный мужик, он бросился вслед за лошадей, догнал ее, ловко заскочил в качалку. Дальше творилось что-то невообразимое.

Жеребец из Сизьмы под управлением нового седока легко догнал соперников, обошел их и финишировал под рев народа первым.

Этим седоком оказался председатель колхоза «Путь Ленина» из Сизьмы Михаил Павлович Громов.

Отец Громова был крепким хозяином. После революции он вышел из сельской общины и поселился в лесу, на берегу речки Сизьмы в урочище Крутом.

Скольких сил ему стоило расчистить от леса пашню, луга, пастбища, чтобы жить самостоятельно, со вкусом, по собственному разумению.

Однако, порадоваться пришлось недолго. И в глухие сиземские края добралась коллективизация. Пришлось оставить единоличное хозяйство, и войти в колхоз, чтобы не попасть в кулаки и не загреметь на лесоповал.

Старший сын Михаил покинул сиземские края, уехал учиться в Ленинград и уже работал плановиком на большом заводе, как началась война.

Михаил сражался, защищая Ленинград, до снятия блокады, был многократно ранен.

Вернулся в Сизьму инвалидом. И вот в родном доме, на травах, с помощью бани он выправил свое здоровье настолько, что скоро ему предложили стать председателем сельсовета в Юрочкине, потом председателем колхоза, и в конце концов перевели в родную Сизьму, поднимать обветшавшее за годы войны и послевоенной разрухи хозяйство.

Не одно десятилетие отдал Михаил Павлович Сизьме, поднял это хозяйство, отстроил, вывел из глухомани бездорожья на асфальт.... И, видимо, не без этих трудов, сегодня Сизьма — одно из самых привлекательных мест, куда стремятся приехать тысячи и тысячи туристов...

И дети у Громова связали жизнь с селом. Сергей, закончив Молочный институт, скоро стал руководителем крупнейшего в Тотемской районе совхоза «Погореловский», потом район возглавил, полтора десятка лет руководил сельским хозяйством

области.

...Через лес да болото от колхоза «Шексна» на высоких угонах рассыпались деревеньки колхоза имени Калинина. И у этого колхоза в пятидесятых годах была добрая слава. Не слишком громкая, но крепкая, основательная. Были и надои по тем временам неплохие, и урожаи, и привесы на общерайонном уровне смотрелись.

Стоял тогда у хозяйственного руля Павел Иванович Соколов, тоже легендарный в этих краях человек. О Соколовских временах старики и сейчас вспоминают с грустью, как о временах молодецких и удачных.

Павла Ивановича не стало, а колхозная слава, продержавшись еще некоторое время, пошла на убыль, потом снова стала расти, но это уже была слава другого порядка. То слышно, в посевную здесь нелады – вместо тракторов заголосят в поле гармони и механизаторы до седьмого пота вбивают в землю каблуки, то падеж случится, то урожай под снег уйдет. А потом уже и руководство, и рядовые колхозники начали привыкать к тому, что плетется хозяйство не путем, не дорогой, а через пень – колоду.

...Советова привезли в колхоз имени Калинина «на сватовство» к отчетно-выборному собранию. Не вдруг и не сразу согласился он, чтобы предложили его кандидатуру на пост председателя. Не одну беседу пришлось провести с ним в райкоме, чтобы убедить в необходимости этого шага. Колхоз имени Калинина давно вызывал тревогу у районного руководства. Вот уже несколько лет как застопорилось там движение, люди потеряли цель.

А Советов был патриот. Родился и вырос в колхозе «Шексна», здесь же и дело свое нашел. Место, куда его направляли, хотя и было совсем недалеко, а чужим считалось, и по какой-то давней традиции недолюбливали шекснинские мужики эти края. Может быть потому, что жили на Шексне получше и побогаче.

Веня Советов стал колхозником как раз в то время, когда из деревни больше всего уходила молодежь. В конце шестиде-

сятых. Отслужил в армии, в город не поехал, решил с матерью пожить, та у него одна оставалась. Не скажешь, что большой патриотизм испытывал, что высокие мысли его одолевали в то время. Просто решил человек осмотреться, что к чему. Поначалу эти смотрины были с достаточной долей снисхождения, ведь рядом были огромные стройки, заводы, где встретят с распростертыми объятиями. Но чем дальше, тем больше втягивала его в – свой круговорот колхозная жизнь.

Поступил учиться заочно на инженера – строителя, на практике постигал эту специальность в колхозе. А вскоре и время пришло бойкое – больших комплексов, новостроек.

Колхоз «Шексна» – хозяйство с миллионными доходами. Про «Шексну» говорили, что будто бы там денег «куры не клюют». Но выхода этим деньгам не было. Слишком мало колхоз строил, получая основные доходы ото льна, благо рабочих рук для ухода за ним в то время еще хватало.

Руководил колхозом Тимофей Александрович Иванов. Он-то и стал первым учителем Советова. Человек могучего телосложения, медлительный, слова произносил редко, будто экономил. Эта неразговорчивость да ещё глаза, спрятанные глубоко под густыми бровями, придавали ему вид угрюмый, недоступный. Да и не без странностей считали Тимофея Александровича. Бывал он временами скуп до изумления как в своих, так и в колхозных делах.

У колхозников дома тесом обшиты, маслом крашены. Председатель свою избу на зиму соломой обставлял. Штаны у председателя переживали не одни заплаты, костюм обветшал, даже на очешник не хотел разориться Тимофей Александрович. А очешник у него был знаменитый. В него под фланельку складывал председатель свои заметки и записки. Тут у него целая бухгалтерия и архив были. Откроет очешник и все ясно: что, кто, где, когда. От старости очешник раскололся в нескольких местах, но Иванов его аккуратно заклепал медными заклепочками.

Как-то на заседании бюро райкома партии Д. М. Кузовлев, в ту пору первый секретарь, увидел на ивановском очешнике

новые заклепки, не выдержал:

– Товарищи! Предлагаю сброситься по десять копеек на новый очешник Тимофею Александровичу.

Короче говоря, весь облик председателя изобличал крайнюю степень бедности. Не многим лучше казался с первого взгляда и сам колхоз. Его миллионные доходы добывались на старых фермах и дворах. В этом-то как раз и была причина того, что многие деревни молодежь покинула полностью, не найдя себе достойного применения. Более колоритной фигуры, чем Тимофей Александрович Иванов, среди бывших председателей колхозов я не знал. Председатели всегда были номенклатурой обкома партии. Дрыгин считал председательский корпус вроде элитных частей в армии и придавал большое значение их подбору и расстановке.

Тимофея Александровича узнали мы после укрупнения колхозов, когда наш маленький колхоз, гремевший своими достижениями на всю область, влился с несколькими другими в один большой колхоз «Шексна, растянувшийся в длину километров на тридцать. У колхоза гиганта и председателем стал настоящий гренадер. Ростом Тимофей Александрович был под два метра. Кулаки по пудовой гире. Хмурый взгляд, массивная челюсть, двигавшаяся словно на шарнирах, редкая, малословная речь. И правил Иванов круто.

Как живая стоит в глазах картинка. В колхозе нашем после укрупнения мужики ударились в пьянку. Наверное, снимали психологический стресс. Кому понравится, что тебя, словно крепостного со всей семьей имуществом и домом взяли и другому барину продали.

Как ни боролись с пьянством – не остановили. Пели даже частушки в сельском клубе про каждого пьяницу персонально

Мужики серчали, бузили, но пили по-прежнему. А народ был в нашей деревне отчаянный. Бывало праздника не пройдет, чтобы кого-нибудь в пьяной драке не захлестнули или не зарезали.

И вот в знойный летний день на крыльце нашего магазина сидели мужики и пили в тенечке горькую, проклиная новые

порядки и власть, как тут раздался пронзительный крик:

– Тимоша едет!

По дороге бежали вприпрыжку ребяташки и орали во все мочь:

– Тимоша! Тимоша!

И тут случилось невероятное. Словно горох посыпались мужики с крыльца и пошли на уход. Кто огородами, кто в канаву упал, и пластуном по канаве, кто за сарай спрятался...

По дороге летел газик, правая сторона которого заваливалась под грузом председателя тела.

...В биографии нового председателя был неприятный эпизод. Тимофей Александрович отбывал в местах не столь отдаленных срок за убийство. Не рассчитал силу удара, защищаясь: превышение допустимой обороны. А места были и в самом деле не столь отдаленными. Зона была через реку от дома. Потом, спустя годы, когда Иванов стал знаменитым на всю область председателем, кавалером ордена Ленина, приглашали его на традиционные Дни полезных дел в колонию. Он приходил со своим бригадиром, Георгием Андреевичем Кадыковым, Героем Социалистического Труда, который тоже сиживал на этой зоне: на гулянке обидчику своему ножичком заднее место продырявил. И вот сидели они оба два, обласканные партией и государством за трудовые подвиги, в президиуме, и колониjsкое начальство, обращаясь к заключенным, советовало брать пример с бывших выпускников учреждения, достигших таких высот.

С приходом Тимофея Александровича получили наши старухи пенсию. Раньше колхозницам пенсии не полагалось государственной. Получили они колхозный пенсион. Шесть рублей в месяц. Да и колхозников стали рассчитывать не только урожаем, но и деньгами. Первые деньги в нашей деревне! Богатеть начали быстро.

И это обстоятельство год за годом смиряло наших колхозников с ивановским крутым правлением. Год Иванова ругали и боялись, боялись и ругали, но приходило отчетное собрание, выплачивались премиальные самые большие в районе: по рублю

на заработанный рубль, и правление Тимофея Александровича получало единодушное одобрение.

Не терпел Иванов чужого вмешательства в дела колхозные. Тут уж можно было и схлопотать. Как-то раз приехали в район гаишники из Вологды проводить рейд. Выставили пост на территории нашего колхоза. Недолго и подождали, как едет на «Волге» здоровенный мужичина.

Решили проверить документы, властно палочкой на обочину показали. А мужик едет дальше, как будто бы на дороге и нет никого. Кинулись в машину догонять. Сигналят с проблесковыми маячками — ноль внимания.

Обгоняют, ставят поперек дороги машину. И тут» Волга» остановилась. Подбегает к ней молодой лейтенант, открывает разгневанно дверцу, а оттуда ему под нос здоровенный кулачище.

— Вот сейчас, — говорит мужичина, — как дам в морду!

Дверцу захлопнул и уехал.

После того случая с год, наверное, пришлось ездить Тимофею

Александровичу без прав.

Как-то мы убрали картошку на колхозном поле. Я работал тогда в той самой колонии. Поля были огромные, работали мы старательно. И через неделю весь урожай был отправлен в колхозные закрома. Мы варили обед на кромке поля, когда на другом конце поля появилась лошадь с телегой. В сентябрьском остывшем воздухе далеко слышно было позванивание бутылочного стекла. Следом за лошадью ехал «газик» заваливаясь на левый бок и выдавая шофера.

Это ехал Иванов с благодарностью.

— Вот, — сказал он смущаясь, — литки. Спасибо. Хорошо поработали. Пейте топерь. Сделал дело — гуляй смело.

Ящик без одной бутылки выгрузили у костра.

Наш старшой свернул пробку, налил стакан тонкий на 250 граммов:

— Тимофей Александрович, может с нами стаканчик?

Иванов потоптался грузно, крякнул:

– Ну, разве, стакашок дак можно.

Стакан в его руке превратился в стопочку. И ни один мускул не дрогнул на председателевом лице. Кто-то сунулся с яблоком.

Иванов отмахнулся:

– Не надо.

– Ну, мужик! – восхищенно выдохнула толпа шефов, выдавшая в своей колонии строго режима народу всякого, и уже уставшая удивляться.

В семидесятых колхоз начал перестраивать свое производство. Время это пришлось как раз на инженера – строителя Вениамина Советова.

У Тимофея Александровича был предпенсионный возраст. Должно быть, с надеждой и сомнениями поглядывал он на своих соратников, определяя, кому передать свой председательский посох. Кажется, молодой строитель был ему ближе всех. Старому, расчетливому крестьянину по душе пришелся этот кипучий парень, злой на работу, хотя и опрометчивый порой. И все чаще стал бывать на стройках председатель, входил во вкус, и все больше их появлялось на колхозной земле. И учил потихоньку Веню неторопливости, расчету, хозяйской сметке. Редко к кому так привязывался Тимофей Александрович, усердно стараясь скрыть за угрюмостью свои симпатии.

Когда Веня в запале сорвался с лесов новой шахтной сушилки на бетонный пол, Иванов первый прилетел на своем «газике», не разбирая ни правил движения, ни дорог, прицепив на хвост разгневанного автоинспектора. А когда убедился, что цел его строитель, жив «распылитель» колхозной кассы, заулыбался: «Не задолит, заживет до свадьбы».

Женитьба еще крепче привязала Советова к земле. Как никак, а в жены взял дочку Кадыкова. Тут уж о родовой чести разговор можно вести.

Иванов тогда сам вызвался везти молодых в загс. Торжества были назначены на вечер, а с утра отправился председатель в Череповец, решил к выходу на пенсию обновить в избе мебель. Прорвало его скупость: целый грузовик сверкающей полировкой

мебели накупил. Но припозднился. Глянул на часы: время выходит. И всю дорогу погонял шофера, да так, что привез домой битые и колотые шкафы и серванты. Однако к росписи успел таки.

...Была первая весна председателя Вениамина Советова. Я приехал тогда в колхоз и отправился из Юрочкина, центральной усадьбы, пешком по бригадам. Весна была уже в полном разгаре и цветении, дорога покрылась пылью и бесконечно снующие машины поднимали над ней нетающую завесу.

Неожиданно из этой завесы вылетел «Москвич» и резко затормозил. Я не сразу узнал Советова. На нем лежал слой пыли, лицо почернело, осунулось, видимо, недосыпал. Но глаза лихо-радочно блестели.

— Черт знает что! — с ходу включился Советов. — Завозим удобрения, строим склады, земля ждет подкормки, а сеют без удобрения — «так скорее». А как рассчитывать на урожай? Получается, что «мое» — только за своим огородом.

И он принялся, энергично размахивая руками, рассказывать, какую перестройку они начали в хозяйстве. Что придется воевать крепко.

...Ночью по всей округе гудели тракторы. Старые колхозники выходили на улицу, слушали эту сладостную крестьянскому сердцу музыку: «Давно так не работали молодцы!»

Впервые за многие годы на весеннем севе была организована двухсменка. И еще многое в этом хозяйстве будет впервые. И будет убран весь лен, на который выйдут прежде всего Коммунисты и комсомольцы во главе с председателем, и будет в достатке на зиму кормов, и отпетый лодырь впервые пойдет на рекорд...

1985г.

Я писал эти строки в середине восьмидесятых, и кто тогда мог предположить, что через пятилетку потрясут страну такие события, которым трудно подобрать определение... Спустя годы я понял, что человеческая память слишком коротка. Потому я

и решил рассказать о прошлом, совсем недавнем. И с удивлением обнаружил, что описываемая деревенская жизнь воспринимается молодежью, как нечто фантастическое, или как изощренная коммунистическая пропаганда.

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

Позвонил Владимир Дмитриевич Бухонин. Радостный. Закончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Получил направление на должность заведующего отделом сельского хозяйства обкома партии.

– Скоро будем новоселье праздновать!

Володя Бухонин – наш человек. Из нашего колхоза «Шексна» родом. Он родился в сорок первом в деревне Нифонтово. Он – из роддома в кулечке, а отец – на фронт с заплечным мешком. Ушел и сгинул в пучине войны. Володю, можно сказать, колхоз помог на ноги поставить.

Был секретарем комсомольской организации здесь, потом агрономом, потом председателем колхоза «Заря», потом начальником управления сельского хозяйства, а дальше – учеба в Москве. И вот возвращение.

Однако новоселья в Вологде не получилось.

Через неделю Бухонин позвонил снова.

– Приезжай ко мне в Кич – Городок!

– Как так?

– Меня избрали здесь первым секретарем райкома. По рекомендации Дрыгина.

Неисповедимы пути господни. Вернее Дрыгина. Бухонин – в Кич-Городок из Шексны, а Вениамин Логинов из Кич-Городка – в Шексну. Поднимает колхоз имени Кирова, ставший под его началом одним из лучших хозяйств не только района, но и области.

Кичменгский Городок – самая что ни на есть глубинка, каких немало по всему Нечерноземью. Словно ласточкино гнездо, прилепился район к восточному карнизу обширного вологодского дома, далекий от больших дорог и высокоразвитого в сельскохозяйственном и промышленном отношении центра.

Многие годы на восток области только весной в паводок по реке Юг возможно было завести технику, удобрения, продовольствие, товары повседневного спроса. Караваны судов Сухонского речного пароходства спешили, велика была вероятность остаться до следующей весны на югских отмелях.

Завозили все: от комбайнов до швейных иголок. Местные шутили: «нам бы еще сена да дров колотых...»

Но труден путь для технического прогресса в эти края. Бывший передовым в 30 — 40 годы, когда уровень производства определялся лишь прилежностью рабочих рук и наличием тяговой силы — лошадей, район давно растерял свои позиции по производству молока, мяса, льна, продолжает терять их и далее, но уже не только по причинам технической отсталости.

И вот накануне уборочной страды отправили сюда моего товарища, земляка Владимира Бухонина.

И я полетел вслед за ним в глухомань Кич — Городка.

В середине августа в деревнях по Югу и Кичменьге случился такой ливень, какого не видывали даже старожилы. Я прилетел туда как раз после этого катастрофического события и видел его последствия. Люди рассказывали, что ливень был такой силы, что вода проникала сквозь стены бревенчатых домов. Было снесено 25 мостов, по рекам, кружась в водоворотах, плыли остатки деревянных переправ, бани, стога, вывернутые с корнем деревья... Было объявлено чрезвычайное положение, область напряглась, и на месте снесенных мостов уже стучали топоры и гудела строительная техника.

Мне нужно было срочно попасть в одну деревню, чтобы разобраться с жалобой на самоуправство бывшего бригадира, поэтому ждать восстановления дорог и мостов было некогда, и я отправился на аэродром. В те времена, которые либералы ругают, практически с каждым районом была регулярная воздушная связь, а на востоке области, летали кукурузники, перевоза пассажиров уже внутри районов.

В аэропорту было столпотворение. Отпускники нагруженные рюкзаками, ведрами, бачками под соленья и варенья, не имея

возможности передвигаться по району автобусами, кинулись на аэродром в надежде добраться до родных деревень самолетом.

Было жарко, душно. От земли поднимались тяжелые испарения. Я купил за рубль билет и пристроился в хвост очереди, плавившейся от жары в ожидании прилета кукурузника. Вот он свалился с небес, побежал по раскисшему полю и, сделав разворот, остановился, дыша перегаром, перед деревянным пропусником. Контролеров не было, и очередь ломанулась к кукурузнику, набиваясь до предела в его жаркое, душное нутро.

Наконец, все желающие улететь упихались в самолет, последний пассажир закрыл дверь, и перегруженный кукурузник, похожий на объевшегося кота, грузно покатил по полю. Он сделал одну пробежку, вторую и не смог оторваться от полосы.

— Человек пять – шесть на выход с вещами, — объявил летчик, обернувшись в салон.

Спрессованные в салоне пассажиры не шевельнулись.

— Мать вашу! – Заругался летчик. – Выходите! Через полчаса всех заберу.

И вот, едва не сбивая с крыш трубы, мы взлетаем.

— Вася! Глянь — ка, нет ли коров на посадочной полосе? — Через десять минут спрашивает первый пилот.

— Слушай, — отвечает второй. Тут не только коров, тут и полосы нет. Одна пашня...

— Туда ли хоть мы прилетели?

— Туда. Вон голубенький аэропорт, вон и чулок на шесте. Вон и мужик в картузе бегаёт.

— Запроси по радиии, что случилось?

Сквозь треск и помехи, наконец, удалось связаться с диспетчером.

— Куда у вас посадочно-взлетная полоса исчезла, дождем что ли смыло? — волновались в эфире летчики.

— Нет полосы, — отвечали с земли. — Ночью ее Симон перепахал, председатель наш. Выпили мы. Я ему про колхозных коров, которые на полосе пасутся, а он — нету тут вашей земли.

Это наши угодья. И перепахал...

Кукурузник наш развернулся и обреченно потянул назад.

...Ближе к вечеру райкомовские задворки битком забиты разномастным транспортом, облепленным по самые крыши грязью. На оперативное совещание в срочном порядке вызваны руководители хозяйств, секретари парткомов, представители шефских организаций.

Сельский «руксостав» в предчувствии крупного разгона нарочито бодр и тешит себя анекдотами на злобу дня.

— Народ распустился, нужно срочно закручивать гайки, — тихо переговариваясь меж собой, расходились руководители сельских производств.

— Вот нам завернули, а что толку? Завтра мы завернем их специалистам руководителям среднего звена, а вот удастся ли «довернуть гайки» механизаторам. — это уже вопрос. В очередь за его трактором никто не стоит, и зарплату он получает, независую особенно от конечного результата.

— Вот видишь, — говорил мне Бухонин вечером, — Система ниппель сработала, «как положено»: сверху вниз сигнал ушел, обратной связи не получилось. И фраза: «Что я с ним драться должен?» — совсем не случайно сорвалась с уст председателя колхоза.

...Листаю ломкие, изжелтевшие страницы кич-городецкой районной газеты «Коллективист» за 1935 год. И встают перед глазами драматические свидетельства прошлых сельскохозяйственных битв. Такое знакомое, близкое слышится в заметках и призывах газеты, что если бы не эта грубая бумага, не старомодный крупный шрифт, тематику ее можно было бы принять за день сегодняшней.

Вот первый номер года. Заголовочные глаголы в повелительном наклонении, кричащие лозунги, рубленый текст: «Районный съезд Советов считает, что мы с вами недостаточно мобилизовали колхозников на борьбу за высокосортный лен, за четкое выполнение обязательств, что является первой причиной отставания нашего района в выполнении планов льнозаготовок.

Вторая и основная причина состоит в том, что не сумели организовать сдачу и обработку льна, забыли указания нашего любимого вождя товарища Сталина...»

И далее: «...немедленно ликвидировать отставание, в ближайшие дни обработать и сдать лен на склады пролетарского государства. Работать день и ночь, использовать все механизмы, развернуть социалистическое соревнование, повысить производительность труда».

Но разница между сегодняшним и вчерашним днем все же есть, причем существенная разница. Вот она, в маленькой приписке, скромно притулившейся в конце кричащих лозунгов:

«Распределять продтовары (хлеб, муку, сахар, рыбу, масло и т. д.) только по льнотрудо дням, невыполнивших нормы отдавать под суд, и наверняка победа будет одержана».

Последняя из этих мер и сегодня вызывает чувство легкого испуга. Но жизнь доказала, что угрозы не метод хозяйствования, административный кнут лишь отторгает человека от земли, а вот принцип распределения по труду мог и должен был стать основой колхозной демократии и главной движущей силой.

Увы, результаты хозяйствования за пятьдесят прошедших лет не дают основания утверждать это. Достаточно, наверное, будет сказать, что продуктивность дойного стада здесь выросла всего на каких-то пятьсот — семьсот килограммов. И это при тех средствах, что вкладывались в сельское хозяйство, при современной энерговооруженности. За пятьдесят лет! Какова же тогда цена этой прибавки?

И еще один факт: средний удой от коровы, находящейся в личном пользовании колхозника, составляет пять — шесть тысяч литров в год против тысячи девятисот общественной буренки.

Не здесь ли средоточие проблем кич-городецкого села. Не в резко ли обострившихся противоречиях между общественной и личной собственностью?

Характерен в этом отношении пример колхоза «Искра». Много лет хозяйство было почти без управления. Одни «телефонные

сидельцы» сменяли других, и расцветал во всех делах упадок, бестолковщина захлестнула, бездорожье душило. Дошло до того, что и семян уже не оправдывали.

А по мере того, как приходило в запустение хозяйство, общественное, все более утрачивался к нему интерес, взоры устремлялись на хозяйство личное, в котором собственная голова да собственные руки были основой успеха. Корова, а то и две, кое у кого и три. Бычки, телушки, свиньи овцы, куры... Только успевай поворачиваться. Вскоре доходы колхозников от подворья перекрыли доходы от общественного производства, и общественное превратилось в ширму, за которой было привольно личным интересам.

Последний председатель уже со слезами упрашивал районное руководство отпустить его. Так или иначе пришлось его освободить. Но где взять нового руководителя? Ищи хоть днем с огнем – не сыщешь. И тогда становились на кандидатуре колхозного зоотехника Валентины Никаноровны Чешковой. Предприимчива, деловита, энергична. Но были и сомнения: слишком уж горяча, прямолинейна, прямо-таки Чапаев в юбке.

Чешкова «запрягала» круто. Как-то во время заготовки кормов загуляли механизаторы. Устроились на старинной барской усадьбе, на берегу тенистого пруда. Место было тихое, спокойное. Глушили неспешно «бормотушку», сигали в пруд, раздевшись догола. Никто ведь не видит.

Новая «метла» отыскала их ухоронку. Пробралась к берегу кустами, и когда очередной раз сиганули мужики в пруд, собрала всю одежду и унесла в правление.

Из отстающих, убыточных начал выбираться колхоз сначала в середняки, а потом и в передовые.

Но вслед за успехами пришла развязка. На отчетно-выборном собрании с перевесом в три голоса колхозники прокатали своего председателя.

Парадокс: колхозники из года в год равнодушно голосовали за председателей, безволие которых и неспособность к руководству толкали колхоз под гору, вели к развалу, и вдруг те же кол-

хозники активно восстали против объявившегося наконец делового человека.

Разгадка, думаю, в том, что в деятельности Пешковой они увидели все те же административно-командные методы руководства, не оставляющие возможности для самостоятельного управления общественным производством. И более того – не смогли простить посягновения на хозяйство личное, где всяк сам себе голова, хозяйство, которое, обеспечивая не только продуктами, но и деньгами, давало твердую уверенность в завтрашнем дне.

...Деревню Сивцево, куда пытался я добраться по воздуху с полным основанием можно отнести к неперспективным., и если уж не по планам, то по существу.

До Сивцева семь километров. Дали мне огромный трехосный ЗИЛ – 157, в кузове которого запросто можно было бы разместить хор с оркестром. Надежный транспорт. Часа два тряслись мы по невероятно разбитым колеям и все же благополучно добрались до неперспективного Сивцева.

Но что удивительно: никакой разрухи не было и в помине. Наоборот, повсюду в этой маленькой, в полтора десятка дворов, деревне царил хозяйский пригляд за всем, что было в самой деревушке и что ее окружало. По крутым зеленым холмам, обнесенным новыми изгородями, паслись многочисленные стада овец, лоснились упитанными боками коровы и телята, буйствовала на приусадебных участках огородная «братия», и даже кое-какие плодовые деревья прижились, выстояв перед северными морозами.

Ехал я к Анатолию Андреевичу Лобову, бывшему бригадиру Сивцевской бригады, ныне пенсионеру, главному «герою» «писателя» Григория Ивановича Вершинина. Была у меня в кармане выписка из акта сельсоветской комиссии об отторжении у гражданина Лобова по заявлению гражданина Вершинина двух гектаров незаконно захваченной земли. Как раз этот незаконный захват колхозной земли и волновал меня больше всего. С подобными фактами встречаться еще не приходилось...

В сенях просторного с многочисленными пристройками дома

сидел невысокий, крепенький мужичок с выпущенным подолом рубахи, в ладных лапоточках, крашенных разноцветными эмальями, и мастерил грабли. За спиной его выстроился целый ряд кос и грабель, только что вышедших из производства.

Мужичок, завидя нас – мы были с парторгом Василием Некипеловым, – заулыбался, встал, отряхивая с подола пенную стружку:

– Спокою не дают, – кивнул он на свежее белеющий ряд сенокосного инструмента. – Со всех деревень идут. Что ты будешь делать? Надо ведь сенокосить. По нынешней погоде на технику надёжа плохая. – Он внимательно пригляделся к моему городскому виду и первым вышел на разговор, начинать который мне было все-таки неловко. – Наверно, опять какое заявление? Проходите в избу-то. К чаю.

– Непокойно стало у нас в деревне, – рассказывал он огорченно. – Раньше было душа в душу жили, а сейчас каждый друг на друга искоса смотрит. Надо бы склоку прекратить, а как? Вот, может, теперь успокоится, коль следователь предупреждение вынес. А так, где и бумаги столько берет?

А чего тогда получилось? Покусала наша собака евонного внука. Подразнил, видать. Думал, полюбовно дело решить. И бутылку-то, грешным делом, распили, и денег ему четвертной дал, и собаку порешил.

Нет, закрутил дальше да больше. И оштрафовали меня. Ладно. Так ведь уже о взятке дело пошло: пошто четвертной дал? Подкуп! А тут еще эта земля...

Судьба у Анатолия Андреевича непростая. Вернулся с войны, остался в родной деревне, женился, дети, как водится, пошли, а кичмежане на детей щедрые... И вдруг беда, нежданная – негаданная – погибла жена. Во время жатвы забрало в барабан молотилки. Остался один с детьми на руках. Уж как крутиться пришлось, одному богу ведомо. Велики ли доходы в те времена в колхозе-то были?

Потом во второй раз женился. Передовую трактористку взял. Вдвоем вроде полегче было семерых детей поднимать.

Валентина Алексеевна при разговоре рядом была, села на табуретку, всплакнула:

– Вот ведь и не родные, а приедут: «Мама, мама...» Ой, лихо! Двадцать три года на колеснике. Бывало, под трактором больше лежишь, чем на тракторе пашешь. Да ведь на дровах работали. Чурок подкинешь, и опять за рычаги. Да и не заработаешь ничего. Вот детки-то насмотрелись на нас да и поразъехались, кто куда. А ну – ка, все-то бы дома? Одних внуков четырнадцать. Да тут настоящий город бы был.

А батько робил? Из передовиков не выходил. Одних грамот полный ящик. А когда бригадирил, так дома пальцем ткнуть недосуг. Земли лишили. Не заработали будто. Все одно пропадет земля-то...

– Ой, да ну ее к бесу, – махнула она вдруг беспечно рукой. – Пусть хоть остатнюю заберут. На пенсию проживем. Не много и надо.

– Ты погоди, мать, погоди, – остановил ее хозяин, – не сбивай с линии. Тут не так вопрос надо ставить, а по-государственному.

...Выйдя на пенсию, Анатолий Андреевич присмотрел по берегу бывшую луговину, затянутую за многие годы: колхозных нехваток лесом. Решил сделать чищень, чтобы не таскаться за тридевять земель на старые вырубки сенокосить, не махать косой в чертоломинах и неудобьях.

Долго ли коротко, осилил лес, раскорчевал луговину. Покос получился любо-дорого посмотреть. На корову и на овец хватит сена.

– Думал, что же земле-то пропадать! Все при деле будет. Да и у самого не столько уж сил. Лет через пять волей – неволей придется сгонять со двора корову. Пусть, думаю, колхоз, если нужно будет, пользует сенокос. Да вот никто не надоумил, как это дело по толку оформить, на законных основаниях...

Вот тут-то и подкараулил Лобова его сосед. Написал куда следует. Чищень у Лобова, как я уже говорил, отторгли, ничем не компенсировав его великих трудов. И кто скажет, что за судь-

ба ждет эту отвоеванную у леса землю? Ведь уже более трети прежних колхозных угодий позарастало дурниной. Должно быть, зарастет и эта, вторично возвращенная к полезной жизни.

— Да бог с ними, с трудами, — вздыхает Лобов. — Жить ведь стает невольно, когда видишь, как лес нас захлестывает. Мы тут, как на фронте, оборону держим. Да ведь и не без пользы для государства живем, хоть и пенсионеры. У нас на шестнадцать дворов нынче около двухсот овец будет. Мы ведь всю баранину не приедем.

Это тебе и мясо, и овчины. Да шесть коров по дворам. Каждая по шесть тысяч литров надоит. Опять тридцать шесть тонн молока. Вот только куда его сдавать? Никто не приедет, не заберет. А надо бы. Если подсчитать, то колхоз от каждого нашего литра мог бы копеек сорок чистой прибыли иметь, как за сдачу сверхпланового молока. Так что и делить, вроде бы, нечего: свое или колхозное. А не получается... Каждый у своего огонька греется. А если бы по — государственному ставить дело, то я за то, чтобы колхоз наши интересы отстаивал, а мы были за колхоз горой.

...Дождь, начавшийся с утра, закончился наконец, тучи подразогнало, заиграл, загорелся промытыми красками удивительной красоты мир: цепи лесистых холмов с подступающими к ним разнотравными чищениями, долины, обильные родниками и речушками... «Семь верст до небес, и все лесом», — вспомнилось яшинское. Семь километров от большой дороги до деревеньки Сивцево. Всего семь...

В молодом беломошном бору, в огромной, расплеснувшейся за день и ночь луже самозабвенно плескался выбредший из-под хвойного полога медведь. ЗИЛ наш раскатисто рывкнул газом, рывкнул и медведь, перевернулся через голову и исчез. Замотался в колею ЗИЛ и ухнул в отвоеванную лужу.

В широком, как эстрада, кузове его пусто гроыхала, перекачиваясь, мазутная бочка...

Вместе с секретарем парткома колхоза «Рассвет» Василием Федоровичем Некипеловым составили мы задачу со следующими условиями: на 1500 коров и телят колхозного поголовья еже-

годно планируется заготавливать 1500 тонн сена. Ровно такое же количество его заготавливается на 300 коров, находящихся в личном пользовании колхозников.

В первом случае сено заготавливается с использованием высокопроизводительной техники с привлечением практически всех колхозников, пенсионеров, шефов, школьников. Сенозаготовка идет под неусыпным контролем колхозного руководства, районного руководящего и контролирующего звена, и даже в области десятки всевозможных организаций глубоко озабочены тем, как пойдет эта кампания в «Рассвете». О ней пишут в газетах, говорят по радио. Однако пресловутые погодные условия из года в год становятся препятствием и по-своему корректируют колхозные планы.

До личного же сенокоса нет никому дела, кроме самого владельца коровы. Нет у него ни высокопроизводительной техники, ни химических удобрений для подкормки трав, покосы его, как правило, у черта на куличках, он не обременен заботами партнеров, в газетах о нем не пишут и с призывным словом к нему не идут. Наоборот, стараются побольше всяческих рогаток наставить. Но при всем при том, сенокос владелец личной коровы заканчивает раза в два-три быстрее, чем в целом колхоз.

Спрашивается, за счет чего добывается он такой производительности?

...Однажды довелось беседовать со старой крестьянкой, родившейся еще в 19 веке, которая, как мне кажется, удивительно четко определила отличие сегодняшнего времени, беспечного и сытого, от времен «прежних».

— Раньше-то, — говорила бабушка Маша, — никто к тебе не придет и не укажет, что делать и как жить. А хочешь хорошей жизни, так к ней и тянись. Нынче на каждого работника — три начальника, да каждый со своей бумажкой, со своим норомом. Вот и нет заботушки...

В этом, я думаю, и состоит разгадка той экономической задачи, которую мы составили с секретарем парткома. В основе ее принцип: «как потопал, так и полопал». В колхозе гарантирован-

ные рубли в любом случае получишь. В своем хозяйстве, чтобы на столе молоко и мясо было (на рубли их не купишь), надо попотеть, проявить собственную инициативу.

Кстати, о рубле. В целом по Кич-Городецкому району средний сберегательный вклад на душу населения составляет более тысячи рублей. На селе он еще выше. По области же – 700 рублей. Значит, в кичменгских колхозах и доходы выше? Но откуда, если район экономически слаб, год от года теряет свои позиции в производстве основного продукта – молока? Эта разница складывается из доходов развитого личного хозяйства и сниженного уровня потребления.

Куда девать деньги – для кичмежанина вопрос серьезный. Машины при таких дорогах не нужны, мотоциклов понакупили, цветное телевидение еще не дошло, а одного костюма на полжизни хватит... Так что интерес к рублю заметно падает. Есть над чем поломать голову экономистам, поскольку падение престижа денег может иметь серьезные последствия.

Личное подсобное хозяйство составляет сегодня основной интерес сельского жителя Кич-Городецкого района. Отсюда его рвение: в пять часов утра уже звенят по чищениям косы, ловит владелец личной коровы каждый погожий час, мобилизует городских дочек и сыновей, внуков. Они тоже завязаны на этом принципе: «как потопал». Заленись, и останешься на зиму без деревенского топленого масла, без баранины и говядины, не будет теплых носков и свитеров. Пока живы родители, связь горожанина с деревней крепка. А что дальше? Где добывать хлеб, и кто станет его добывать, если обезлюдеют совсем огромные территории сегодняшней глубинки? Возвращаться и начинать все сначала?

Теперь об интересах государственных.

Разбираясь с жалобами, завел я разговор о деревне с начальником районного отделения милиции Николаем Васильевичем Марагаевым, недавно переведенным сюда из центрального Грязовецкого района. Рассказал он историю о том, как в первый раз отправили его в здешний колхоз ответственным за уборку зерно-

вых.

— Зерно осыпается, а комбайнов в поле нет. Комбайнеры сено заготовляют для своих коров. Вечером иду по домам: «Чтобы завтра все в поле были».

— Не шуми, — отвечают, — начальник. Зерно-то колхозное, а сено свое. Нам семьи кормить надо. А потом мы ведь не своевольничаем, а есть специальное решение правления о предоставлении двух недель для личного сенокоса.

И вправду, назавтра приносят документ. Я не выдержал:

— Отменяю решение, как противоречащее советским законам! — грохочу.

Выехали, так жали почти до снегов. Все зерно растеряли.

Николай Васильевич высказывает свои мысли горячо, сверлит собеседника укоризненным взглядом так, что становится стыдно, словно ты и есть главный виновник колхозного развала, и хочется явиться с повинной.

— Первая и основная причина, — утверждает Марагаев, — в неумении соединить интересы личного и общественного хозяйства.

Все понимают эту зависимость. В том числе и руководство района, но вопрос этот, как считает его председатель Алексеевский, не изучен.

Но не его ли и нужно в первую очередь изучать и решать? Вот всего несколько цифр. В общерайонных объемах продажи молока государству доля молока с личных подворий составляет двенадцать процентов. Полугодовой план был выполнен всего на 77 процентов, в результате чего район недобрал около 200 тонн молока. Этот недобор легко было восполнить за счет организации сбора молока у колхозников, в чьем владении находится около четырех тысяч коров. Расчеты показывают, что товарность молока личной коровы составляет в год чуть более тысячи килограммов. А ведь, как помним, дает она до шести тысяч в год.

Почти такое же положение и с мясом, выращенным в личных хозяйствах: его количество составляет также более десяти про-

центов от общего объема говядины, производимой районом. Это не считая мелкого скота и свиней. Жаль, что мясо это до сих пор не идет в зачет колхозам. Если бы шло, может быть, отношения между хозяйствами общественным и личным были бы иными.

Известный экономист и писатель Геннадий Лисичкин привел как-то такой факт. При существующем положении государству сегодня невыгодно наращивать производство мяса, поскольку один килограмм говядины обходится казне в семь рублей, тогда как цена этого мяса в магазинах не превышает двух рублей.

Мясо же, произведенное в личном хозяйстве, практически не требует государственных затрат, а закупается у населения по цене в пределах двух рублей за килограмм. Если учесть еще кооперативные надбавки, то получается государству от личного хозяйства прямая выгода. И немалая.

...Кичмежане — народ корневой. Вот и в «Рассвете» пришло-го народа раз — два и обчелся. На весь огромный колхоз десяток фамилий: Некипеловы, Черняевы, Рябева... Родственники?

— Да если разобраться в корнях, так, наверное, кругом родня, — довольно отвечает Василий Федорович Некипелов. — У нас ведь как раньше было: семеро детей — самая рядовая семья. Да и сейчас вроде бы грех жаловаться, три ребенка — минимум. У меня у самого четверо.

Вечером я видел всю немалую семью Некипелова в сборе. Давно не сидел за таким обширным семейным столом. Два сына, две дочки — двойняшки. В школу осенью собираются.

— Вот к труду начал приучать, — похвастал парторг. — Спрашиваю: «Корова нужна?»

— Нужна, — отвечают.

— Пасти будете?

— Будем.

Полшестого каждое утро на ногах, и косить уже помогают.

— А как в других семьях? — спросил я Некипелова.

— Ничего не скажешь, народ трудолюбивый.

— На своем?

— На своем, — отвечал парторг. — Ну, и на общественном,

конечно. У нас народ еще не так набалован, как в других хозяйствах.

...В семь утра районное селекторное совещание. В колхозную диспетчерскую по эфиру доносятся грозные раскаты из района. Мужики понуро выслушивают наставления, рекомендации, простуженно покашливают. Многие уже с утра успели намахаться косами.

– Ни одно хозяйство не укладывается в график! Немедленно приложить все усилия! – требует рация. За окном снова мелкий и нудный дождь.

– Мы и сами знаем, что косить надо. А вон возьми ты его за рупь двадцать, – сокрушался позднее председатель колхоза Симон Степанович Некипелов. – Поливает и поливает.

– Но ведь для себя-то накосят. Вручную, – снова встрял я со своей темой.

– Накосят, – уверенно отвечал председатель. – Ночи спать не будут.

– Вот бы так на колхозном! Да с вашей техникой! Горы бы можно было свернуть?

Симон Степанович грустно вздохнул.

– Так ведь, наверное, можно сделать, чтобы и на колхозном, как на своем. Можно, например, механизаторам выделять оговоренную часть сена в зависимости от объема колхозных заготовок, от личного вклада каждого.

Можно и дальше пойти. Взять, например, деревню Сивцево. Там у вас на откорме сто голов телят. Подберите хорошую семью, дайте им гектаров пятьдесят земли, тракторок, технику прицепную и заключайте договор. Определяете фонд заработной платы при таком-то и таком выходе продукции. При выполнении договорных обязательств какую-то часть сверхплановой, скажем, двадцать пять – пятьдесят процентов, семья может взять себе. Пусть они ее как хотят, так и используют: съедят, на базар свезут или государству сдадут. Тогда сразу исчезнет деление: это – мое, а это – колхозное. Противоречия-то между общественным производством и личным сами собой разрешатся.

– А что? – загорелся Симон Степанович. – А ведь хорошо может получиться. – Он тут же принялся подсчитывать что-то в уме. – Есть у нас такие семьи, и немало. Да люди бы у меня такой договор с руками и ногами бы оторвали.

Он воодушевлялся все более, прикидывая перспективы семейного подряда, отыскивая все новые и новые достоинства его.

– Если б так, то и молодежь бы не уезжала. Раз у семьи свое дело, так разве родители отпустят. Сами за себя думать будут, что и как сеять, как вспахать, в ножки специалистам будут кланяться: «Научите, как дело вести!»

Однако воодушевление Симона Степановича быстро прошло.

– Не позволят в районе, – сказал он убито.

– Это почему?

– Частную собственность, скажут, культивируешь. Ребята из отдела борьбы с социалистической собственностью затаскают. Теперь с этим строго. Вон пленум по нетрудовым доходам в районе прошел. Строжили да строжили. А какие у нас нетрудовые доходы? Ты подумай. Не дадут, – ответил решительно.

Тут уж я не выдержал, загорячился:

– Да как же так, Симон Степанович! Ведь в решениях партии черным по белому записано о развитии семейных подрядов. Это вопрос не только экономический, но и социальный. И в колхозе непременно должны быть рекомендации по его организации.

– Разве? – удивился Некипелов. – Нет, такой бумаги к нам не приходило. Всяких других много, а этой нет.

...Вечером я разыскал проекты типовых договоров по семейному подряду у экономистов РАПО, просил их выслать в «Рассвет» Некипелову. Тут же позвонил ему:

– Проявляйте инициативу, Симон Степанович! РАПО не против договоров.

Некипелов осторожно обещал, я уверенно обещал приехать и написать о будущем семейном подряде.

Возвращался в Вологду с областной комиссией по проверке заготовки кормов в районе, которая должна была повлиять на ее

темпы, но так и уехала ни с чем.

Небо было чистым. Под крылом тянулись отроги Северных увалов. Минуты две полета, и все реже попадаются деревеньки на взгорках, вот уже не видать ни одной крыши, ни трубы, лишь открываются в тайге маленькие полянки – чищени со свежеставленными стогами.

1986г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗЕМЛИ

За дворами деревни на старом покосе, заросшем багулой и дягилем, ивняком да ольшаником, в середине лета — поселился медведь. Пришел он, видимо, с Долгого Бора, где житье лесному зверю спокойное, но не больно сытое в этот год было. Ни Бор, ни Васькинское болото, ни сам Большой Лакомец ягод не уродили.

Поначалу медведь с опаской осваивал новые места. Границ не метил, таился. Пугал его близкий грохот машин на дороге, лай собак, людской говор и пыльное облако над лесом, полное резких тревожных запахов.

Но приволье было здесь замечательное. У деревень золотился овес, на вырубках буйствовала молодая малина, шатрами стояли муравейники. Редкий отпускник, забредший на вырубку, спешил повернуть обратно, едва заметив медвежьи следы. И даже собаки, первое время трусливо облаивавшие лес, смирились с его присутствием.

Осмелел мишка, разленился. Истоптал малинники, разворошил муравейники, разграбил осиные гнезда. Набив за ночь сладким овсом брюхо, уже не прятался по чащобам, а, едва перевалив кусты, падал в густые заросли травы, спал.

В старые времена здесь, по берегу ручья, был общий деревенский капустник («Экие коченья накатывали!»), потом — стан косарей («До тридцати стогов ставили»), И, кажется, совсем недавно отступились люди от этих мест, но как быстро одичали заливные луговины, захлебнулись буйством некоей и дурнины.

Вот на этот капустник и положил свою мохнатую лапу Михайло Потапыч. Возомнил себя наибольшим хозяином: не пахал, не сеял, а урожай снимал.

Как-то среди бела дня оседлал на краю поля рябину, а мужики, что готовили травяную муку из клевера, вышли покурить из-под навеса, увидели «гостей, заругались: «Экий прохвост, того

и гляди, в колхозное правление затешется!»

Медведь с рябины скатился, рыкнул, но не убежал. Встал в позу, ногой затопал, на драку вызывал. Плюнули мужики, ушли к своему агрегату. А что поделаешь? Ни ружей, ни лицензии...

Я заезжал тогда в деревню и о медвежьих проделках наслушался вдоволь. Сам ходил на капустник, однако аудиенции Михайлы Потапыча не удостоился, о чем признаться, не сожалею. Но медвежьи заметы и лежбища видел на каждом шагу и, кажется, чувствовал затылком его взгляд. Нехороший был взгляд, тяжелый и презрительный.

...Август выдался прямо-таки замечательный. Солнце поднималось из Заосека в пламенно — багровой дымке, дни рождались сухие и безросные. Природа словно возвращала нерастратченное за дождливый июнь тепло. «Погода на лодыря работает, — говорили по деревням старики. Но, увы...

На дверях конторы шекснинского колхоза имени Калинина увидел я листок бумаги с типографским заголовком «Тревога».

«На 17 августа, — гласил он, — из 300 гектаров озимых в колхозе засеяно всего шесть, хотя лучшие сроки сева ушли.»

Причин такой нерасторопности указано здесь не было. Может быть, загуляли механизаторы? Или руководство не сумело четко организовать работы? Или же Сельхозтехника подвела? Ни то и ни другое. Подобное положение при самых благоприятных условиях складывалось в большинстве хозяйств Шекснинского района.

Дело было в том, что сев озимых вели по только что освобожденным от урожая полям, когда еще не отлежавшаяся, не успевшая набрать новых сил земля должна была снова принимать семена и давать жизнь новому урожаю. Работы по посеву и уборке накладывались одна на другую, причем уборка затягивалась, как обычно, затягивая и сев. Паров же в хозяйствах не было, и совсем не по той причине, что сегодня кто-то не понимает их пользы и значения, а не было их из-за нехватки земли: пашни, лугов, сенокосов...

Выгоревший листок «тревоги» был прямым свидетельством

забытых, заброшенных угодий, заросших дурниной и мелколе-
сьем.

На следующий день с председателем совета Шекснинского районного промышленного объединения Валентином Федоровичем Муравьевым мы колесили по колхозным проселкам.

Дорога через речку Углу взбирается на высокий угор и дальше, словно стрела, пронзает поля, лес и снова поля. Отличная гравийная дорога. Десять минут – десять километров. И вот уже показались густые придорожные аллеи на въезде в деревню, посаженные лет тридцать тому назад учениками и учителями бывшей Потеряевской школы.

Вместе с новой дорогой пришла в Потеряево мелиорация. Мощная техника снесла перелески, разделявшие поля, и теперь сразу с дороги, взбирающейся перед выездом из леса на высокий косогор, открываются неоглядные просторы. Маленькой божьей коровкой кажется ползущий за деревней желтый ДТ, речка из широкой в устье своем превращается в тонкую нить.

Муравьев хозяйским взглядом окидывает панораму и не скрывает радости как человек дела, когда дело это после многих трудностей и трений начинает продвигаться, радуется и своим видом приглашает радоваться вместе с ним. Он то и дело отрывает от баранки сильные руки, энергично жестикулирует.

– Ты посмотри, какая ширь! Украина. А-а?

Трудно быть рядом с Муравьевым и не заразиться его энергией и энтузиазмом, которые буквально кипят и клопочут в нем. Мне очень симпатична его глубокая вера в необходимость перестройки села на индустриальный лад, в правоту действий, в светлый день завтрашней деревни.

...Муравьев – потомственный крестьянин. Телом крепок, русоволос, голубоглаз, брови за лето выгорают добела. Взгляд цепкий, хозяйский. По образованию – агроном – экономист. Был на комсомольской работе, партийной, советской. В Шекснинский район приехал директором строящейся птицефабрики в самое трудное для нее время. Строители затягивали сдачу объектов, не было жилья для работников, и новому директору при-

ходило днeвать и нoчевать на стройке. Сoбирал на фабрику специалистов – беззавeтно преданных делу людей. Силами работников птицефабрики организовал строительство жилья. Буквально за год в старой деревне Нифонтово появилось несколько новых улиц. Одна из них по единодушному решению новоселов была названа улицей Энтузиастов.

В первый же год своей работы, когда еще строители и выйти не успели из птичников, фабрика досрочно, к 7 ноября, выполнила годовой план по производству мяса. И вот теперь Муравьев возглавляет районное агропромышленное объединение.

Детство у него было военное. Мать, Вера Михайловна, поднимала без мужа дочь и сына. На трудодни тогда в бедном ярославском колхозе почти ничего не приходилось. Ставил бригадир в своих ведомостях одни палочки, вот и все. Чтобы иметь какой-то доход, подряжалась Вера Михайловна носить на пекарню воду. После вечерней дойки нужно было поднять в облeденелую гору девяносто ведер воды...

Валентин последним закончил десятилетку, но из деревни уезжать не собирался. Видела это мать, сердцем чувствовала, что готовит себе сын деревенскую жизнь, и протестовала душа. Что хорошего видела она в колхозе, и что может найти здесь ее сын? Однажды на сенокосе, уставшая смертельно, она сказала сыну:

– Валька, если ты не уедешь из деревни, вот на этой веревке тебя задавлю.

Но он остался верен земле. С крестьянским ее пониманием, с жадной преобразования.

Сколько лет знаю его, и все время удивляюсь неиссякаемой энергии. С раннего утра в поездках по району, сотни вопросов успеет разрешить, едва заскочит домой, смoет дорожную пыль, как бежит проводить то совещание, то планерку. А вечером уже в деревне, у матери, запрягается в веревочные вожжи, таскает по картофельнику тяжеленную борону или же на даче стучит топором. До самой ночи в хлопотах.

Приехал как-то к нему под вечер, зашел в кабинет. Нужно было интервью для газеты: как в районе намерены решать Про-

довольственную программу.

– Сейчас все объясню, – смеется. – Выходи, садись в машину.

Приехали в Нифонтово к матери его. Муравьев раздевается до пояса, и мне предлагает, выносит две лопаты. И часа два верных мы с ним до поту вперегонки копали гряды.

– Ну, как все-таки Продовольственная программа? – спрашиваю.

– А тебе что-то не ясно? Тогда давай дальше копать.

Характер у Муравьева прямой, бескомпромиссный, нетерпеливый.

В нынешние времена у некоторых руководителей появился этаким принцип: «Не высовывайся, так и не спросят». Но Муравьев не высовываться не может. Наверное, ни один район не выходит в область так часто с просьбами, предложениями. А потому и спрашивают с них много. Взять хотя бы районные агропромышленные объединения – РАПО. В области еще и думать о нем не думали, а шекснинцы высмотрели опыт в Прибалтике, как от межведомственности избавиться, которая веригами в ногах путается, и вышли в облисполком с предложением об организации в районе агропромышленного объединения. Правда, объединение было создано одновременно во всех районах, но шекснинцы уже на заметку попали. Не прошло и полгода существования РАПО, как их поставили с отчетом об опыте работы.

Когда-то в детстве катался он с горы на самодельных лыжах, разогнался, сманеврировать не успел и врезался в дерево. Огромную шишку набил.

– Ой, Валька, – заплакала мать. – Видать, век свой тебе шишки набивать.

Конечно, шишек он себе немало набил, да только кажется, от каждой крепче становится.

Земля – главная забота его и боль. И я видел, как мрачнел он, когда выезжали мы к брошенным, забытым заросшим угольям. В светлых березняках спотыкались ноги о нестертые вре-

менем борозды и межи — свидетельство трудов многих крестьянских поколений. Яшины дачи, Котихи, Рогачи, Васькины поля... Сегодняшний крестьянин привычно собирается сюда по дрова. Сколько этих полей поросло ивняком да ольшаником?

...Корма для скота — главная задача. Проблема, которая стянула в единый узел немало других. От экономических до нравственных.

В 1975 году в группу лесов здесь было переведено 19 тысяч гектаров естественных сенокосов, в настоящее время под угрозой зарастания еще тысяч шесть. И это из 80 тысяч гектаров естественных сенокосов, имеющих в районе. Вслед за опустением и старением деревень неизбежно шло и зарастание окружающих их угодий.

С другой стороны, в лучшие годы урожайность естественных сенокосов составляет не более 10 центнеров зеленой массы с гектара. Основная часть кормов берется с пашни, что, в конечном счете, ведет к удорожанию продукции, к таким вот безысходным «тревогам» по осени.

Но зарастают не только сенокосы. Зарастает и пашня на глазах людей, что, понятно, не способствует воспитанию ответственности селянина.

И вот, чтобы повернуть этот процесс обратно, потребовалась большая работа, организационная перестройка по отношению к земле, поиск возможностей для возвращения ее людям.

Одна из отличительных особенностей, положительных характеристик сегодняшнего руководства сельским хозяйством в районе — это поиск опыта, передовых методов ведения дела, внедрение их, пусть не каждый раз удачное, но ведь и на ошибках учатся. Тем более что в области шекснинцы идут здесь первыми.

...Из колхоза «Шексна» отправляемся мы в дальний угол района, колхоз «Путь Ленина». Во все времена славился сиземский край богатейшими заливными лугами, травами непрокосными. Раньше здесь по разливам реки Сизьмы брали основные корма для огромного по территории края. Но глубинка и есть глубинка.

Пока докатилась до нее техническая революция, молодежь успела разъехаться, с запусанием деревень запустели и земли. Для того, чтобы вернуть их обратно в оборот, требовались большие средства и техника, которыми район не располагал.

По дороге Муравьев намеревался встретиться с ответственными товарищами из области, чтобы совместно осмотреть заросшие покосы. По словам его, там должно быть около двух тысяч гектаров заросшей лесом земли.

Нужно сказать, что сейчас в колхозе «Путь Ленина» и в таком же дальнем колхозе имени Суворова, где также не одна тысяча гектаров вышедшей из пользования земли, развернулось широкомасштабное комплексное мелиоративное строительство. Завершение этих работ даст возможность специализировать эти хозяйства на кормопроизводстве.

Но пока все эти планы лишь вызревали в кабинетах различных рангов и уровней. И, прежде всего, напряженно искал решения проблемы наиболее полного использования возможностей земли Муравьев.

Дорога шла среди полей, на которых уже в полной зрелости золотились хлеба. И в эти золотые разливы то тут, то там вклинивались зеленые травянистые участки, где кошенные, где нет, а где и вовсе подернутые кустарником.

— Вон участок пропадает, вот еще, вот еще! — Муравьев горячился. — Сколько у нас земли! А что она дает? В лучшем случае — копну сена.

Местность, по которой мы ехали, — сплошь холмы да угоры. Беда для механизаторов. Весной на вершинах этих угоров почва просыхает рано, а чуть пониже едва ли не до — июня стоит сырость, где техникой не пройдешь. Вот и получается, что засеют механизаторы верхушки холмов, а низины, которых вместе набирается огромное количество, переходят в разряд сенокосных угодий и пастбищ. А поскольку они разбросаны, технику здесь не развернешь, с косой прийти некому, превращаются эти местечки в островки леса.

Как же использовать эту землю? Ждать мелиораторов? Долго.

Невыгодно. Остатки позарастают.

И видно было, что Муравьев вынашивает идею или уже выносил ее, но сообщить не торопится.

— Нужно менять отношение человека к земле, — рассуждал он.

— Правильно, нужно, — соглашался я.

— Нужно сделать так, чтобы оценка гектара угодий не была формальной.

— Ну, кто же будет ратовать за формализм?

— Нужно, чтобы гектар оценивался единым показателем, не зерном, не сеном, силосом и т. д., а выходом с него кормовых единиц, коль кормовая проблема для нас сегодня заглавная. Или даже продукцией животноводства...

Накануне он со специалистами подготовил письмо в облисполком следующего содержания:

«Внимательно изучив передовой опыт работы совхоза „Назаровский“ Красноярского края, просим разрешить в этом году заложить на зерносенаж 2—3 тысячи гектаров фуражных зерновых...» Эта технология для многих могла бы показаться святотатством. Не дожидаясь созревания зерна, скосить в зеленом еще состоянии хлеба и заложить их на хранение в траншеи. Оказывается, что полученные зеленые корма намного питательнее и эффективнее, чем само зерно, предназначенное для скормливания скоту.

«И далее новая просьба: в будущем году довести закладку зерносенажа до 30 — 40 процентов от фуражных зерновых площадей. Сократить поставку в район зерновых комбайнов и увеличить количество силосных...»

Расчеты показывали сумасшедшую выгоду, рост продуктивности скота, выраженную в дополнительных тысячах тонн молока, творога, сметаны, сливочного масла...

А раз так, то нужно действовать! Но здесь-то как раз и есть «ахиллесова пята» нашего сельского хозяйства. Несамостоятельность, зависимость от верхнего начальства.

Поэтому противники зерносенажной идеи отозвались сразу.

Сомневались даже после расчета выгод, которые сулило дело: «Не позволят. Да и долго ли этак-то и шишек себе набить!»

А дело и впрямь сулило разрешение многих проблем. И в первую очередь – введение в оборот пустующей земли.

Опыт передовых хозяйств, научные работы утверждают, что зерновые, заложенные в траншеи в период молочно-восковой спелости, сохраняют все свои питательные свойства и дают в 1,5 раза больше кормовых единиц, нежели размоленное зерно.

Вечером я был в колхозе «Советская Россия». В комнате, предваряющей кабинет председателя, у селектора собрались специалисты на ежедневную районную планерку. Председатель Сергей Егорович Алексеев прибежал на планерку последним. Только что вернулся с поля. И сразу же попал, под критический обстрел. Нужно сказать, что хозяйство это довольно крепкое, по многим позициям даже передовое, но сегодня и Алексееву пришлось выслушать серьезные упреки от районного руководства, и тоже за озимый сев. И те же оправдания, что и в колхозе имени Калинина, выдвигал председатель: «Уборка застопорилась, а площадей под озимые нет».

Муравьев, успевший к тому времени побывать «у черта на куличках» и вернуться в управление на планерку, взорвался у микрофона:

– Да как же, товарищи, нет площадей? Да вы оглянитесь вокруг. Земля рук просит. Вхолостую тысячи гектаров стоят.

Много было пустующей земли во всех хозяйствах, а сеять было негде. Выходило совсем по пословице: живем в лесу, а дрова с весу.

Маленькую победу одержал в тот день Муравьев. Решался вопрос и с приведением в порядок заросшими угодьями в сиземском краю, и было получено в области разрешение на закладку зерносенажа.

...Поздним вечером он звонил с квартиры в колхозы. Звонил тем председателям, на которых более всего рассчитывал, и у которых больше всего была нужда пустить зерновые на сенаж.

На проводе был председатель колхоза «Путь Ленина» Анатолий Сергеевич Дурягин.

— Есть разрешение! — в голосе Муравьева была радость. — Теперь дело за вами. Смотрите, все подготовьте на высшем уровне. На вас весь район смотрит. Нужно, чтобы получилось. Надо убеждать народ делом.

...Колхоз имени Кирова — передовое хозяйство в Шекснинском районе. Наверное, сегодня на треть в колхозе работников — выходцы из Кич-Городка, потянувшие сюда вслед за Логиновым. Здесь большое производственное и культурно — бытовое строительство, мелиорация, и все же проблем немало. Использование земли — одна из них.

Чуровское — центральная усадьба колхоза — всего в восьми километрах от райцентра. К колхозным деревням уже вплотную подступают городские новостройки. Такое соседство не на руку колхозным делам. Заводы и стройки перетягивают колхозную молодежь.

Уезжает молодежь — зарастают сенокосы, — рассуждает главный агроном колхоза Александр Иванович Ганин. — Вы взгляните на наши угодья со стороны Волго-Балта — не найдете ни одного кустика. Это поработали мелиораторы. Но если обернуться в другую сторону, то не найдешь ни одного порядочного сенокоса. Все позарастало. Думаем создавать свой мелиоративный отряд, нужны люди, а значит, еще больше надо строить жилья. Но и сейчас не сидим сложа руки.

Кстати, почти во всех хозяйствах района созданы свои мелиоративные звенья, которые занимаются облагораживанием зарастающих сенокосов и старопахотных земель, или же дается механизатору аккордный наряд: в свободное от работы время он должен привести в порядок определенный участок угодий. Таким образом, в колхозе «Шексна» каждый год возвращается в пользование более трехсот гектаров земли.

В колхозе «Путь Ленина», никогда не блиставшем новаторством, за два года было очищено от кустарников более двухсот гектаров бросовой земли.

Поначалу эти новшества встречали сопротивление. Как-то председатель колхоза «Шексна» Петр Федорович Коркин признался:

– Едешь, бывало, с Муравьевым по хозяйству, у тебя в голове забот невпроворот: там уборка встала, здесь людей не хватает, тут лен перележал – а он тебя весь день тычет. «Вон у тебя куст на поле, вон у тебя клин зарос». За день так надоест, думаешь, убил бы. Вечером пораскинешь головой: прав ведь Муравьев. Потом уже у самого привычка выработалась: едешь и все кусты сосчитаешь.

Но все же вернемся к колхозу имени Кирова, где не хотят сидеть сложа руки.

Выделили кормопроизводство в отдельную отрасль, – это многое значит, – утверждает главный агроном – Теперь она уже не в роли пасынка и может заявить о себе во весь голос, внести организационный порядок. Сегодня мы не можем резко увеличить отдачу гектара, поскольку урожайность у нас и так высокая, путь наш в другом.

И Ганин начинает увлеченно рассказывать о строительстве складов активного вентилирования сена, которые способствуют сохранению в нем питательных веществ, о ночной косьбе трав, которая дает весомую прибавку каротина, о закладке сена в траншеи, о переходе от силоса к сенажу, о реконструкции заводов витаминно-травяной муки, о мерах повышения урожайности корнеплодов. Все это позволяет обеспечить скот в достатке кормами высокого качества.

Возрождением земли, возвращением в оборот сельхозугодий в Шекснинском районе занимаются, можно сказать, повседневно. Нет такого совещания, заседания, где бы ни поднимался этот вопрос. Используются всевозможные методы.

Например, Шекснинский райисполком по предложению Муравьева принял решение об упорядочении заготовки дров. Казалось бы, какая связь между землей и дровами? Оказывается, прямая. Запрет рубки дров на лесных участках должен сохранить лес. А вот вырубка и очистка зарастающих сенокосов –

это и дрова, и сено. Колхозник, заготовивший дрова на будущем сенокосе, обеспечивается бесплатно трактором для вывозки их и получает к этому еще сто рублей за каждый очищенный гектар. Интересное решение.

Несколько лет назад в районе на базе списанного зернового комбайна был сконструирован агрегат, с помощью которого одновременно косили, подкармливали и боронили пастбища, проводили их подкормку. Агрегат тот в честь изобретателей был назван «Мурзиком» – Начальные буквы их фамилий – Муравьева, Зуева, главного инженера колхоза «Шексна», механизатора Корчагина – и образовали название.

Теперь на смену «Мурзику» пришла новая техника мощные косилки КРН, способные срезать «дурной» лес в диаметре до десяти сантиметров. Эти косилки сейчас в каждом хозяйстве. И в каждом хозяйстве, уже не дожидаясь, когда у мелиораторов дойдет до них черед, ведут культур технических работы, возвращают в строй земли. До двух тысяч гектаров, не считая солидных объемов мелиорации, возвращается ежегодно в строй ранее брошенных сенокосов и пашен. И это не только плюс экономике района, но и хороший нравственный урок.

Муравьев резко остановил машину и, прыгая по колдобинам, потащил меня к полю. Но что там могло быть интересного? Стояла осень, глухая пора межсезонья, грязи и слякоти. Как обычно, в эту пору жалко смотреть на поля, изрытые гусеницами и колесами. Осеннее поле напоминает мне огромный стол со следами только что отшумевшего пиршества.

Но это было другое поле. Чистое, ровное, словно скатерть у хорошей хозяйки. Края поля были аккуратно запаханы, и длинная гряда камней тянулась вдоль всей дороги.

Вот это поле выходил один человек. Сам, по доброй воле, в выходные дни убирал камень, корчевал корни, выдирав кустарник, запахивал межи. Без наряда. Без оплаты. Когда-нибудь мы будем ставить памятные доски у полей, – сказал Муравьев, – Знакомься! Поле Анатолия Смелова.

Так вот к кому он вез меня! К старому моему знакомцу, зем-

ляку, давно я его не видел и громкой славы о нем не слышал», хотя за успехами шекснинцев следил пристально.

Смелову лет сорок с небольшим. Крепок, улыбчив. Улыбается и поглядывает на тебя, словно выискивает что-то сообразное его делам и мыслям. Ко всему этому и застенчив.

Жили мы в одной бригаде, но в разных деревнях. А между деревнями всего километра полтора наберется. Лишь небольшим перелеском были – разделены Остров и Потеряево. С одной стороны выступала на сближение с Островом наша деревенская кузня, в которой день-деньской вызванивал молотом один на всю деревню, умелец Борис Кузнецов. Кузня – этакое соединительное звено.

В Потеряеве был центр бригады. В Острове тоже была контора, свой клуб, свой магазинчик и начальная школа. Но куда там! По нашим потеряевским меркам все не в пример беднее.

В сотнях деревень, больших и малых, побывал я в корреспондентских исканиях, но что удивительно, не видел ни одной, похожей на другую. У каждой деревни свой характер, определяющий во многом и характер ее жителей.

У островских характер независимый, настырный, жили они с постоянной оглядкой, как бы, не хуже других, как бы ни в чем не опростоволоситься. Наверно, это от соседства с большой деревней. Не скажу, что у всех островских жителей это ярко выраженная черта, но по крайней мере у большинства она до сих пор жива, хотя давно уже поразлетелись по сторонам ее люди, и большие города уравнивали всех в своих правах.

Анатолий Смелов отступился от своей деревни лет пятнадцать назад. Редели ее посадки, люди снимались с насиженных мест, закрылись ближние школы, а у него подрастали ребятишки. Не отправлять же их в интернат, не жить же им раздельно с родителями с малолетства.

Трудно было уезжать, бросать дом, оставлять землю, в которую вложено столько сил, где вырос, где родились дети, где оставалась мать, не захотевшая покинуть дом.

Об Острове болит у него душа и по сей день. Порой кажется,

что убежал бы в лютый мороз босиком до дому. Но что делать, не век же плакать по старому. Нужно было обустроить новую жизнь.

Я представляю, как нелегко, наверное, пришлось Анатолию и его свояку Ивану Столярову с их островской чертой на чужой стороне. Вместе тронулись они из Острова в Нифонтово, которое числилось в колхозных планах перспективной деревней. Дома поставили друг перед другом, чтобы окнами смотрелись, чтобы веселей было. Появилось в Нифонтове островское землячество в два дома.

Ревниво следили за работой примачков нифонтовские мужики. А в Нифонтове работников хороших немало. Один Вилхо Федорович Нюрги чего стоит – грудь у него уже наград не вмещает, за высокие урожаи картофеля с ВДНХ «Москвичам получил. А Громов, Филиппов, супруги Ганины? У каждого, если не орден, так медаль.

Да и вообще в этих краях редкий механизатор славой обойден. Ни в посевную, ни в уборочную они своего первенства никому не уступят. Так уж повелось, что в уборочную и скрещиваются копы, по уборочной судят – кто на что горазд.

Одно время в бессменных рекордсменах ходил наш Александр Иванович Лебедев, кавалер ордена Ленина. В жаркое лето 1972 года, когда леса кругом горели, и пал к полям подходил, того и гляди, сам заживо сгоришь в комбайне, Александр Иванович один убрал хлеб во всей бригаде, намолотив 630 тонн зерна и поставив областной рекорд.

Жданов примачком в деревне был, приехал откуда-то с Урала, покочевал по району и остановился в «Шексне». Говорил, что река его покорила, места красивые и рыбные. Жданов был большой мастер в рыбалке, больше его никто не лавливал ни щук, ни лещей. И все щуки, что поймает, у него на учете. Рекорды ставил. Слышишь, порой, гордится: «180 щук за зиму изловил»

В первую уборочную местные комбайнеры не спускали глаз со Жданова, хотели понять, что за противник, а ну как обойдет их! По всему было видно, что мужик он честолюбивый и крепкий,

дело знает.

Еще до начала массовой уборки выехали за мастерские — там поле ячменное было — опробовать машины. Урожай хороший — центнеров по тридцать пять. Начали потихоньку, полегоньку, а потом раззадорились. Жданов нажимает, мужики прибавляют, а потом уже настоящее состязание разгорелось. Кто кого.

Жара стояла страшная, самое пекло. Пыль. Лица у всех черные — что негры. Жданов своего шофера Василия Сиротина вовсе загонял, хотя до зернотока не больше километра было. Не заметили, как до обеда поле смахнули.

С той жатвы у Жданова никто первенства не мог отобрать. Только дело на одном честолюбии не может держаться. А у него честолюбие до болезненности было доведено. Как-то повздорил с женой, вскипел и... спалил дом, который ему колхоз поставил.

А потом в лидеры вышел Михаил Беляков. Миша парень молодой, но сноровистый, трудолюбивый, с малолетства труд познал. Ему было всего восемь лет, когда умерла мать. Он, старший среди детей, во всем был отцу опорой.

Постепенно, без рывков шел Беляков к рекорду. И обошел всех. Теперь Михаил человек в колхозе знаменитый, уважаемый. Вот и в ту уборку сразу определились два лидера: Беляков и Смелов. Жатва тронулась дружно, во всех бригадах загудели комбайны в полях, засновали машины к токам, поплыл над деревнями хлебный жар страды. Смелов тогда, хотя и не обмолвился никому, дал себе твердую установку: обойти Белякова, поднять островскую честь. Уже по триста тонн у каждого было намолочено, по четыреста...

И вдруг Смелов надолго оставил в поле свой комбайн. У него появились более неотложные дела: срочно запустить льноток. Председатель и главный агроном приехали к нему в поле. Лен тогда уродился на славу, были все возможности взять семена, получить большие доходы. Нужен был льноток. Ой как нужен! Без него оказалась бы наполовину пуста колхозная касса. Зимой, когда подводили итоги года, подсчитали, что лен дал два мил-

лиона дохода. Конечно, о льноточе должны были позаботиться заранее, но Смелов спорить не стал. Оставил комбайн без лишних слов и уговоров. Иначе не мог. Как бы людям в глаза смотрел после? А ведь были у него все возможности обогнать Белякова.

...Как-то зашел разговор на собрании механизаторов. Смелов высказал тогда руководству обиду: зачем создавать видимость самостоятельности звеньев, когда ими командуют во всех мелочах. Руководство заверило механизаторов, что больше мелочной опеки не допустит. Но пришла весна.

Нифонтовские низины стояли еще вовсе сырыми, когда на костенских угорах загудели тракторы. Разве не волновалось у Смелова сердце, когда слышал он этот торжествующий рокот? Но ждал, и трактористы видели, что пахать рано. А в бригаду уже шли нервные телефонные звонки: почему стоите, почему медлите? Потом прибежал бригадир Борис Курников, взъерошенный, с тем же. На что спокойный Смелов человек, но и его подняло: «Вроде бы умный парень, с высшим образованием, а...»

Бригадира он отправил, все решил по-своему. Отправил трактористов с поля, в бригаде дел хватит, а сам начал, как пообдуло, выборочную пахоту. С участка на участок, с одного на другой. Сновал, как челнок. Не досыпал, исхудал, но дело сделал. Ни сроки, ни влага не ушли. Посевы поднялись дружные, крепкие.

Тогда у него была самая высокая выработка на пахоте. Но из соревнования его исключили, поскольку не было звеньевой системы. Впрочем, это его не расстроило. Так было лучше для дела. Техника впустую не толкалась на поле, а при деле была, вспахано и посеяно было «меньшей кровью». А то, что не дали премии, так, может, оно и к лучшему. Злые языки не скажут теперь, что Смелов потому один пахал, что ему больше всех надо...

Теперь Смелов может жить и работать без оглядки на людскую молву. Каждый видит, что живет этот человек по совести, не завистник, не рвач, что душа у него прежде о деле болит. И верят ему люди. Стоит же у него под окном трактор, хотя

не по правилам это. Но каждый знает, что для дела так будет лучше. Трактор у него с бульдозерной навеской. Чуть свет заводит его Смелов — и на ферму. До работы успеет отгрести навоз. А что такое эта работа, кто не видел, не представит.

— Это же героический труд, — сказал мне главный зоотехник Штыкнов. — Кто сделает это, если не Смелов? По доброй воле, а не по приказу.

— Смелову не надо давать нарядов, — это уже председатель колхоза П. Ф. Коркин. — Попадет ему на поле камень, не опашет, а на обочину вывезет.

Не раз Смелов сам поднимал трактористов, организовывал субботники по уборке камня. А то и в праздник один едет в поле и чистит его. Болит у него душа о земле.

...В тот наш приезд с Муравьевым был выходной. Поднялись в широко распахнутые двери чисто убранных сеней. Толкнулись в дверь. Заслышав нас, хозяин вышел в прихожую, приглядываясь и узнавая гостей. Первым шел Муравьев, всегда несколько шумливый от своей необычайной энергии. И я стал свидетелем встречи начальника управления сельского хозяйства и рядового механизатора.

Они стояли посереде прихожей, прочно расставив ноги, оба улыбающиеся, радостные, сильные. И первое время я слышал лишь восторженные возгласы: «О-о, ух ты, силен мужик! Кремень!»

Они увесисто похлопывали и постукивали друг друга в плечи, грудь, пробуя на крепость. И только после этого начали здороваться.

И сразу же появился стол: щи, пироги, молоко. Смелов посмеивался и наседавал на меня: «Ешь давай, пей, отведай деревенского хлебушка». И тут же заговаривал о проблемах. О мелких деревнях, о кадрах, о преемственности. Потом заговорили о земле, о Муравьеве (он к тому времени ушел по делам). О том, что только его заботами и стараниями очищено и приведено в порядок за два года около семисот гектаров земли.

— Все бы такими были, как Муравьев, — сказал Смелов. Я

рассмеялся. Час назад точно такие же слова говорил мне о Смелове Муравьев. Получалось вроде бы про петуха и кукушку.

...Теплым днем уходящего бабьего лета бродил я перелесками в поисках грибной удачи. Места были мне малознакомыми, и зарастающая белоусом тропа увела меня к «черту на кулички». Но зато принесла она и грибное счастье. В распадке, густо поросшем осинником, наткнулся я на огромную плантацию груздей. Азарт захватил меня. Не помня ни о чем, ничего вокруг не видя, я ползал на коленях по траве, выскивая скрипучие, остро пахнущие белые груздевые колеса, под перевесло набивая корзину, а затем и рюкзак добычей.

Когда же, счастливый и усталый, я разогнул спину, то не сразу понял, что потерял тропу и направление.

Ориентируясь по едва приметному в облаках солнцу, пошел напрямик и через час ходу уже изрядно вымотался, продираясь через чапыжник. Почти без сил, взмокший, мучимый жаждой, выбрался я на маленькую некошеную поляну и сел передохнуть.

В лесу стояла звонкая тишина, лишь вдалеке были слышны звуки большой дороги, мычание коров, покрик пастуха. Протенькала вверху синица, я поднял голову и застыл в удивлении. Прямо надо мной на ветвях корявой лесной яблоньки, как наваждение, висели крупные, словно светящиеся изнутри, яблоки. Я протянул руку и ощутил – разгоряченной ладонью упругую прохладу диковинного плода. Без сомнения, это был садовый белый налив, которому лесная почва придала чуть кисловатый привкус. Одно яблоко я съел, два положил в карманы как лесной, удивительный гостинец домашним.

Загадка этой яблоньки долго не давала мне покоя. В каждый мой приезд в Колкач я расспрашивал местных жителей, не знают ли они чего об этой удивительной находке. Оказалось, что многие знают о существовании этой яблони, а потом нашелся человек, который и раскрыл секрет.

На дикую яблоньку привил черенки белого налива учитель, садовод-любитель Евгений Николаевич Соболев.

Его дом остался единственным из некогда большой деревни.

Ветры многих невзгод и перемен словно повыдули ее обитатель и разнесли по просторам необъятной страны травкою без корня, перекаати — полем.

Евгения Николаевича хорошо знают во всем сельсовете и далеко за его пределами. Фронтовик, учитель, теперь пенсионер, большой любитель садоводства.

Шла война... В составе 5-й гвардейской Халхин-Голской Сибирской дивизии бил врага артиллерист Соболев. Перепахивал снарядами землю, в которую зарывался враг на Курской дуге, форсировал Неман, брал Кенигсберг. Тогда-то, потрясенный ужасами войны, ее страшной разрушительной силой, он и дал себе зарок вырастить дома сад, украсить садами всю округу.

Домой вернулся в орденах и медалях, со множеством осколков в груди, единственный живой из четырех братьев. Нужно было строить новую жизнь.

Тридцать лет он учительствовал, вел большую общественную работу, отдавая редкие часы отдыха занятиям в саду. Он вырастил за эти годы большой, удивительный сад.

...Мы пили чай из сверкающего самовара. Евгений Николаевич, высокий, сухощавый, с внимательными, добрыми глазами, какие бывают, наверно, только у старых учителей, щедро и скромно угощал меня домашними разносолами и вареньями. Принес из кладовки мед, маринованные яблоки различных сортов, черноплодную рябину, залитые сиропом ягоды, сохранившие свежесть и запах лета. Увлеченно рассказывал о своих занятиях.

Около сорока сортов яблонь растет на его участке в пятнадцать соток. Он показывал мне тетрадь, где с бухгалтерской точностью расписаны все сорта и опыты с ними. «Черноморка», «Кубенозерская беля», «Желто-сахарная», «Маяк Севера», «Арктик», «Негритенок», «Белое урожайное» и т. д.

В его саду плодоносят сливы и груши, вишня, черноплодная рябина, ирга, ежевика, тянется лианой китайский лимонник, про который говорят, что он по своим целительным свойствам не уступает женьшеню.

Но Евгений Николаевич не успокаивается на этом. Задался целью доказать, что в наших северных условиях можно акклиматизировать и южных неженков. У него обширная деловая переписка: Алтай, Урал, Уссурийск, Новосибирск, Северный Кавказ, Краснодар, Центральная семенная лаборатория. Множество других адресов, откуда посылают ему семена, черенки, шлют советы и обращаются за советами.

Сад стал ему тесен. И мало-помалу отвоевывает Евгений Николаевич огород у жены, наступают саженцы на лук и картошку. Из-за тесноты пришлось идти другим путем. На рябине, лесной красавице, привил черенок яблони. В год прививки дала она шесть яблок. На этой же рябине он привил иргу, через нее снова яблоню. А дальше пошли: невежинская рябина, груша. Ирговая вставка придала груше зимостойкость до пятидесяти градусов.

Немало деревенские жители удивлялись этому чуду. На одном дереве — до девяти различных плодов!

А теперь вот придумал себе новую доuku. Вырастил из семян облепихи саженцы. Сотню их оставил зимовать под снегом. И все переживает: как они там, выдюжат ли? Или запрашивает черенки серебристой ели, чтобы привить ее на обыкновенную ель. До этого он привил на сосну черенки кедра и давно уже собирает урожай кедровых орехов.

Задумок интересных много. А вот места развернуться нет. Садов в округе мало. И он старается заразить своей увлеченностью других. Ходит по деревням, предлагает свою помощь, кому саженцев, кому черенки привить на выродившиеся деревья.

— Вы не обижайтесь, если я к вам без спросу в сад зайду, — предупреждает.

А потом уже в лес стал ходить. Найдет дичок яблони, привьет ему черенок белого налива, подкормит деревце, почву взрыхлит. И растут в глухом лесу золотистые садовые яблоки. Охотник ли бредет усталый, или грибник — посидит под яблонькой, отведает сладкий плод, и сил у него прибудет.

— Когда начинал заниматься садом, — рассказывал мне Соболев, — многие усмехались: «Делать человеку нечего».

А когда сад в силу вошел, косые взгляды бросали: «Куркуль».

Но для себя я никогда не старался. Приходите, помогу, разводите сады на красу и на пользу.

Не раз предлагал Соболев руководству колхоза: «Давайте организуем питомник, саженцы будем выращивать, усадьбы украшать: и красота, и польза». Ни у кого руки не дошли, одни разговоры. Потом, когда председателем колхоза «Свобода» стал на несколько лет Селезнев, возник интересный план: создать под руководством Соболева колхозный питомник гектара на полтора. Выгоднейшее дело. Но не успели, Селезнева перевели в другое хозяйство, а новые руководители не увидели в этой затее рационального зерна.

...Я шел из Поповки — деревни в один дом — в Колкач, центральную усадьбу, старой дорогой, через бор. Красота была необычайная. Тихо поскрипывали сосны над дорогой, роняя пушистые хлопья снега, где-то выстукивал деревину дятел. Я остановился на мосточке через маленькую речушку Ягрыш и услышал, как тонко вызванивают под снеговой периной чистые ее струи.

С моста открывался вид на Колкач, центральную усадьбу колхоза «Свобода». Белая церковь на горе, в окружении старых улиц села, ниже, через голый парк, виднелся голубой дом с колоннами, резными наличниками, с мезонином — бывшая больница волостного лекаря Хвалынском. Прямо от него спускалась к речке череда новой улицы. Желтые, не успевшие потемнеть дома стояли посреди белого поля, словно временные вагончики зимовщиков во льдах. Ни единого деревца за несколько лет не было посажено вокруг них. Не было деревьев и на других новых улицах — не было свидетельства того, что люди собираются здесь долго жить.

В колхозе «Свобода» многое сделано для закрепления молодежи. Много строительства — и производственного, и жилищного. Помню, ехал я первый раз в Колкач, в маленькой деревне у магазина остановился. Старушки, любопытный народ: кто, откуда, куда.

– В Колкач, – отвечаю.

– Ну так скоряя правь. В Колкаче девок молодых много, а парней и того боле. Живо разберут. А квартиры там незанятые стоят. Как только в сельсовете распишетесь, так и ключи в руки дадут.

После разговаривал со многими ребятами, вернувшимися из армии. Работают, но... недоверие к колхозу есть. И еще несколько оно будет сломлено.

Далеко не каждый идет на то, чтобы получить восемьсот рублей подъемных и закрепить себя на три года. А ну как дело в колхозе повернется иначе? Выжидают, не сжигают за собой мостов к отступлению.

«Дом – корень, сторона – похвальба», – говорили раньше. А еще говорили так: «Младший сын на корню сидит», – то есть наследует хозяйство.

Мы удивляемся сегодня старицовой приверженности родным крышам. А удивительного в этом ничего нет. Они ставили сами эти дома, глубоко пускали в эту землю корни своих трудов. Сегодняшний потомок крестьянина лет до двадцати оторван от деревенского быта, от забот о земле и хозяйстве. Сначала – интернат за много верст от дома, потом – училище, армия... Столько лет живет он интересами, далекими от земли, не пуская в нее своих корней...

Старики удивляются беззаботности молодежи, и сами потакают этой беззаботности. Выращенного с великим трудом барашка везут деткам, молочко – деткам, яички – деткам. А деткам уже под тридцать, и живут они своим домом, своих деток воспитывают.

Возвращение к земле должно стать прежде всего возвращением земли к полнокровной жизни, чтобы на ней колосился хлеб, и буйно цвели травы, стояли ухоженные леса, и цветущие сады несли свои роскошные плоды.

И снова вспоминаю Муравьева, его по-крестьянски мудрое отношение к делу.

...Было это в тот трудный момент, когда завершалось стро-

ительство птицефабрики. Сроки сдачи первой ее очереди заваливались, положение было авральное, критическое. Почти ежедневно на высоком уровне слушались вопросы о пуске первой очереди, а он наряду с этими вопросами непременно вставлял свой – об огородах и садовых участках для будущих работников фабрики, наживая немилость районного начальства.

Строители – «заваливали» пуск котельной, а он устраивал субботники и воскресники для строительства танцплощадки и стадиона. И он был прав, потому что думал о – будущем, о том, насколько глубоко пустят корни люди, пришедшие сюда.

На моем рабочем столе звонит телефон. Муравьев. Ныне начальник отдела внедрения передового опыта областного агропрома. Все тот же энергичный, чуть насмешливый голос:

– Не засиделся? Хватит штаны протирать. Едем-ка лучше в Шекснинское РАПО к Коркину. Настоятельно рекомендую.

– В медвежьи владения?

– На этих медвежьих владениях урожаи кубанские. Давай собирайся. Едем.

1989г.

ЭПОХА ПАПЫ ТОЛИ

Вот теперь из двадцать первого века от порушенных животноводческих комплексов, опустевших птицефабрик, закрытых льнозаводов оглядываемся назад. И порой волосы на голове поднимаются. Что делается, что происходит с нами, почему лишь проживаем то, что создано было нашими предшественниками за несколько десятилетий? Под чью диктовку живем, чью волю исполняем?

Говорят, что современный мир делится на разрушителей и хранителей. А вчера еще были созидатели. Оглянитесь, люди. Как созидательна была их жизнь и как велики труды. Эти двадцать пять лет созидательного подъема в вологодском селе были связаны с именем Анатолия Семеновича Дрыгина.

...Хмурым сентябрьским утром на полупустынный перрон вологодского вокзала ступил из вагона скорого московского поезда высокий плечистый мужчина средних лет. Его встречали. Несколько человек в начальственных шляпах шагнули навстречу. Один из них, протягивая руку, представился:

– Милов – первый секретарь Вологодского обкома партии. Пока еще первый!

– Дрыгин! – Отвечал на рукопожатие приезжий. – Бывший второй секретарь Ленинградского обкома партии.

Эта встреча на утреннем перроне была для Вологодчины, можно сказать, поворотной. Человек, вступивший на вологодскую землю, задержится на ней на двадцать пять лет и круто повернет ее судьбу.

Хотя у этой встречи была своя предыстория.

17 сентября 1961 года в Кремле шло рядовое заседание Политбюро, на котором слушали кандидатов на различные государственные и партийные посты. На трибуне с докладом о подь-

еме сельского хозяйства Ленинградской области, все еще не оправившейся от оккупации, выступал второй секретарь Ленинградского обкома КПСС Дрыгин, которого рекомендовали на должность председателя Ленинградского облисполкома.

Хрущев слушал в пол уха, перелистывая газету «Советская Россия». Но вот его внимание привлекла статья «Вологодское разнотравье», где корреспондент резко критиковал сельское хозяйство Вологодчины, которое по надоям, урожайности, поголовью скота опустилось ниже довоенного уровня.

Статья была хлесткая, и Хрущев не на шутку рассердился.

— Надо менять в Вологде первого! — Повернулся он к своим помощникам.

— Никита Сергеевич! Еще и года не прошло, как сменили. Рано ожидать результатов.

Но Хрущева понесло.

Действительно, недавно избранный первым секретарем Вологодского обкома Милов был специалистом в лесной промышленности, сельского хозяйства не знал и за год руководства областью не сумел, да и не мог решить проблемы, копившиеся десятилетиями.

— Менять! — Отрубил Хрущев.

— Так ведь и заменить не кем!

— А вот вам первый секретарь для Вологодчины, — и Хрущев указал на возвышающуюся утесом над трибуной фигуру Дрыгина.

Возникла тягучая пауза. И только ничего не подозревающий Дрыгин продолжал излагать план переустройства сельского хозяйства Ленинградской области.

...После первых морозов и снегопадов по установившимся зимникам отправляла Вологодчина своих посланцев для знакомства с новым руководителем области.

Что представляла тогда область? Отрезанные от мира ужасным бездорожьем восточные районы; Никольск, Кич-Городок, Великий Устюг, куда только в весенний паводок можно было забросить жизненно необходимые грузы судами: запад с Вашка-

ми, Белозерском и Вытегрой при практически полном отсутствии дорог; север с Верховажьем и Тарногой, куда ни пассажирского, ни товарного...

От села имени Бабушкина до Вологды 250 километров. При нынешних дорогах два с половиной часа езды. А сорок лет назад...

Сорок лет назад на заседание партхозактива в Вологде снаряжались, как на северный полюс. Гусеничный трактор, тракторные дровни, на которых сооружался деревянный фургон с печкой для обогрева и приготовления пищи, с окнами и спальными местами на соломе. Для сопровождения делегации выделялся второй трактор, который тащил горючее для первого. Трактористы одевали ватные штаны, валенки с калошами, шубные рукавицы разжигали в холодных, продуваемых морозными ветрами кабинах примусы для тепла. И в путь...

Такой обоз добирался до Вологды едва ли не неделю. Кроме партийных и хозяйственных руководителей, ехали в фургоне и простые люди: кто в больницу на операцию, кто по делам в город, кто на свадьбу с непременно гармошкой. Народу набивалось, что сельдей в бочку...

И сколько таких районных сел и городков отправляли тогда в Вологду на партийно-хозяйственный актив своих посланцев, чтобы те воочию увидели нового хозяина области. А новый хозяин уже с первых шагов своих на Вологодчине вызвал столько противоречивых толков и пересудов...

Известно было, что новый секретарь характер имеет прямой, жесткий, прошел войну, причем начал ее командиром взвода, а закончил командиром полка. Кто-то рассказывал, что самолично читал в газете заметку, про то, как младший лейтенант Дрыгин в рукопашном бою один уничтожил девяти фашистов, и что лучше его не доводить до кипения...

Трещат трактора посередь заиндеветшей морозной Вологодчины, медленно пробираясь заснеженными полями и лесами мимо тихо дремлющих, убаюканных метелями деревень, освещенных пока лишь керосиновыми лампами, мимо убогих скот-

ных дворов, крытых соломой, мимо обезглавленных церковушек, превращенных в тракторные мастерские...

Потрескивают дрова в печурке, пофыркивает чайник, гармошка выводит незатейливый перебор... Сколько было в этих кибитках за неделю пути рассказано анекдотов, историй и баек, сколько было выпито водки и спето песен. Вот где формировался народный эпос и фольклор... Вот где рождались легенды и предания двадцатого века... Дорого бы я сегодня дал, чтобы вот так проехать в тракторных санях от какого-нибудь села имени Ивана Бабушкина до Вологды и обратно.

...Летом 1962 года Хрущев возвращался правительственным поездом из Архангельска в Москву. Было условлено, что в Вологде поезд сделает остановку, и Никита Сергеевич встретится с первыми лицами области.

Поезд приходил в шесть утра, и на холодном перроне за час до него выстроились пионеры с барабанами и горнами, руководители города и области.

Шел мелкий холодный дождь. И вообще лето шестьдесят второго было чрезвычайно холодным. И, видимо, поэтому кукуруза на полях никак не хотела расти. Хоть ты ее за уши тащи! А Москва требовала едва ли не ежедневных победных реляций с кукурузных фронтов...

Накануне приезда Хрущева Дрыгин, возвращаясь с загородной дачи, заехал на учебно-опытные поля Молочного института. Было пять часов утра.

На кукурузном поле споро работали трактора, запахивая царицу полей, которая к августу едва ли поднялась сантиметров на пятьдесят.

На краю поля стоял молодой кучерявый агроном и с явным удовлетворением наблюдал за работой тракторов.

Шофер Дрыгина подошел к нему:

– С вами хочет говорить первый секретарь!

Молодой агроном ничуть не смутился, и смело шагнул навстречу нахмуренному секретарю.

– Вы что это делаете? – Грозно спросил Дрыгин.

— Запахиваем кукурузу под озимые! — отвечал агроном. — Не выросла, как не бились, как не ухаживали, не подкармливали. Жалко трудов. Не по нашему теплу эта культура!

Дрыгин нахмурился еще больше, прошелся вдоль поля, сорвал несколько стеблей.

— Эти-то вот получше будут, — показал молодому агроному.

— Тут у нас навозная куча была, земля на метр пропиталась жижей, да и то какая это кукуруза! Слезы горькие.

Дрыгин ничего не ответил, сел в машину и укатил в город.

...Много позднее он расскажет молодому агроному Виктору Ардабьеву, ставшему к тому времени первым секретарем Никольского райкома партии, продолжение этой истории с кукурузой.

Правительственный поезд пришел без опозданий. На перрон вышли охранники, пионеры вскинули к небу горны, готовясь к встрече высокого гостя, начальство приосанилось, но Хрущев так и не появился. Ждали пять минут, десять ... Хрущева не было. Над перроном повисло тягостное молчание.

Тогда Дрыгин обратился к охранникам.

— Никита Сергеевич отдыхает, — отвечали те. — Он не выйдет.

— Но как же так? Его ждут! — Возмутился Дрыгин.

— Повторяем. Он не выйдет.

— Тогда я пойду сам! Доложите!

Он раздвинул охрану и шагнул в вагон, уже набиравший ход.

Столь решительные действия Дрыгина возымели результат. Один из охранников скрылся в купе, и минуту спустя из него вышел заспанный Хрущев в полосатой пижаме, поигрывая подтяжками.

— Чего тебе Толя? Чего будишь? — Спросил он миролюбиво Дрыгина. — Медали и ордена я все в Архангельске роздал, деньги там же пропил. Нет у меня ничего.

В коридоре уже собирались помощники и сопровождающие Хрущева лица, с интересом наблюдавшие за этой сценой.

— Да я ничего и не прошу.

— Так чего же ты хочешь?

— Я должен со всей ответственностью заявить, — сказал, напрягаясь как перед атакой Дрыгин, — что кукуруза у нас не растет и, вряд ли, будет расти. Холодно у нас для нее. Холодно.

— А вы что еще и кукурузу у себя садите? — Вдруг прищурил-ся хитро Хрущев.

— Да как же, согласно партийному курсу, — отвечал просто-душно Дрыгин. — Повсеместно!

— Нет, вы видели таких дураков, — захохотал вдруг Хрущев. — Они на Севере сажат кукурузу и еще жалуются, что она не растет. Вы бы ее еще на Полюсе посадили!

Дрыгин вышел из поезда в Грязовце и в тот же день распорядился запахать ее повсеместно под озимые.

Надо сказать, что озимая рожь тогда выросла на диво. А из Москвы все шли и шли распоряжения отдавать под кукурузу лучшие земли. Не работа, а хождение по минному полю.

...А Дрыгин хаживал и по настоящим минным полям.

Вместе со второй ударной армией Власова под Мясным Бором Дрыгин попал в окружение. Он командовал тогда взводом. Немцы били по ним со всех калибров, с земли и с воздуха. И вдруг среди этого крошечного ада наступило затишье. Прибежал вестовой с приказом явиться в штаб то ли полка, то ли дивизии.

В лесу под соснами сидели за столом понурые офицеры.

— Принято решение, — объявил старший, — о сдаче армии в плен. Приказ обсуждению не подлежит.

Офицеры еще ниже опустили головы.

И тут Дрыгин взорвался:

— Да вы что, такая мать! Охренели!

Он выдал, казалось, все матюги, которые встречались ему в жизни и ударил кулаком по столу:

— Лично я сдаваться не собираюсь!

Повисла напряженная тишина. Дрыгин повернулся и пошел прочь по направлению к линии фронта.

— Я ждал, что вот-вот раздастся выстрел в затылок и все на этом будет кончено. Пять шагов, Десять. Нет выстрела. Два-

дцать...

И тут к Дрыгину стали примыкать разрозненные бойцы. Выстрел так и не прозвучал...

И они ушли. Их, не согласных сдаваться в плен, становилось все больше и больше. Сто, двести, пятьсот...

Дрыгин принял командование на себя, сформировал взводы и роты, назначил командиров... К Волхову их подошло уже более тысячи человек. Было тихо. Казалось, что фашистов нет и в помине. Только кружила над рекой немецкая рама – разведчик...

С вечера стали готовить плавучие средства, а на рассвете в тумане начали переправу. И тут на них обрушился шквал огня...

Из тысячи человек в живых осталось около семидесяти. Но эти семьдесят упорно шли к своим. И вышли...

Два месяца Дрыгина допрашивала контрразведка, шла проверка по всем каналам... Через два месяца ему вернули погоны и отправили на передовую...

«Кадры решают все». Эта сталинская формулировка была для Дрыгина ключевой на протяжении всей вологодской командировки.

Один из бывших партработников стал свидетелем телефонного разговора Анатолия Семеновича с молодым секретарем из Кириллова.

Было это в начале шестидесятых.

– Все хоть там тебя слушают? – Спрашивал он, видимо, уже имея какую-то информацию с места.

– Да есть тут один председатель колхоза неуправляемый. Не слушается. Спорит и возражает до тошноты.

– Так вот! – Зарокотало в трубке. – Если он плохо работает, собери бюро и сними с работы. За неделю сними.

Но если он хорошо работает, то собери бюро, собери актив и поезжайте все к нему учиться. И учитесь, да спасибо говорите за учебу.

...Сидим у костра в лесу под Тотьмой с лесником Павлом Шаровым. Случайная встреча. Напились чаю. И почему-то раз-

говор коснулся Дрыгина. И вот это случайный встречный такую историю выдает:

– После окончания Молочного института меня назначили директором Тотемского маслозавода, – мой собеседник угли прутиком мешает в кострище. – Маслобойки размещались в обычных крестьянских избах. Тем не менее, масло получали высокого качества. Но как вывезти его? Район огромный, дорог нет.

И тут из Великого Устюга проездом побывал у нас начальник областного управления молочной промышленности Иван Петрович Толмачев. Поглядел он на наше хозяйство, пожал мне руку и заявил при всем коллективе, что из первой же пришедшей в область партии вездеходов Зил-157, одну машину он направит к нам в Тотьму.

Мы обрадовались, ждем. Но вот приходит разнарядка, а Тотьмы там нет. Я звоню Ивану Петровичу:

– Может ошибка какая закралась?

– Нет, никакой ошибки! Вам дадим машину в следующей партии.

А когда эта партия будет, Бог ее знает... А у нас продукция тоннами пропадает...

Я парень настырный был. Обидно стало. Лечу самолетом в Вологду и к Толмачеву. Он меня из кабинета выгнал: « Не будет вам машины»

Вышел я на улицу: куда идти, кому жаловаться? А перед глазами вывеска: обком партии. И решил я на обман.

Захожу в вестибюль и... к милиционеру. Вот, говорю, прибыл на прием, вчера из райкома позвонили, говорят должен быть у первого секретаря обкома в одиннадцать. Вот моя командировка, вот паспорт.

Милиционера прошел, попал в приемную, ту же историю излагаю.

– Да нет, говорят, вас в списке приглашенных.

Я скандалить начинаю, чтобы погромче было.

– Что вы думаете, – напираяю, – я сам что ли это выдумал?

Что мне делать больше нечего? Доложите, – кричу, – первому секретарю.

В общем, добился я приема. Кабинет большой, столы буквой «Т». Выходит мне навстречу огромный мужчина, глазами меня сверлит.

– Что это вы, молодой человек, меня добиваетесь, скандалите в приемной, хотя никто Вас не приглашал?

Я ему все, как есть, выложил. Простите, говорю, за обман, но этот вопрос только вы можете решить...

Да, – покачал он головой. – Вот есть у нас еще такие областные руководители. Ездят, обещают, руки жмут, а потом ничего не делают!

– Сколько, – спрашивает, – тебе, сынок, лет?

– Двадцать четыре...

– И уже директор? А что? Правильно! Вот таких молодых, энергичных и нужно на руководящие должности ставить!

Тут он снимает трубку:

– Товарищ Толмачев! – Голос, что из бочки гудит. – Слушайте меня внимательно. Из приходящей партии вездеходов две машины направьте в Тотьму. Не одну, а две!

Тот, слышу, начинает что-то бляеть.

– Вы меня поняли! Я проверю. Все!

Обернулся ко мне:

– Вот тебе мой номер телефона. Если опять обманут, звони мне!

...Звонить ему не пришлось. Уже тогда Дрыгина никто не смел слушаться.

Действительно, правил он круто. Рассказывают, однажды в кабинете первого секретаря Вашкинского райкома партии раздался ранним утром звонок из обкома. Первый секретарь был в отпуске и на его месте находился второй.

– Как там у тебя с заготовкой кормов?

– Анатолий Семенович? Одну минуту, только возьму сводку.

– Не надо! Вы уже не секретарь!

По мнению Дрыгина секретарь райкома настолько обязан

владеть обстановкой, что подними его ночью с кровати, он должен без запинки ответить какие в районе надои, сколько заготовлено сена, силоса, сенажа...

Своего преемника Валентина Александровича Купцова Дрыгин заметил еще в 60-годах.

Простой сельский парень из деревни Миндюкино после армии трудился грузчиком на металлургическом комбинате. Из Воркуты приходили вагоны с углем, смерзшимся дорогой в монолит. И нужно было отбойным молотком вновь вырубать его. Работа — тяжелей не придумаешь.

У Валентина отец, деревенский портной, ставший со временем председателем колхоза, незадолго до своей смерти увидев, как раздевается сын, заплакал. Все тело его было сплошным синяком от отбойного молотка.

Но тут же отец и признался:

— За тебя, Валька, я не боюсь. Ты любую дорогу осилишь.

В 1974 году, когда Купцов работал уже вторым секретарем Череповецкого горкома партии, его присмотрели для работы в аппарате ЦК. Присмотрели-то, видимо, задолго до этого. Еще во время чехословацкого кризиса. Купцов был в то время в Чехословакии в качестве посланца череповецких металлургов. Тогда братские страны любили делиться опытом. И, стало быть, он сумел в этой критической ситуации достойно проявить себя...

И вот приглашение на работу в ЦК. Но в Москву Купцову не хотелось. Здесь на Вологодчине жизнь кипела ключом: строились и расширялись металлургический комбинат, аммофос, азотно-туковый, подшипниковый, оптико-механический заводы... В деревнях росли птицефабрики и животноводческие комплексы, прокладывались дороги в самые глухие углы...

Не любил Дрыгин отпускать на сторону кадры. Даже в Москву. Он воспитывал у своего окружения чувство особого вологодского патриотизма.

Вот и для Купцова Вологодчина оказалась выше карьерных интересов.

Перед отъездом в Москву Купцов зашел к Дрыгину.

— Чего не веселый? — спросил Дрыгин.

— Не хочу я в Москву.

— Верю, — поддержал Дрыгин. — Чего там в кабинетах штаны протирать? А у нас вон какие стройки развернуты. И в городе, и в селе. Работать надо.

Ты, парень, вот чего сделай. Когда у тебя уже не будет аргументов отказываться, ты скажи просто, что не хочешь работать в ЦК. Так и скажи! А мы тебя здесь в обиду не дадим.

И вот полуторачасовой разговор в Москве с Долгих и Ястребовым. Решены вопросы по квартире, зарплате, определен круг задач...

И вдруг это, ошарашившее больших партийных боссов, признание:

— Я не хочу работать в аппарате ЦК!

Несколько минут в кабинете стояла зловещая тишина. Наконец, Долгих с металлом в голосе проговорил:

— Нам не нужны люди, которые не хотят работать в аппарате ЦК!

Купцов рассказывал, что его после этой встречи, наверное, час бил озноб...

Но явных последствий этого возмутительного с партийной позиции поведения в отношении Купцова не последовало.

Видимо, Дрыгин сумел там в Москве снять напряжение... Да и перед коллегами своими, а с Ястребовым они были большими друзьями, мог погордиться: «Вот, мол, у меня какие верные и надежные ребята работают!»

Пройдет много лет и выходец из вологодской деревни Миндюкино Валентин Купцов не страшась, встанет на защиту коммунистической партии в Конституционном суде. И сумеет отстоять ее.

...Рассказывают, что Брежнева он Дрыгин Леней. Вполне вероятно, что между ними были такие вот товарищеские отношения. Но и то верно, что шапки Анатолий Семенович ни перед кем не ломал, ни перед кем не преклонялся, а упорно гнул свою линию.

Его считали руководителем жестким, авторитарным. Однажды во время заседания бюро обкома один из чиновников воспротивился назначению на ответственную и тяжелую должность.

Дрыгин среагировал мгновенно:

– Есть предложение исключить этого товарища из партии, снять с работы и впредь никаких должностей ему не предлагать.

Проголосовали единогласно. Кто мог воспротивиться воле Дрыгина? Но обиженный чиновник не смог сдержаться.

– Я жаловаться буду! – Воскликнул он.

– Жалуйся, – равнодушно уже отвечал Дрыгин. И добавил насмешливо: – Фиделю Кастро...

– Да он был жестким руководителем, – подтверждает Валентин Александрович Купцов, – но справедливым. И он сумел подобрать по всей области такие кадры и в партийных, и советских органах, которые работали творчески, вдохновенно или по крайней мере ответственно, что позволило уже к середине семидесятых годов вывести область из отстающих в передовые...

Один из руководителей районного партийного звена вспоминает, как поехали они группой на южный курорт в пансионат ЦК КПСС. Понятное дело, расслабились. По паре раз в ресторан сходили, вино, шашлыки... Деньги улетучились быстро.

– И тут приходит перевод на сто рублей, – рассказывал он. – Я даже испугался. Откуда? Может взятка какая? Штамп смазанный, неясный...

А потом несколько месяцев спустя Дрыгин подходит на пленуме:

– Ну, получили переводы-то? Это я вам на папиросы послал, что бы вы у жен денег не просили...

И чувство юмора было свойственно Анатолию Семеновичу.

Однажды в одном восточном районе он целый день ездил по животноводческим фермам. И чем больше он ездил, тем мрачней становился. Фермы полуразвалившиеся, навозом заросшие, скот истощен до предела. Какое тут молоко!

Районное начальство ни живо, ни мертво молча ходило сзади

на приличном расстоянии от секретаря...

Наконец, под вечер Дрыгин согласился пообедать. В районной столовой подали ему наваристого борща. Но рядом никто есть не осмелился. Да Дрыгин и не приглашал, что означало его крайнюю степень недовольства.

– Ну, может, поест, так подобреет, – не теряли еще надежды районные начальники.

Зачерпнул Дрыгин ложкой борща, а в ложке... А в ложке... Надо представить себе реакцию районного начальства... О Ужас! В ложке огромный, распластанный таракан...

Ложка замерла на полпути, Дрыгин набычился, в столовой воцарилась нехорошая тишина...

А Дрыгин вытащил таракана из ложки и положил его рядом. Из-за спин вытолкнули бледного заведующего столовой.

– Мы сейчас, Анатолий Семенович! Мы заменим... – залепетал тот.

– Не надо, – остановил его Дрыгин. – Еще какого лешего мне туда положите!

И выхлебал борщ без остатка.

Вечером, когда самолет скрылся в облаках, начальство облегченно вздохнуло: «Похоже, пронесло!»

А спустя месяц на партхозактиве Дрыгин отложил в сторону доклад и обратился в зал:

– Был тут недавно на востоке. До чего довели скот, что на ногах не стоит, к балкам пожарными рукавами привязывают! Но за то таких тараканов научились откармливать...

Однажды он объезжал с молодым секретарем Ардабьевым Никольский район. Беспрестанно буксовали в ямах и колдобинах. УАЗик по кабину был залеплен грязью.

– Сколько ты уже тут? – спросил Дрыгин Ардабьева.

– Пятнадцать лет, Анатолий Семенович!

– Ну? – Удивился Дрыгин. – Вроде недавно и направляли?

– Так у нас здесь на востоке в условиях бездорожья год за три считается!

Дрыгин захохотал так, что пришлось останавливать машину.

Он вышел, и долго еще его большое могучее тело сотрясилось от хохота.

– Вот дадут! У нас на фронте год за два шел, а у них год за три!

Наверное, самым тяжелым и критическим для области временем было лето 1978 года. С весны зарядили дожди и шли с таким упорством, что в души людей начала закрадываться тревога.

Эта тревога поселилась и в душе первого секретаря Никольского райкома партии Виктора Ардабьева. Он начал осаждать телефонными звонками председателя облпотребсоюза Сазонова:

– Завезите в район муку как можно раньше!

А потребности в муке были не малые. За год Никольск съедал ее 10 тысяч тонн. Но облпотребсоюз не спешил. Ардабьев звонил снова и снова. Наконец, не выдержав, заявил, что если население района останется без хлеба, то в первую голову отвечать за это придется Сазонову.

Надо сказать, что Сазонов был лучшим другом Анатолия Семеновича. И во всех его поездках по области Сазонов сопровождал Дрыгина. Но угрозы Ардабьева похоже возымели действие, облпотребсоюз муку завез в полном объеме, прежде чем пали дороги. Самые худшие предчувствия оправдались.

На область обрушилось стихийное бедствие: все лето и осень шли бесконечные дожди.

В области было объявлено чрезвычайное положение. На поля можно было выйти только с косой в бродовых сапогах. Комбайны тонули тут же, будь они на резиновом и даже на гусеничном ходу, воинские подразделения выделили для связи с населенными пунктами бронетранспортеры, но и те с великим трудом пробивались по дорогам, превратившимся в сплошные грязевые болота.

Все мосты через речки были или снесены или разбиты тяжелой техникой. Молоко с ферм в районы приходилось доставлять вертолетами...

Если бы не мука, доставленная во время по деревьям, то

был бы самый настоящий голод...

Дрыгин каждую уборочную страду облетал или объезжал область. Прилетел и в Никольск. Ездили к утопающим в воде полям, летали к отрезанным от мира бездорожьем деревням, смотрели строящиеся новые скотные дворы, мастерские, жилье...

Наконец, Ардабьев вывез Дрыгина на пятикилометровый отрезок дороги на Вологду, построенный партизанскими методами. Шофера называли этот участок «тремя минутами радости». Дальше шли ямы, ухабы на четыреста в лишнем километров...

Надо сказать, что строительство дороги на Никольск чиновники год за годом вычеркивали из титульных списков на финансирование. Не хватало денег. Считалось, что перспективнее вести строительство на Великий Устюг через Нюксеницу. Но в этом случае Бабушкино, Никольск, Кич=Городок оставались отрезанные от мира. Поэтому никольчане и решились положить начало дороге без всяких на то разрешений.

Теперь все зависело от благосклонности Дрыгина.

И вот Анатолий Семенович вышел на первый никольский асфальт среди полного бездорожья и долго молчал, что-то обдумывая.

— Почему такая широкая? — спросил, наконец.

— Так, Анатолий Семенович, дорога республиканского значения. Уже нельзя!

Дрыгин ничего не сказав, сел в машину. Это означало, что дороге быть. Что денег для нее он найдет. Если не в Вологде, что в Москве. Да и многое с того драматического года переменится в сельском хозяйстве Вологодчины. Будут строиться быстрыми темпами внутрихозяйственные дороги, и мелиорация придет на поля, сделав их доступными в самую непогоду, и новые технологии в заготовке сена, сенажа, силоса дадут возможность, невзирая на дожди обеспечивать скотину полноценными кормами...

...В тот приезд в Никольск вечером было совещание с руководителями близлежащих районов. Потом было небогатое застолье, в котором языки подразвязались.

Неожиданно Сазонов поднялся за столом и стал рассказывать, что и его заслуги в борьбе со стихией немалые. Что он вовремя завез в район десять тысяч тонн муки.

Тут прорвало Ардабьева:

— Да чем вы похваляетесь! Я месяц у вас выбивал эту муку. И я не знаю, чем бы все кончилось, не прояви мы такой настойчивости!

Сазонов растерянно замолчал.

Ардабьева вовсю уже дергали за полы товарищи, шептали в страхе:

«Остановись, на кого бочки катишь! Это же лучший друг Дрыгина!».

И тут в тишине раздался голос Анатолия Семеновича:

— А ты, Сазонов, ему больше муки не давай!

Разошлись тихо. Дрыгин с Сазоновым ночевали в райкоме. Ардабьев всю ночь не спал, переживал за свою резкость. Видел, что и в комнате у Дрыгина почти не гас огонь. Чуть свет пришел в райком и застал у себя в приемной плачущего Сазонова.

Поверженный вид немолодого всесильного чиновника потряс Ардабьева. Он бросился к нему, пытаясь хоть чем-то поддержать, но Сазонов остановил его:

— Оставь, Виктор, я сам виноват. Мы не спали почти всю ночь. Он вломил мне под первое число!

Утром они улетали в Вологду. Дрыгин был хмур и неразговорчив. Сели в самолет. Настроение у провожающих тоже было не на высоте. Самолет уже выруливал на взлетную полосу, как вдруг остановился. Откинулся трап и...

на поле вышел Дрыгин.

Он подошел к Ардабьеву и крепко пожал руку:

— Держись, секретарь! Держись!

Дрыгин улетел. Но Ардабьеву казалось, что вместе с самолетом в небо взмыла и его душа.

Однажды Дрыгин пригласил на катер во время отдыха на Сухоне местного председателя колхоза, начальника управления сельского хозяйства и первого секретаря.

Увидев у гостей в руках бутылки с коньяком, велел спрятать.

– Сегодня вы у меня в гостях...

Выпили по одной, похлебали ухи, заговорили о сенокосе.

Выпили по второй, – к уборке перешли. После третьей на животноводство переключились...

Хорошо на реке, тихо. За лесом закат догорает, в приречных кустах птицы поют. Сидят мужики рядом с самим Дрыгиным, коньяк пьют и, можно сказать, на равных беседуют.

И тут местного первого, видимо, от восторга души стало заносить...

– Я, говорит, в районе то-то и то сделал, это и вон это поднял...

Да раза три так вот себя приподнял.

На третий раз Дрыгин не сдержался, кулаком в стол бухнул:

– Это чего ты тут разбахвалился! В районе без году неделя, а уже «я да я»... Чужую славу под себя гребешь. Это вот они, – показал Дрыгин на присмиривших председателя с начальником управления, – они что-то для района и сделали. А ты! Пошел вон отсюда!

И выгнал с катера секретаря.

А председатель колхоза впоследствии Героем Социалистического труда станет.

...Все отмечали в Дрыгине исключительную память. Какое бы застолье не было, сколько бы не выпито было, старались контролировать, что бы не сболтнуть при папе Толе лишнего. Вот, скажем, занесет какого-нибудь партийного или хозяйственного деятеля за рюмкой, да и брякнет он хмельной, что на следующий год урожай в двадцать центнеров по району соберет. Все. Дрыгин эту информацию уже из головы не выпустит и через год за двадцать центнеров обязательно спросит.

Однажды перед началом уборки Дрыгин заехал в Тарногский район, где побывал на полях и самолично определил будущий урожай.

В августе на каком-то совещании выступал начальник управления сельского хозяйства из Тарноги Александр Кузнецов. Дры-

гин остановил его вопросом:

– А скажите, на таком-то вот поле какова урожайность?

Кузнецов ответил.

– Потеряли центнер, – нахмурился Дрыгин. – Опоздали с уборкой. А вот на этом? – И он назвал конкретное поле в одном из колхозов Тарноги.

Кузнецов снова ответил.

– А здесь сходится, – удовлетворенно сказал Дрыгин. – Молодцы. А вот это овсяное поле сколько дало?

– Это поле, Анатолий Семенович, еще не убрано. Но центнеров тридцать будет.

Потом Кузнецова коллеги донимали:

– Ты что, на самом деле помнишь урожайность на каждом поле в районе? Ведь полей-то сотни!

– Да я то что? У меня район. А вот он-то как это все в голове держит? Ведь у него область!

Но область была не только аграрной, но и промышленной. Черная металлургия это вам не приготовление торфо-навозных компостов! Вряд ли Анатолий Семенович в таком же совершенстве знал технологию выплавки чугуна и стали...

Рассказывают, что однажды в Череповце он таким образом разрешил затянувшийся конфликт между металлургами и строителями металлургических мощностей. Он запер конфликтующих начальников в пустом кабинете и сказал, что они будут тут сидеть до тех пор, пока не найдут устраивавшее обе стороны решение. Через три часа «узники» позвонили и попросились на волю. Конфликт был успешно преодолен.

Надо сказать, что Дрыгин благоволил и писателям. Ведь именно при нем Вологодская писательская организация стала лучшей в стране. В Вологде успешно работали Василий Белов, Виктор Астафьев, Сергей Викулов, Ольга Фокина, Николай Рубцов...

Хотя в отношениях с писателями не все было безоблачно. Александр Яшин, живший в ту пору в Москве и ежегодно приезжавший на родину в Никольск, опубликовал очерк «Вологод-

ская свадьба», который показался чиновникам обидным и оскорбительным. Обиделся ли Дрыгин? Скорее к этому подталкивали иосковские чиновники. Против Яшина началась кампания в газетах, еще более усугубившая конфликт.

Ведь по сути дела в очерке Яшина, если читать его сегодняшними глазами, ничего обидного и крамольного нет. Описан быт Никольской деревни таким, каким он и был в ту пору. С бездорожьем, отсталостью, пьянством...

И Яшин, и Дрыгин желали никольской деревне добра. Только один пытался помочь ей словом, другой — делом. Теперь по прошествии лет ясно, что Дрыгина вряд ли можно упрекнуть в том, что он что-то недоработал, что-то недооценил, в чем-то наделал ошибок. Вся его жизнь была безраздельно отдана созидательному труду. И сделал он чрезвычайно много.

Так случилось, что Дрыгин намного пережил Яшина. Но при жизни поэта они так и не выяснили отношений в личной встрече. А вскоре после смерти Яшина Бобришный угор и его могила стали местом паломничества любителей поэзии, и маститых литераторов приезжавших сюда со всей России.

Дрыгин поддержал проведение ежегодных яшинских чтений в Никольске и ходатайствовал перед издательством об издании трехтомника сочинений Яшина, в котором, кстати, есть и «Вологодская свадьба». Откройте, если не читали ее. Есть над чем поразмыслить...

...В Москве авторитет его был чрезвычайно высок. Дрыгин был бессменным членом Центрального Комитета КПСС и депутатом Верховного Совета СССР. В депутаты баллотировался по самому дальнему и проблемному Никольскому округу.

В последний раз уже стареющий Дрыгин приехал в Никольск, чтобы отчитаться о проделанной депутатской работе. Зал был полон. Дрыгин называл с трибуны цифры капиталовложений, надоев, привесов, урожайности и зал заворожено, словно чудесную музыку, слушал эту сухую статистику.

Когда Дрыгин закончил доклад, то люди в едином порыве встали и долго аплодировали. Он сел за стол, и мало кто видел,

как этот огромный суровый человек пытался украдкой смахнуть слезы, пролившиеся из его глаз...

...Совсем недавно я встречался за чашкой чая с воспитанниками и последователями Анатолия Семеновича Дрыгина, без сомнения талантливыми руководителями вологодского села Михаилом Федоровичем Сычевым и Леонидом Николаевичем Вологдиным.

Михаил Федорович многие годы работал рядом с Дрыгиным, был заведующим сельскохозяйственным отделом обкома КПСС, вторым секретарем по селу.

В своих воспоминаниях о Дрыгине он написал следующее:

«Анатолий Семенович относился к тому типу людей, в буквальном смысле страдающих любовью к Отечеству, но не приукрашивающих его прошлое и не питающих иллюзий относительно его настоящего, он был постоянно устремлен к достижению лучшего будущего. Его деятельность в этом плане была не только многогранной, но и весьма продуктивной».

— В первую очередь мы стремились развивать экономическую самостоятельность, как ключевую, основополагающую проблему сельского хозяйства, — рассказывал Михаил Федорович. — В деревне нам оставили тяжелое наследие командно-административной системы, как результат коллективизации, индустриализации страны за счет деревни, военного положения....

До 1953 года колхозам и совхозам не только диктовали, что и когда сеять и убирать, но и устанавливали минимальные закупочные цены на сельхозпродукцию. Колхозники же, как известно, вообще не получали за свою работу наличных денег. С ними рассчитывались трудоднями. И только после Сталина в сельском хозяйстве стали внедряться некоторые экономические рычаги.

Если говорить о совершенствовании работы аграрной отрасли, то здесь Анатолий Семенович видел пять приоритетных направлений. Во-первых, максимальное использование экономических рычагов и стимулов для повышения производительности труда во-вторых, активное внедрение научных разработок

и технологий, передового опыта.

В-третьих, непрерывный рост вложений в материальную базу сельского хозяйства, в механизацию, электрификацию, мелиорацию.

В-четвертых, массовое строительство на селе.

И в-пятых, переход на промышленное ведение сельского хозяйства.

Что же касается птицефабрик, то все ныне действующие – в Шексне, Малечкине, Грибкове, Ермакове – были действительно построены в бытность Дрыгина.

Стоит отметить, что развитие промышленного птицеводства и свиноводства на Вологодчине дало толчок и комбикормовой индустрии. Шекснинский комбинат хлебопродуктов – и поныне один из крупнейших на Северо-Западе, стали строить опять-таки при Дрыгине.

В конце 60-х годов производство сельскохозяйственной продукции действительно резко пошло в гору. И когда в 1968 году в стране было принято решение о значительном повышении заработной платы многим категориям трудящихся, запасы продовольствия стали таять. И уже в начале 70-х в области стали возникать некоторые перебои с отдельными видами товаров. Тем не менее, производство мяса, молока, яиц продолжало неуклонно расти. Быстро увеличивалось и среднедушевое потребление основных продуктов (по многим показателям оно превосходит нынешний уровень!). Но значительную часть своей сельскохозяйственной продукции область была вынуждена направлять в Москву, Ленинград, Мурманск, Архангельск и другие северные регионы.

...Трудовой путь Леонида Николаевича начался в 1959 году в племсовхозе «Красный Север» Великоустюгского района. Там он вырос от зоотехника фермы до директора. В 1963 году переведен в областное управление сельского хозяйства, где прошел путь от начальника планово-экономического отдела до первого заместителя начальника управления. С 1968 по 1975 год работал директором треста «Свинопром». В 1975 избран и по 1988 год

работал заместителем, первым заместителем председателя облисполкома, а с 1988 по 1990 год – председателем облисполкома.

Леонид Николаевич включился в наш разговор:

– Под началом Дрыгина развернулась работа по специализации и концентрации производства, переводу животноводства на промышленную основу. Сначала наше птицеводство вышло в число лидеров. Потом за 5–7 лет построили крупные свинофабрики. Отрасль нормально заработала, и Вологодчина попала в первую четверку свиноводческих областей. Была разработана специализация всех районов, и каждый руководитель хозяйства точно знал: когда и что у него будет строиться.

Буквально в считанные годы мы создали систему семеноводства, построили семенные станции, организовали семеноводческие совхозы. Одновременно занялись повышением плодородия земель. При каждом крупном животноводческом комплексе, при каждой птицефабрике были построены площадки компостирования. Добились огромных объемов заготовки торфа. Не забывали и о минеральных удобрениях, которые вносили согласно анализу почв. Это была стройная система по всей области, по каждому району и хозяйству. Урожай рос.

А появилось в достатке кормов – пошло в гору животноводство. К 1985 году потребление мяса на Вологодчине было доведено до 66 килограммов в год в среднем на каждого жителя. Все близлежащие области больше 50 килограммов не имели. По потреблению мяса, молока мы были в первой тройке по России, по яйцу – на втором месте. При этом очень много продукции мы поставляли в союзный и республиканский фонд: молока, например, отправляли ровно половину. Я как-то был на совещании в союзном Госплане и услышал там фразу, которая меня развеселила: союзный фонд, мол, формируют Россия, Белоруссия и Вологодская область. Вот это и был результат огромной работы, которая проводилась командой Дрыгина.

А вот обстановка с сельскими кадрами массовых профессий была очень тяжелой. Люди убегали из деревни. И только после

1975 года с внедрением новых технологий, облегчавших работу на селе, парни и девушки начали оставаться дома.

Основная ставка делалась на создание хороших социальных условий, чтобы закрепить там людей, которые еще оставались. И даже в отдаленных хозяйствах начинали строить жилье, дома культуры, школы, детские сады. Активно развивал свою базу облпотребсоюз, велось строительство торгово-культурных центров, райпищеккомбинатов. В каждом районе создавались ПМК «Межколхоздорстрой», которые были оснащены одним-двумя асфальтовыми заводами.

Дрыгин, думая о будущем, поставил перед аграрниками задачу: довести производство молока до 1 миллиона тонн, мяса – до 120–130 тысяч тонн в год. Он понимал, что в союзный фонд область все равно вынуждена будет поставлять продукты, и чтобы на месте их оставалось больше, нужно было увеличить производство. И мы шаг за шагом шли к тому, чтобы обеспечить область всем необходимым в полном достатке, в том числе свежими овощами.

К этому можно добавить еще некоторые цифры и факты, которые сегодня могут показаться фантастическими:

В области была создана мощная материально-техническая база строителей, мелиораторов, дорожников, позволяющая ежегодно вводить в эксплуатацию до 850 тысяч квадратных метров жилья, причем, только на селе до 350 тысяч; до 7–8 тысяч учебных мест в школах, до 1000 коек в больничных учреждениях, до 4000 мест клубов и домов культуры, до 14 тысяч гектаров мелиоративных и 40 тысяч культурно-технических земель, более 1000 километров автодорог с твердым покрытием.

Уйдя в отставку, он уехал с семьей в Москву. Но злая болезнь скоро привела его на больничную койку. Михаил Федорович Сычев, секретарь по селу Вологодского обкома КПСС, ученик Дрыгина посетил своего начальника незадолго до смерти.

От Дрыгина осталась половина. Но ум был ясным. Наступающую смерть он встречал бесстрашно. Был уже конец восьмидесятых.

— Боюсь я Миша, только одного. Все что мы делали, они разрушат. Разрушат...

Если бы не предательство в высших эшелонах власти, переведших стрелки и направивших наш состав в тупик, где бы мы сейчас были. По крайней мере, с учетом прежнего жилого фонда, не только бы каждая семья, но и каждый человек имел собственную квартиру, не говоря уже о том, что деревенские наши ландшафты радовали сердце, каждого, кто бы не взирал на них...

Уйдя в отставку, он уехал с семьей в Москву. Но злая болезнь скоро привела его на больничную койку. Михаил Федорович Сычев, секретарь по селу Вологодского обкома КПСС, ученик Дрыгина посетил своего начальника незадолго до смерти.

От Дрыгина оставалась половина. Но ум был ясным. Наступающую смерть он встречал бесстрашно. Был уже конец восьмидесятых.

— Боюсь я Миша, только одного. Все, что делали мы, они разрушат. Разрушат...

2002 г.

О ЗЕМЛЕ, О ВОЛЕ И КРЕСТЬЯНСКОЙ ДОЛЕ

На всей земле, во все века
Клянут и давят мужика,
Но все, что пьем мы
и едим,
Добыто не тобой, а им...
Чем ты живешь,
чем мир велик,
Вскормил и вырастил
мужик...

Столь горькие слова стали гимном прокатившихся в XVI веке по Европе крестьянских войн за лучшую долю. И если сегодня Европа живет с уверенностью, что крестьянский вопрос здесь решен по справедливости, то Россия, увы, похвастать этим не может.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ГОЛГОФА

История крестьянских преобразований в России на протяжении полутора столетий чаще всего имеет драматический и даже трагический характер.

Александр II, царь-освободитель, отменивший крепостное право, был убит террористом. Министр внутренних дел Плеве, так много сделавший для развития русского крестьянства и земств, был застрелен. Убит и реформатор Столыпин.

А уж советское переустройство деревни с принудительной коллективизацией и раскулачиванием, репрессиями против зажиточных хозяев, сселением деревень, и так называемые

реформы 90-х явились настоящей Голгофой русского крестьянства, после чего на сельском хозяйстве России, казалось бы, можно поставить крест.

Надо бы на мельницу, да не с чем.

Вспомним, в восьмидесятых мы жили неплохо. Хотя на прилавках и было пусто, холодильники наши не пустовали: в сельском хозяйстве шло бурное строительство, наблюдался рост производства продовольствия.

Но за этим ростом был, надо признать, стояли все возрастающие текущие и капитальные затраты. То есть, получаемый продукт был гораздо дороже, чем продавался в магазинах. Например, килограмм говядины продавался по рубль девяносто, а реально стоил семь рублей. Искусственная дешевизна продукта вызывала его искусственный дефицит, породила коррупцию и вслед за ней скрытое перераспределение доходов в пользу нарождающейся мафии, что в конечном итоге привело к развалу всей созданной ценой великих жертв экономической системы социализма.

Можно ли было спасти систему? Искания последних советских лет и были направлены на повышение интенсификации производства, экономической эффективности. Казалось, что еще несколько лет и наше сельское хозяйство будет способно не только кормить страну, но и конкурировать с западным.

Я много говорил на эту тему с Владиленом Валентиновичем Никитиным, бывшем в конце восьмидесятых первым заместителем Председателя Совмина СССР Н. И. Рыжкова. К тому же, он был Председателем Продовольственной комиссии страны. Мощный, решительный человек. В моем романе «Страна живого огня» он стал прототипом главного героя.

И вот что он говорил:

— Популистская политика Горбачева привела к тому, что рост заработной платы стал быстро опережать производительность труда. К концу 90-х разница между денежной массой и массой товарной стала критической. Потому-то и оказались пустыми полки магазинов. Деньги было некуда тратить, и любой товар

тут же сметался с прилавков и исчезал в холодильниках населения. Продовольствия в стране было достаточно.

Нужны были, что называется, непопулярные шаги. Выравнивать товарную и денежную массы путем повышения цен. И все! Но у Рыжкова не хватило на этот шаг решительности, а Горбачев берег свое политическое лицо.»

Никитина, требовавшего решительных действий, Горбачев пытался убрать с дороги.

С начала 90-х в сельском хозяйстве пошел спад. Новые реформаторы использовали все те же старые методы принуждения. Поспешная либерализация цен вызвала еще большие темпы спада.

Цены на сельскохозяйственную продукцию отстали от цен на средства производства, покупаемые селом, более чем в четыре раза.

Принудительная реорганизация колхозов и совхозов, дробление их на мелкие хозяйственные единицы чаще всего вызывали дезорганизацию производства, резкое снижение производительности труда. Нарушенными оказались отработываемые десятилетиями технологии производства, севообороты, племенная, селекционная работа.

Сельское хозяйство оказалось еще раз отброшенным далеко назад, и воспрепятствовать этому разгрому было некому — в стране не было хозяев и слишком мало тех, кто был способен мыслить категориями рыночной экономики.

СССР ввозил в прошлом большое количество зерна. Теперь же Россия стала ввозить само продовольствие, вкладывая таким образом свои средства в сельское хозяйство зарубежья и отказывая в этих средствах собственному крестьянину. А стало это возможным потому, что завышен был по отношению к доллару курс рубля. Поддерживался он за счет траты валютных ресурсов и иностранных займов, сделав тем самым импортную продукцию на рынке более дешевой.

При таких условиях, понятно, никто из отечественных производителей конкуренции не выдерживал, потому что кризис в сель-

ском хозяйстве России привел не просто к отмиранию старого и неэффективного, но стал уничтожать сельское хозяйство в целом.

К концу 90-х из каждых 100 коллективных хозяйств в России 90 оказались убыточными. Из 270 тысяч хозяйств фермерских лишь седьмая часть производила товарную продукцию, остальные же едва-едва обеспечивали себя. Примерно, то же происходило и на Вологодчине. Какой уж тут рынок!

К началу 1999 года объем производства валовой продукции сельского хозяйства России упал в сравнении с 1990 годом на 40 процентов. Последствия переживаемого аграрного кризиса уже превосходили разруху, последовавшую вслед за первой мировой и гражданской войнами, коллективизацией и второй мировой. Как говорится, надо бы на мельницу, да не с чем...

Как ни парадоксально, но от окончательного распада крупное сельское производство удерживали лишь накопленные долги. Основным производителем продовольствия стали мелкие хозяйства и личные огороды...

НЕ БЫЛО СЧАСТЬЯ, ДА НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО...

Русская пословица гласит: «Помирать собирайся, а рожь сей!» Август 1998 года многих привел в сознание. Заповеданная предками истина «На чужой каравай рот не разевай» нашла свое практическое подтверждение. Оказалось, что ввозим из-за рубежа до 50 процентов продовольствия. О какой продовольственной безопасности тут можно говорить!

Но вот стоило доллару рвануть вверх, как выяснилось, что продукция нашего сельского хозяйства вовсе не дороже западной, а наоборот — дешевле. И что качество ее ничуть не хуже, а по многим свойствам и превосходит ее.

Кризис в одночасье сделал нашу собственную продукцию конкурентоспособной, снизил перекося цен и дал сельскому хозяйству надежду на выживание.

Более того, скоро выявились хозяйства, эффективно работающие и получающие прибыль. На глазах стали богатеть крупные молочнотоварные хозяйства в Вологодском, Грязовецком районах, поднялись птицефабрики, откормочные комплексы.

Однако, шли годы, а решимости изменить ситуацию в пользу собственного производителя, наши власти не проявили. И вот снова мы на полном ходу въехали в кризис.

НАД ПРОПАСТЬ ВО РЖИ

Между тем сознание нашего крестьянства остается общинным, коллективистским. Чувство товарищества, чувство локтя, взаимная выручка и поддержка должны помочь селу преодолеть самые тяжелые времена.

В итоге аграрных изменений последних лет случилось так, что крестьянин оказался один на один с хорошо организованным торговым капиталом и местными монополистами — переработчиками сельскохозяйственной продукции. Понятно, что крестьянин проиграл начальный этап соревнования цен, понеся большие убытки.

Помните притчу из «Родной речи» про отца, который отдавал сыновьям последний наказ?

– Попробуйте сломать веник! Не получается? А теперь по одному прутку?

Село должно занять свои, хорошо отлаженные системы защиты. Речь идет о кооперативах, союзах, ассоциациях и иных объединениях производителей, хорошо известных в мировой практике.

В 1918 году знаменитый русский ученый, экономист-аграрник А. В. Чайнов писал о крестьянстве Нечерноземья такие слова: «Может ли наше бедное, бегающее по промыслам, работающее по фабрикам и служащее по городам крестьянство стать действительно крестьянством, к земле прилагающим свой труд, от земли живущим и на земле благоденствующим? Много для этого предстоит сделать многое нужно перестроить в нашей деревне. Нуж-

ны годы, упорной работы каждого крестьянина, каждого кооператора, агронома, чтобы нашу бедную деревню превратить в страну богатой и просвещенной трудовой земледельческой культуры.

Первое дело, которое мы должны сделать – это вернуть назад ее население, бежавшее на отхожие промыслы, и труд его приложить на улучшение родного земледелия...

Само собой понятно, что это нельзя сделать приказом от начальства или изданием какого – либо декрета. Нужно сделать так, чтобы крестьянину незачем было бежать из деревни, чтобы в деревне мог он безбедно жить и найти прибыльные занятия своему труду, чтобы ему некогда было бегать на отхожие промыслы.

Задача эта трудная... но все-таки разрешимая».

Эти слова написаны в начале прошлого века, но актуальности своей не утратили, потому что мы и до сих пор задаемся вопросом: как удержать человека на земле, как сделать так, чтобы земля в полной мере создавала ему благоденствие?»

Так кто же такой известный и, к сожалению, не известный моему поколению ученый? Почему сегодня, спустя почти 50 лет после его смерти (Чаянов был арестован в 1930 году и расстрелян в 1939), мы обращаемся к его трудам и ищем в них полезные советы?

«Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации», «Очерки по экономике трудового сельского хозяйства», «Как организовать крестьянское хозяйство в Нечерноземной полосе» – в этих и других работах ученый обращается к практическим вопросам развития сельского хозяйства, прогнозирует развитие кооперации, уделяет самое пристальное внимание организации и планированию сельскохозяйственных работ. Нам, конечно же, еще предстоит узнать, где и как применимы теории ученого в нынешней работе по переустройству сельской экономики. Но уже сегодня с уверенностью можно сказать, что связь его теоретических разработок и практических рекомендаций с нынешними проблемами очевидна.

Каким видел Чаянов наше Нечерноземье в будущем, какой путь выбирал для его развития? Прежде всего, ученый рекомендовал заниматься здесь разведением молочного и мясного скота; вводить клеверные севообороты, без которых не будет ни кормов, ни молока, ни мяса, ни доходов; выращивать лен, картофель и овощи; развивать в хозяйствах промыслы, чтобы рационально и с пользой использовать зимнее время. И все это — на кооперативной основе.

Выступая в 1918 году на съезде «Лиги аграрных реформ», А. В. Чаянов заявил: «Хозяйство крестьянское — есть прежде всего хозяйство семейное, весь строй которого определяется размером и составом хозяйствующей семьи, соотношением ее потребительских запросов и ее рабочих рук». Немало лет потребовалось для того, чтобы, набивши шишек, мы повернулись-таки лицом к хозяйству семейному и доверили ему самостоятельность на основе подряда.

Накануне коллективизации, в 1927 году, Александр Васильевич писал: «Организаторам коллективного земледелия в первую очередь приходится всегда разрешать два основных вопроса — как наладить в артели рабочую дисциплину и увеличить в психологии коллектива стимулы к повышению напряженности в работе? В решении этих основных проблем ключ всего дела — все остальное в сущности техникам. Дисциплина и осознанная необходимость в увеличении производительности труда коллектива — разве не их мы сегодня ставим во главу угла, говоря о качестве и эффективности работы?»

В лабораториях первого в стране института экономики сельского хозяйства под руководством А. В. Чаянова была разработана модель «местных комбинатов», включающих заводы по переработке сельскохозяйственной продукции ремонтные мастерские, холодильники, склады, элеваторы, зерноочистительные пункты и т. д. Задуманная Чаяновым так называемая кооперация по вертикали сегодня претворяется в жизнь в создании агрофирм.

Глубоко и искренне веря, что будущее за кооперацией, А.

В. Чаянов писал: «Только опираясь на союзное, кооперативное начало обобществленного хозяйства, крестьянство может на своих полях и стойлах использовать все завоевания агрономической науки, и на том месте, где растет теперь один колос, действительно, вырастет два... будущее заставляет нас видеть в нашей работе, там, где поверхностные наблюдатели видят только продажу масла и покупку плуга, будущий грандиозный социально-экономический переворот, превращающий распыленное, стихийное крестьянское хозяйство в стройное хозяйственное целое, в новую систему организации земледелия, и вполне согласиться с мыслью предсмертной статьи Ленина о том что «развитие кооперации во многом совпадает с развитием социализма».

Как известно, кооперации не дано было осуществиться. Система централизации и командования, пренебрежение к интересам самого крестьянства привели к тем перегибам, за которые мы заплатили дорогой ценой. Начавшееся в 80-х обновление деревни, трудный поиск решения многих ее проблем еще и еще раз убеждал нас в жизненности кооперации и правильности идей Чаянова. И мы уже встали на эту дорогу.

Но нас увели с нее. Увели, как стадо баранов, которых уводит козел на мясокомбинат.

2000 г.

РАЗДУМЬЯ НА РОДИНЕ БЕЛОВА

В эту ночь, когда появилось сообщение о кончине Василия Ивановича, я работал с интернетом. И буквально через пятнадцать минут на различных информационных сайтах появилась версия причины, повлекшей за собой смерть писателя. По этой злой версии писатель не смог перенести пришедшей к нему вести о разграблении и осквернении местными жителями восстановленной Беловым на свои деньги в конце восьмидесятых, начале девяностых годов деревенской церкви, возле которой он и завещал себя похоронить.

Сообщение о разграблении и осквернении церкви было придуманным, и никто его не передавал больному Белову и умер он от болезней, но эта фальшивка прилепилась, и с утра только мне позвонили представители десятка всевозможных СМИ, даже из Ганновера звонили по поводу оскверненной церкви.

Хоронить Белова все же решили в Тимонихе, в родном краю, которому он посвятил все свое творчество, который страстно защищал от наступающего запустения всеми доступными ему средствами: в газетах, журналах, книгах, в кабинетах больших чиновников, на трибуне Верховного Совета СССР.

Накануне в Тимониху был направлен бульдозер, который разгрел нетронутые ногой человека снега, открывая доступ к деревне писателя и еще двум соседним деревням — Гридинской и Дружинникову, в которых давно уже не оставалось зимовать ни одного местного жителя...

Друзья и поклонники опустили гроб с телом основателя «деревенской прозы» в мороженую землю, помянули его в родовом доме, протопленном по этому случаю волонтерами, и разъехались по большим и малым городам.

И осталась свежая могилка писателя одна среди безбрежных снегов, затопивших уснувшую округу, где только голодные волки топчут тропы меж деревнями, где еще несколько десятилетий кипела и сверкала красками такая радостная и гармоничная жизнь северной крестьянской цивилизации...

В ту осень я провел две недели в поездках по Краснодарскому краю в поисках народных талантов. И после теплого солнца, ласкового моря, зрелища виноградников без конца и края, буйства фестивальных огней и плясок возвращение на северную родину, где стояла мокропогодная глухая осень, было тягостным. Впервые, любезная сердцу родина представилась заброшенным сельским кладбищем. Теперь еще и Тимониха, и сиротская могилка великого писателя...

Жизнь из наших северных деревень стремительно уходит. И хочется понять: что это? Историческая закономерность, суровая логика рынка, железная поступь технологического прогресса?

Так ли неконкурентоспособным оказалось наше сельскохозяйственное производство?

Еще несколько лет назад под Тотьмой, что находится в среднем течении реки Сухоны, в хозяйстве потомственного крестьянина Бориса Владимировича Жданова рентабельность льноводства составляла около 300 процентов. Мне сказали, что наркомбароны не имеют такой прибыли. В том же хозяйстве урожайность зерновых на протяжении многих лет была около пятидесяти центнеров с гектара, а надои составляли 5 — 6 тысяч литров молока от каждой коровы.

200 лет назад тотьмичи основали в Северной Калифорнии крепость Росс для выращивания продовольствия для промысловиков Аляски. За эти годы сельское хозяйство Калифорнии ушло далеко вперед, однако и здесь на Севере в наших условиях тотемские крестьяне вполне способны конкурировать с американскими земледельцами, работающими в условиях субтропиков.

И таких примеров можно было привести множество.

В Любимском районе Ярославской области в последние годы, благодаря заинтересованному отношению руководства района, стало стремительно развиваться молочное животноводство. Девять самых современных молочных комплексов, словно гигантские насосы, качают молоко самого отличного качества в столицу. И рентабельность опять же около 300 процентов. И климат хозяину не помеха. Значит, можно успешно хозяйствовать, если на то есть политическая воля. Но, увы, повсеместно торжествует идеология управления по принципу «водку выльем, бутылки сдадим, а на вырученные от бутылок деньги купим водки». В Тотьме, например, всеми правдами и неправдами успешного Жданова выжили.

В свое время Николай Верещагин, основатель маслodelьческой отрасли в России говорил, что если есть заливные луга, то не нужны и золотые прииски. Действительно, в 1984 году СССР произвел 2 миллиона тонн сливочного масла, это больше, чем Франция, Англия, Германия и США вместе взятые. С этой вершины Горбачев начал разваливать страну.

Увы, только в Вологодской области за эти годы поголовье молочного скота сократилось с 280 тысяч голов до девяноста. Знаменитые заливные луга, прославившие в свое время Вологодчины вологодским маслом, зарастают диким бурьяном.

Однако, не зря же мудрый Белов завещал похоронить себя в родной Тимонихе, где не осталось ни одного жителя. Наверное, он все же верил подспудно в возрождении села, а вместе с ним и всей России.

Уже давно живет в сердце ощущение, что Тимониха — родная мне деревня, хотя я не так часто и бывал в родовом доме Василия Ивановича. Но все в ней мне родное и близкое: и люди, и река, и бездонное озеро, и окрестные леса и эта дорога из Шапши, многократно описанная Беловым.

Мы задумывали с Сашей Сидельниковым снимать фильм по публицистике Белова. А точнее по его пронзительному очерку «Душа жива». Саня приехал из Питера не один, а с австралийцем, русским по происхождению и душе Алексеем Шандарем. Тот

работал доктором, обслуживая фермерские хозяйства, расположенные вокруг Сиднея.

Он был в России первый раз. Хотя нет. Второй. Он родился в Сибири в суровые годы противостояния и вражды, когда русский бился с русским. Ему было всего два месяца, когда его мать унесла на руках, уходя с отрядами атамана Семенова через границу в Маньжурию...

А далее, как у тысяч и тысяч русских, ушедших от преследований новой власти в Маньжурию, Китай, Австралию, жизнь без родины, которая манила и притягивала невероятной, таинственной, необъяснимой силой...

...Белов в это время собирался в Сербию, изнемогающую под нативскими бомбами, брошенная на произвол судьбы Россией.

Вместе с Сидельниковым и Шандарем мы зашли к Белову в его городскую квартиру. Шандарь, никогда не видевший Белова, был в сильном волнении. Это и понятно, образ и чувство родины и для него во много складывались из книг Василия Ивановича.

Мы тепло побеседовали с писателем и, поскольку Белов не мог с нами ехать, он вручил мне ключ от своего дома в Тимонихе.

Шандарь был счастлив. Он накупил огромный мешок конфет для предполагаемых встреч с деревенскими жителями, и мы поехали, останавливаясь то в Сибле, в которой когда-то жил Астафьев, то в Мартыновке, где обитало целое гнездо вологодских писателей: Полуянов, Багров, Леднев, Славолубова... И всюду Шандарь с мешком конфет, как дед Мороз, трогательно приставал к деревенским старикам, одаривая их сладостями.

Красота вокруг стояла необыкновенная, Осень поражала багряными и золотыми нарядами лесов и деревень.

...Но вот и последний семикилометровый волок от большой деревни Азлы до маленькой Тимонихи. Хотя ехали мы на вездеходном УАЗике, отрезок этот дался нам не просто. Колес были разбиты и полны воды.

Вспомнилось мне история, как однажды к Белову в гости при-

ехал вологодский журналист, лихой гармонист Александр Рачков. Дело было летом, напились чаю, Белов поднялся на светелку книжки писать, а Рачков с беловской гармонью устроился у дома на лавочке.

Часа два жарил. Пусто в деревне, некому сплясать, частушечку гаркнуть. И тут видит Рачков: останавливается против него мужик с чемоданами, весь в мыле.

— Ты что ли играл?

— Я!

— Спасибо тебе. Не гармонь, не дошел бы до дома.

Вышел из автобуса в Азле, попуток нет, а надо идти. Чемоданы чугунные.

И вдруг слышу: беловская гармонь играет. Откуда силы взялись. Подхватил чемоданы и ходу. Кончится игра, чемоданы из рук валятся. Так под гармошку и дошел...

Белов и сам гармонист хороший. Рассказывал мне

Петр Алексеевич Неклюдов, бывший редактор Грязовецкой районной газеты «Сельская новь», как принял Васю Белова, деревенского паренька после ПТУ на должность корреспондента.

И вот как-то раз приходит в газету письмо от селькора из дальнего колхоза, в котором очень живописно рассказывается о колхозной растащиловке. Была в письме фраза, которая очень понравилась Белову — «украли стог наилучшего сена». И все в письме было убедительно и до банальности правдиво.

Нужно бы выехать на место, разобраться, но Белов доверился и сдал письмо в печать, добавив от себя перчику. Фельетон так и назывался; «Украли стог наилучшего сена».

Через несколько дней приходит в редакцию очень нелicenseприятное опровержение, которое подписали почти все члены колхоза.

Надо как-то гасить конфликт. Неклюдов забирает Белова, и едут они в Сидорово, в ту самую дальнюю бригаду, где сено якобы украли.

Народу собралась полная бригадирова изба. Хмурые, злые сидят, на журналистов враждебно смотрят. Неклюдов уж думает,

как бы не навалили...

А Белов приметил гармошку в углу, подтащил к себе, начал голоса пробовать.

Кто-то говорит:

– Чего кота за хвост дергать, играй по- настоящему!

Белов заиграл увереннее.

Народ повеселел.

– Жарь, – кричат, – на полную катушку....

Вася и пошел жарить. Кто-то не выдержал и в пляс пошел. И понеслось. Столы задвигали, заслонкой печной загремели, кто-то в магазин, кто домой за пирогами...

До полуночи плясали да за здоровье гостей пили...

В конце застолья говорят:

– Никакого нам от вас опроверженья не надо. Мы на вас зла не держим. Почаще, приезжайте к нам с этим гармонистом!

Белова всегда восторгало народное творчество. Мне довелось быть у него в гостях, когда пришло известие о присуждении Василию Ивановичу Государственной премии за «Воспитание по доктору Споку». Тогда еще не отказывавшийся от стопки, Василий Иванович выставил бутылку, но почему-то водка не пошла. И вообще я заметил, что Василий Иванович не испытал большой радости от премии.

Он пошел меня провожать по ночной Вологде. Мы дошли уже до водонапорной башни, и тут я спел ему частушку, появившуюся в связи с введением зимнего времени... Частушка была почти непечатного свойства:

«У народа час отняли,
Ералаш на глобусе...»

И тут Белов прямо-таки подпрыгнул от радости:

– Вот народ! Вот дает!

Мне показалось, что эта частушка принесла Белову больше радости, чем известие о премии.

Наверное, в 1978 году ранним летом Василию Ивановичу дали от обкома партии квартиру во « Дворянском гнезде». И мы

пятеро добровольцев перевозили скарб Василия Ивановича с Октябрьской, еще не понимая, на какую работу подписались. Неплохо жили вологодские классики, партия о них заботилась, и денежки у них водились. Целый день таскали мы диваны, кресла, столы, стенки, огромное, не поддающееся учету количество книг, картин... Уже на закате взмыленные уселись мы за стол, приготовленный Анфисой Ивановной на кухне старой квартиры.

Василий Иванович ворчал. Новая квартира не радовала.

— Вот тут я привык работать, эта березка мне в окно заглядывала, нашептывала чего-то. А там — каменный мешок. Глазу не за что зацепиться. Так надо им, давай, давай!

Выпили по стопке, похлебали «супцю», приходя в себя от тяжелейших трудов. Был с нами молодой сотрудник, работавший у меня в сельском отделе «Вологодского комсомольца» Толя Смирнов. Он жил в деревне около станции Дикой, перебивался в общаге обкома комсомола и собирал документы для поступления в Литературный институт на поэтическое отделение.

На Белова Толя смотрел не веря самому себе, как на Бога, который почему-то спустился с небес и запросто сидит с нами и ест суп. Но недолго он молчал ошарашено, уже со второй стопкой он встал и срывающимся голосом стал говорить тост, чтобы мы выпили за великую честь, за великого писателя, создателя великих произведений...

Белов досадливо крикнул. Толю пришлось отправить домой, поскольку он так и не пришел в себя от потрясения, постигшего его.

Утром я узнал, что пытаюсь погасить бушующие чувства от встречи с великим писателем, он купил водки, выпил у себя в комнатке и стал полемизировать с воображаемым противником, выкрикивая обвинения несуществующему оппоненту: «Я поэт, а ты дерьмо!» и так разошелся, что соседи вызвали милицию, думая, что за стенкой начинается драка. Забегая вперед, скажу, что в Литинститут Толя поступил, стихи у него были хорошие, но присущая ему восторженность души, подвигла его весной повторить поступок Юрия Кузнецова — выпрыгнуть

в раскрытое окно пятого этажа. Толя переломал ноги, из института его отчислили, он продолжал писать стихи, но уже не столь страстные.

Надо сказать, что в семидесятых, восьмидесятых годах под шатром сформировавшихся, известных и великих писателей Вологодчины вышло такое количество молодого подраста, что если бы все они благополучно развивались, то сегодня мы имели бы столько поэтов, прозаиков, которых в лихвой, как говорил Василий Иванович, хватило бы на какую-либо Европейскую страну. Однако новой России 90-х мыслители и поэты были не нужны.

В тот весенний вечер, сидя у раскрытого окна напротив любимой березки Белова, мы пели. Сережа Чухин, подыгрывая одной гитарной струной, закрыв глаза, пел старинную шалыпинскую:

«Ничего в волнах не видно, не видно... Только слышно да только слышно... Одна лодочка чернеет...»

Василий Иванович радовался и хвалил Сергея:

— Настоящий талант виден сразу.

Но таланту Чухина тоже не случилось развиваться по своему дарованию. На поэтической площадке Вологодчины было уже тесно, и издавать книжки Чухину удавалось редко. А жить было нечем..

В сумерках стали расходиться. Мы вышли во двор, где стоял УАЗик Белова.

— Ты не торопиться? Давай, посидим еще в машине, — предложил Белов. — Надоела эта суета, толкотня... Махнуть бы куда, где попроще.

— Поехали ко мне в деревню, проведем Валентина Муравьева... В бане попаримся...

Валентин Федорович Муравьев, мой старший друг, работал тогда директором Шекснинской птицефабрики.

— Вальку я люблю, — обрадовался Белов. — Настоящий мужик. Поехали!

Но тут открылась дверь соседнего дома и на улицу вышли,

воровато оглядываясь, два молодца.

— Кегебешники, — сказал убежденно Василий Иванович. — Я эту породу на расстоянии чую. Не понимаю, как можно быть плотью от плоти своего народа, а становиться палачами его и соглядателями. Хочу большой роман написать об этом.

А молодцы уже увидели машину и нас, сидящих в ней.

— Василий Иванович! — Запричитали они, — какая радость! Подпишите книжки.

— Какие книги среди ночи! — резко ответил Белов.

— Тогда просьба к вам: отвезите нас в бассейн! Нас там ждут!

— При одном условии, — отвечал резко Белов. — Что мы с Толей в этом бассейне будем плавать. И чтобы нигде не моя фамилия не звучала.

— Все будет в лучшем виде, Василий Иванович. Мы только за полотенцами сбегает.

Белов оказался прав, это были сотрудники «органов», которые находились в учебном отпуске и сдавали хвосты и зачеты в вологодском филиале юридической академии. Они решили устроить ночное купание своим московским преподавателям в городском бассейне. И тут подвернулись мы с Беловым.

Все-таки Василий Иванович был большим авантюристом.

Мы плавали в бассейне скромно. Отдельно от резвящихся юристов, ведя тихие разговоры. На Белове были большие голубенькие домашние трусы, которые вместе с воинственно торчащей бородой придавали ему довольно странный сказочный вид.

— Представляешь, первый раз здесь. Это купание в сорок тысяч рубликов обошлось.

— Как так?

— Когда я был секретарем Грязовецкого райкома комсомола на субботниках и воскресниках мы заработали сорок тысяч рублей и перечислили в фонд строительство областного центра молодежи. А построили бассейн... Вот и получается, что наше купание обошлось в сорок тысяч. Кто еще из грязовецких колхозников в этом бассейне купался?

Тут юридическая часть купавшихся, чувствовавшая себя хозя-

евами бассейна, играя мышцами, поднялась на вышку, и стала провоцировать Белова прыгнуть с десятиметровой высоты.

– А что, Василий Иванович! Слабо прыгнуть?

И тут Белов подплыл к нырляке и стал подниматься наверх, сердито сопя.

– Василий Иванович! – Бежал я следом, вернись. – Я прыгну за тебя. Для меня это привычно.

– Нет! Я буду прыгать.

Остановить его было невозможно. Харовский, упертый характер взадир. Но когда он вышел на доску трамплина, и доска качнулась, когда огляделся и понял на какой он жуткой высоте, я увидел, что ноги его дрогнули.

– Василий Иванович!

Но было поздно. Белов хотел нырнуть руками вниз – «рыбкой», и уже начал движение, но передумал, решив прыгать «солдатиком», а в итоге сорвался с доски плашкой, не успев развернуться ни в верх, ни в низ. Удар о воду был жуткий.

Я тут же нырнул за ним. Когда я выскочил на поверхность, Белов был рядом. Тело его было красно, трусы сорвало... Но преодолевая боль, он похоже радовался.

– Брюхо отбило напрочь! Брюхо лопнет наплевать, под рубашкой не видать... А вот глаз выхвостнуло.

Он не подал своим предполагаемым соперникам никакого вида поражения...

Потом мы еще сидели в гостинице у московских юристов. Последние заискивали перед Беловым, а он был с ними довольно резок. Кто принялся читать свои стихи. Белов его остановил.

– Не надо Вам писать. Это графомания...

На этом и расстались. В деревню было ехать поздно или еще рано, и Белов вернулся в свою новую квартиру, я в свою комнату на улице Яшина.

Кстати сказать, мне еще раз довелось перевозить Белова с квартиры на квартиру. Это было уже в 86 году. Белову дали квартиру в новом обкомовском доме. Вещей, книг оказалось еще больше. Мы едва управились к вечеру. С нами пошли грузить

и таскать вещи еще два старших товарища из партийной газеты «Красный Север», которых мучило похмелье. А похмелиться обычным порядком в ту пору в Вологде да и во всей стране было практически невозможно. В стране не без стараний Белова вовсю боролись с пьянством.

Они надеялись, что Василий Иванович проставится.

И вот к вечеру мы разгрузили старую квартиру Белова и по традиции сели за стол. Анфиса Ивановна, мать Белова приготовила нам обед, выставила пироги. Слово было за хозяином, но водки на столе не появилось, наши старшие товарищи с тоской смотрели на Белова.

Белов хитро усмехнулся.

– Водки нет у меня, – сказал он, наконец. – Водка – отрава. Не могу же я травить своих друзей.

На наших товарищей было больно смотреть.

– Не знаю, был у меня на балконе оденок «Рябины на коньяке», – сказал Белов, нехотя поднимаясь.

Через минуту он поставил на стол откупоренную и наполовину пустую бутылку с «Рябиной на коньяке». В бутылке кверху ногами плавала большая зеленая муха.

...Праздновали юбилей Романова Александра Александровича в деревне Петряево. Тогда уже ни Белов, ни я не пили горькой. И мы пошли из душной избы прогуляться, вспоминая истории из крестьянской жизни. На берегу Корбанги мы разделись и вошли в реку. Она была настолько мелка, что едва достигала нам по щиколотки. Мы шли по реке в поисках какой-нибудь глубокой подбережицы, но увы...

Под ногами песок и пустые раковины. Белов поднимал их и разглядывал перламутровую внутренность.

– Ты знаешь, раньше крестьяне добывали в этих раковинах жемчуг. Жемчуг перекатный. У каждой крестьянки был кокошник вышитый этим жемчугом. Мы плохо знаем свою историю и крестьянский быт. Крестьянская семья была очень богатой, но это богатство было иного свойства, которое деньгами не оценишь.

Мы снова вышли на берег. И тут я заметил, что наша одежда разбросана в беспорядке по лугу. Карманы моей рубашки вывернуты. Рядом валялось писательское удостоверение и изжеванные долларовые бумажки.

Это похозяйничали овцы, которые паслись на лугу.

У Белова тоже были вывернуты карманы, но его деньги были не тронуты.

Василий Иванович даже обиделся.

— Ты посмотри, даже скотина нашими деревянными рублями погнушалась. Жди беды!

А беда уже не спрашиваясь валила в наши ворота...

...Мы топим печь в родовом доме Белова. Постепенно стены его наполняются жилым духом и теплом. Чищу картошку, приправив ее сметаной, ставлю в печь. Нет ничего вкуснее тушеной в русской печи картошки.

Только сели за стол, как на пороге, держась за глаз, появляется сосед Белова Фауст Иванович.

Когда-то они с Василием Ивановичем ходили вместе в школу. Белов стал плотником, из плотников вышел в писатели, а Фауст стал колхозным конюхом. У него тогда была в своем хозяйстве лошадь, не считая, коровы.

Хозяйство это требовало расширения земельных угодий, и мне рассказывали, что Фауст постепенно теснит Белова, прирезая себе лишние сотки из беловских, якобы гуляющих, владений. Надо знать, что нет ничего тягостнее в России земельных споров. И поэтому в отношениях соседей, как говорили мне, была некоторая напряженность.

И тут на пороге появляется Фауст в бедственном положении. Ночью он бродил по лесу в поисках сбежавшей лошади и глазом напоролся на куст. Глаз воспалился и болит. Фауст пытался лечить его прогреванием на печке, но стало только хуже. Фауст хотел, чтобы его отвезли в больницу.

Пришел звездный час Шандаря. Оказалось, что в его походной поклаже, есть все инструменты для оказания помощи страдающему Фаусту.

Очень скоро австралиец извлек из глаза русского крестьянина уж если не бревно, но изрядную деревяшку, промыл глаз и дал домой глазных капель.

Фауст ушел ненадолго. Скоро он вернулся с куском баранины, чтобы мы сварили себе щей.

Наутро мы проснулись от залихватских частушек, звучавших за окном. По деревне, запряженная одноколкой, шла пегая лошадь. В телеге, словно цезарь в колеснице, в несгибаемом дождевике стоял мужик в треухе и голосил на все округу:

«Мы не свататься приехали,
Не девок выбирать...
Мы приехали подраться,
Из наганов пострелять...»

Гремя молочным бидоном, колесница проехала дальше на Азлу, а доме появился Анатолий Заболоцкий, кинооператор, работавший когда-то с Василием Шукшиным. В соседней деревне у него был огромный крестьянский дом, подаренный Беловым. Анатолий вот уже несколько лет пытался его восстановить его, заменить прогнившие нижние венцы.

Он потащил нас прогуляться по ближайшим деревням, познакомится с местными жителями. Мы вручили в руки Анатолию Дмитриевичу видеокамеру, которую он принял с сомнением.

— Я дал себе зарок более не снимать кино. Только фотокамера...

Мы шли от дома к дому, радуясь новым знакомым, которые не переставали удивлять нас судьбами, умением устного рассказа.

Мы были в деревне Дружинниково, когда из лесов и дол донеслись залихватские песни под звон пустого бидона:

«Хулиган я хулиган,
Хулиган я временный,
Не скажу в какой деревне
Есть мужик беременный...»

Это возвращался домой наш молоковоз, сдавший в Азле молоко.

Заболоцкий восторженно и крепче ухватил видеокамеру.

Через пять минут у завора, преграждавшего въезд в деревню, появился наш герой. Из дома заполошно выбежала женщина и стала торопливо открывать въезд. Заболоцкий снимал сцену неотрывно: как вышел деревенский цезарь из колесницы, как величественно бросил жене вожжи, как всплянул на крылечке и царственно вошел в дом.

— Это шедевр! — Выдохнул Анатолий. — Это не хуже, чем у Шукшина в «Калине красной» сцена с реальной бабушкой в окне...

Мы не смогли снять фильм о деревне Белова начала девяностых. Как я уже писал Саню Сидельникова нашла пуля снайпера у Белого Дома.

...К семидесятилетнему юбилею Белова меня попросили написать сценарий и выступить в качестве ведущего этого вечера в вологодском областном драматическом театре.

Я решил поставить на сцене большой стол с яствами с пяти ведерным самоваром в центре. Яства — крестьянские пироги всевозможные, варенье, мед, ягоды для гостей... На заднике был изображен дом Белова. На сцене стояли телеги, в которых на мешках лежали и сидели дети. Получилось красиво. Белову эскиз понравился. Понравился и сценарий. Но сам он, зная свой ершистый характер, сказал мне:

— Ты, если я там начну не то городить, возьми как-нибудь палку и дай мне по башке...

— Прямо на сцене? — Засмеялся я.

— А что? Бей, не жалея. И жена моя просила это тебе передать.

Да, я знал, как трудно управиться с Василием Ивановичем, вписать его в заранее подготовленный сценарий...

И вот юбилейный вечер. Зал полон. Гости из Москвы, дальнего и ближнего Зарубежья, из русских городов, вологодских деревень.

Перед сценой опустился занавес, возникла дорога, ведущая в Тимонику, и Василий Иванович, идущий этой дорогой. Хотя и шагал он с палочкой, но он быстро увеличивался и вот уже огромный, во весь экран, шагнул в зрительный зал.

Когда поднялся экран и Белов, настоящий, в сопровождении детей под величальные песни вышел на сцену, зал встал и устроил овацию.

Но едва стихли аплодисменты, как сценарий мой был погран.

Остановившись перед накрытым столом, Белов прищурился и спросил ехидно меня:

– А за чей счет этот банкет? На народные деньги гуляем?

– Конечно, на народные, – пришлось отвечать мне. – Пирогги народ напек, мед, ягоды, варенья – все из вологодских деревень поклонники прислали. Ну, а на чай писатели скинулись.

– Ну, тогда ладно, – согласился Белов, но садиться в предложенное кресло не стал. – Яшин всегда так спрашивал, за чей счет гуляем? Дай-ка, лучше мне микрофон, я тут всю ночь выступление на бумажке писал, надо прочитать народу.

– Да ведь мы договорились работать по сценарию, – отказал я ему и микрофона не дал. – Вот придет время, и я передам микрофон.

– Нет, ты мне сейчас дай!

Признаться, мне захотелось стукнуть его микрофоном по голове, как он и просил заранее.

Но публика уже скандировала:

– Белову слово!

Все мои сценарные придумки с музыкой, пением, деревенскими звуками, чтением замечательных страниц из беловского очерка «Душа бессмертна», рухнули.

Я передал обреченно Василию Ивановичу, который что-то напряженно искал по карманам, включенный микрофон.

– Выступление свое потерял. Придется так говорить. – Сказал он в микрофон.

– Слово! – Скандировал зал.

— Ладно, — обратился он в зал, — скажу. Тут у меня вчера последний зуб вывалился. Ха-а. Зуб мудрости. И только тогда я понял, что я не еврей. Слышите, я больше не картавлю...

Тут он повернулся ко мне:

— Кажется, я наговорил лишку. Теперь мне от жены влетит. — И передал мне микрофон. — Веди дальше...

За десять последующих лет Тимониха вовсе обезлюдела. Василий Иванович болел сильно и уже не в состоянии был присматривать за своим деревенским хозяйством. Дурная трава захлестнула деревню, в доме Фауста прямо в крыльце выросла черемуха. Придет весна и случайно брошенный окурок может смести деревню за полчаса.

Как помочь? И чем помочь? Раздражали многолетние пустые разговоры о необходимости создания заповедника в Тимохине.

Я позвонил главе Харовского района Александру Мазуеву:

— Давай, хоть какое-то конкретное дело сделаем. Я предлагаю в июле проводить традиционный трудовой фестиваль; «Сенокос в Тимохине». Может быть, таким образом, начнем спасать деревню.

Идея нашла поддержку. Мы распространили ее по деревням Азлецкого поселения, в котором жило 700 человек, а летом оно увеличивалось до полутора тысяч. Неужели силами этого народа не привести в порядок знаменитое литературное место?

Оказалось, можно навести порядок не только в Тимохине, но вокруг собственных домов.

На фестиваль в Тимохине съехалось около тысячи человек: из Азлы, Харовска, Вологды, Москвы. Только из Москвы приехало более 10 человек, пожелавших с косой в руках внести свой вклад в облагораживание Тимохихи.

Тимониха преобразилась на глазах. Привезли Василия Ивановича, принесли его на руках в дом, ноги уже не подчинялись ему, посадили на лавку. Он сидел у раскрытого окна, любуясь, как споро рождаются стога на луговине около его дома.

Подвели итоги соревнования косарей, стогометателей, вручили дипломы и немудреные сувениры. Среди женщин неожи-

данно в числе победителей оказалась директор фестиваля «Золотой Витязь» Наталья Полукарова из Москвы, привезшая Белову поклон от Николая Бурляева с видеофильмом « Все впереди»...

Николай считал, что Белов сердится на его за этот фильм, несогласный с творческой интерпретацией знаменитого романа Белова. Много лет между ними не было общения. И какова же была радость у этой женщины, когда Белов, приняв фильм Бурляева, сказал вдруг:

– Хороший фильм. Передайте Николаю мою признательность...

Я пришел к Василию Ивановичу в избу сел рядом с ним на лавку. На глазах его блеснули слезы.

– Давай, Толя, выпьем по рюмке. Ольга, подай нам коньку.

Ольга Сергеевна, жена Белова принесла бутылку с коньяком.

– Василий Иванович, ты знаешь, я не пью с тех пор, как ты начал борьбу с пьянством в России. А ты, если хочешь, выпей. Я с тобой чокнусь.

Я достал из сумки свою книжку с недавно вышедшим романом «Страна живого огня» и, подписав «Василию Ивановичу от автора с любовью» – подал Белову.

Василий Иванович взял книжку и стал писать ниже моего автографа: «Анатолию Ехалову – дружески.»

– Вася! Остановила его Ольга Сергеевна. – Это же Толина книжка.

– Какая разница! – Ответил ей задиристо Белов и поставил свою подпись.

2012 г.

МЫ ВОШЛИ В РАЙ

В середине девяностых годов в Сирии был Василий Иванович Белов. В качестве секретаря Союза Писателей РФ подписал договор о дружбе с писателями Сирии за утверждение прогрессивной гуманитарной культуры, за возвращение достоинства человека...

Спустя девять лет с Олегом Бавыкиным и Александром Казинцевым отправились мы по проторенной Беловым дороге на ближний Восток.

Поездку в воюющую страну, из которой самолетами МЧС вывозят беженцев, когда миллионы сирийцев пытаются найти спасение за пределами родины, многие наши знакомые называли безумием. Но ведь мы и ехали туда не загорать на средиземноморских пляжах. Сегодня обстановка вокруг России да и во всем мире такова, что принцип страуса вряд ли поможет нам. Мы ехали солидаризироваться с писателями Сирии, стремясь увидеть собственными глазами происходящие там события.

Нынче самолет сирийских авиалиний летит из Москвы до Дамаска вдвое дольше, чем было еще совсем недавно. Над Украиной лететь опасно, могут сбить, через северные территории Сирии, находящиеся под контролем ИГ, так же нельзя. Летим над Каспийским морем, бывшим в древности, как говорят легенды, океаном Тасис, потом уходим влево на территорию спокойного сегодня Ирана и через Иран с заднего южного двора Сирии заходим на посадку в Дамаске.

В Дамаске глубокая ночь. В столичном аэропорту малолюдно и тихо, как в нынешнем вологодском. Нас ждут: объятия, кофе и вот мы уже спешим на мини автобусе писателей в самый древний город мира.

Справочники для туристов, как воспоминание о том замечательном мирном времени, рассказывают: «Дамаск — столица

Сирийской Арабской Республики, государства на Ближнем Востоке, на восточном побережье Средиземного моря. Город расположен на высоте 700 м над уровнем моря у подножия горы Касьюн. Дамаск — один из древнейших на Земле городов. Историки предполагают, что имя городу дал Сим, сын Ноя, строителя знаменитого ковчега.»

Дорогой нам рассказывают, что первая стена, воздвигнутая после всемирного потопа находится в Дамаске. И к ней можно сходить, потрогать ее руками, сфотографироваться на память. И что некоторые историки считают, что возраст Дамаска следует исчислять от Адама. По их мнению, Адам и Ева якобы поселились в районе Дамаска. Хотя эта гипотеза не нашло пока документального подтверждения в виде конкретных археологических находок.

Но Дамаск, действительно, относится к числу древнейших городов мира. Он был под властью египетских фараонов, был центром Дамасского царства, входил в состав Ассирии, Новоавилонского царства, Персии и державы Александра Македонского. Так же им владел Рим, Византия, был он столицей арабского халифата, подвергался нашествию монголов и был разрушен войсками Тамерлана. С 1516 г. до конца Первой мировой войны Дамаск входил в состав Османской империи.

В конце 1918 г. Дамаск был оккупирован Англией, а затем передан Франции. И только в 1943 году Сирия была провозглашена независимой республикой.»

Утром с балкона гостиницы Дама Роз я увидел этот прекрасный город, широко и живописно раскинувшийся в долине реки Барада, в центре огромного оазиса. На десятки километров тянутся здесь фруктовые сады и оливковые рощи.

Предание гласит, что пророк Мухаммед, подойдя с войском к Дамаску, был настолько им восхищен, что отказался войти в него. « Невозможно войти в рай дважды, — будто бы сказал он. — Я не хочу попадать в рай до того, как умру».

С утра мы встречались с писателями Сирии. В свое время Хафис Ассад, отец нынешнего президента построил современное

семиэтажное здание и подарил его писательской организации. И этот подарок позволяет и сегодня писателям переживать трудные времена. Два этажа занимают писатели, а пять они сдают в аренду богатой нефтяной компании. Вырученный от аренды миллион долларов идет на содержание штата, издательскую деятельность, зарплату писателям, независимо от того, где у писателя основное место работы: то ли он ученый, преподаватель, врач, строитель, инженер, он получает зарплату за писательский труд, пусть даже не большую. Этих доходов хватает даже на пенсию писателям.

Дело в том, что по достижению определенного возраста, писателей здесь торжественно провожают на пенсию, вручая им конверты с деньгами, подарки, дипломы. С этого момента,

писатель теряет право участвовать в выборных органах, и сам выбирать.

Разумное правило, дающее возможность расти и развиваться молодым дарованиям. Если бы его применить к нашей писательской организации, то в рядах ее остались бы единицы молодых и растущих...

В Сирии и президент, и правительство понимают, каким мощным созидающим инструментом государственного строительства, культурно и социальной политики может быть перо писателя, если оно трудится в интересах народа, строящего в стране социализм. И наоборот, может стать оружием страшной разрушительной силы, в чем мы смогли убедиться на собственном примере...

В первые два-три дня мы встречались с вице-президентом страны, руководителем партии Баас, министром культуры, молодым энергичным чиновником, еще вчера возглавлявшем писательскую организацию Сирии.

Министр с первых минут встречи обозначил приоритеты воюющей страны:

— Культура выше политики...

Рассказывают, однажды Уинстону Черчиллю принесли на подпись бюджет Англии.

— А где же здесь культура? — Спросил Премьер.

– Какая культура, сэр? Ведь идет война! – отвечал ему министр финансов.

– Если нет культуры, тогда непонятно, за что воюем?

Наверное, историки, анализирующие нашу новейшую историю, будут искать те условия, которые удержали от распада в девяностые годы Великую державу – Российскую Федерацию. Мы знаем этот ответ – культура.

И в ней не последнее место отведено народной культуре и ее яркому выразителю, Василию Белову, защитнику, собирателю талантов а ровно, как и самой России, Геннадию Заволокину. Его уникальной программе «Играй, гармонь!» Тысячам и тысячам хранителям и работникам народной культуры по деревням и селам, которые трудились за гроши, сберегали ее для будущих поколений, выполняя задачу сохранения и укрепления нашего государства. Теперь и эти гроши у них отбирают.

Сегодня народная культура, этот цемент, скрепа государственности нашей, нуждается в защите. Современные политики во многом исповедуют поклонение Золотому Тельцу, отправляя культуру на последнее место в иерархии современных ценностей. И защищать культуру нужно решительно и без компромиссов.

Иначе, какой смысл в нашей борьбе за будущее Великой России, если в ней не будет места культуре... Грош цена такой державе, которая будет готова рассыпаться при любом дуновении ветра.

...Дамаск и сама Сирия, словно огромный восточный сундук наполнен сокровищами древностей.

И эти сокровища сейчас уничтожаются в огне гражданской войны.

И там, и тут говорили о ценностях восточных и западных. Одни – ценности человеческих отношений и любви, другие – поклонение золотому тельцу, которое несет ложь, фальшь, кровопролития и разруху.

В Дамаске время от времени гремят взрывы. Только что мина попала в административное здание губернатора.

Линия фронта в восьми километрах. Там уже другое государство, где, судя по телевизионным программам, режут несогласным головы.

Но что удивительно, народ спокоен, доброжелателен и жизнерадостен. Даже ополченцы и военные на многочисленных блокпостах.

Дамаск превращен в крепость. Каждый квартал, каждая улица готова выдержать наступление и танков и пехоты...

На каждом перекрестке шлагбаумы, ополченцы и военные дотошно проверяют миноискателями каждую машины. И все улыбаются друг другу, как родным и близким. Такое ощущение, что все сирийцы старые добрые знакомцы или родня.

Вспомните нашего полицейского гаишника, который идет к вам, поигрывая жезлом, словно вы самый последний преступник на земле. А здесь война. Или, может быть, война и сближает людей и делает человеческие отношения добросердечными, ожесточая сердца против врага?

Наша машина вне проверок. «Руси» и «Москва» – пароль через все блок-посты.

В старом городе сегодня праздник – День музыки. На эстраде у стены с древнегреческими письменами напротив самой большой в мире мечети Омейядов, в которой хранится рака с головой Иоанна Крестителя, играет духовой оркестр.

Девушки и парни, дети танцуют под музыку. И почти не видно женщин в хетджабах. Однако завтра начнется мусульманский пост и женщины скроют свои лица.

В самом старом городе мира на древних стенах с греческими письменами – свастики с северных старинных полотенец. Вот он где наш орнамент! Специалисты говорят, что наши северные обережные орнаменты являются материнскими по отношению к древне-греческим. « Старый город», окруженный римской стеной и сохранивший во многих местах доантичную планировку, с мавзолеем Салах ад-Дина, в котором покоится прах легендарного султана, начавшего изгнание крестоносцев с Востока, с Музеем искусства и народных традиций, с многочисленными

средневековыми медресе и рынками, внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО

В городе Дамаск множество музеев, как частных, так и государственных. Среди которых особенно выделяется Национальный музей, славящийся собранием уникальных экспонатов древних цивилизаций от Месопотамии до Финикии, первых образцов письменности, коллекцией провинциального античного искусства, знаменитой коллекцией оружия.

Вечером мы ужинали на открытой террасе гостиницы. Часов около двадцати двух начался обстрел. Взрывы следовали одни за одним. Три, пять, десять... Скоро они стали уже подбираться к гостинице. Какой-то театр абсурда: сзади нас звучала латиноамериканская музыка, танцевали пары, впереди гремели взрывы, молчаливые официанты лишь мрачнели лицами.

Здесь не любят говорить о войне и разрушениях. Наверное, это потому, что война и так разогнала посетителей. Ночью за окном раздавался гул самолетов. Потом прогремело несколько мощных взрывов.

Утром мы узнали, что было обстреляно министерство культуры. И я подумал, что культура, прежде всего, становится объектом уничтожения. У нас нет войны, но у нас культура на последнем месте. Все бюджетные сокращения начинаются с культуры. Водитель рассказал, что две мины попали в соседнее административное здание и два человека, сидевшие в машине, убиты. И что ночью авиация подавила огневые точки, досаждавшие городу.

Вот о чем говорили на встречах писатели из Сирии сегодня. О том, что арабская весна – это инструмент разрушения в руках Америки. Сирия – задний двор России. Задавить ее – значит, лишить Россию интересов в арабском мире. Санкции против Сирии не дали результатов, тогда начались военные действия. Исламское государство – дочернее предприятие Америки.

О том, что 83 государства участвуют в этой агрессии против Сирии. Одни поставляют наемников, другие финансируют, третьи поставляют оружие, четвертые обучают террористов.

137 телеканалов работают на них. Идет страшное информа-

ционно-идеологическое давление, реальные события искажаются. В Турции — центр антисирийской коалиции: здесь Саудовская Аравия, Бахрейн, Марокко, Тунис. Иордания... И вот всей этой силе противостоит маленькая Сирия размером с Вологодскую область с населением в 20 миллионов человек, расколотым гражданской войной. На ее стороне только Ливан, Иран и Палестина.

Доктор технических наук Ибрагим Истанбули, переводчик из Тартуса дополнил:

— Не вся Палестина стояла и стоит на стороне сирийского народа и государства, наоборот очень многие палестинцы, живущие в Сирии и родившиеся в Сирии, а так же и прибывшие из за границы — присоединялись к террористической войне против законного правительства и участвовали во многих террористических актах и боях против сирийской армии....

С особой надеждой смотрят сирийцы на Россию, которая сама бьется в тенетах мировой закулисы. Будет сильной Россия, считают сирийские писатели — рабочие и крестьяне всего мира будут счастливы...

Сирия вопреки страшному давлению со стороны империализма продолжает строить — социализм.

Мы встречались со многими сирийцами, довольно хорошо говорящими по-русски. Это те, кто в семидесятых-восемидесятых годах учился в Советском Союзе. Они считают это время лучшими годами своей жизни и боготворят русский народ.

Их 37 тысяч. И они даже писали Путину, предлагая ему свою поддержку. Правда, ответа не получили.

— Я по долгу своей службы, — рассказывал мне один сириец, доктор технических наук, — объехал весь мир. И со всей ответственностью могу сказать, что лучше русских, советских людей нет во всем мире. Самые добрые, открытые, честные, душевные — русские....

Можно сказать, что Сирия оправляется от страшных ударов и ран и строит планы на свое счастливой будущее. И поездив по воюющей стране, мы уверовали, что она сможет преодолеть

этот страшный для нее период. По всем городам, трассам, которые находятся под контролем сирийской армии и ополчения, и находятся в идеальном состоянии, висят баннеры, но не рекламные.

На них портреты героев, которые отдали свою жизнь в этой борьбе. Их много, очень много ушедших безвременно, отдавших свои жизни за Сирию. Но растет ополчение, пополняется молодыми ребятами. Сирия сражается.

...По Сирии нас возил начальник гаража Союза писателей, пожилой темнолицый араб, которого, казалось, знает весь шести-миллионный Дамаск. Он поразил нас в первый же день. Выехав из ворот Союза писателей, мы тут же попали в безнадежную автомобильную пробку. И вот тут наш водитель умудрился развернуться в пробке и двинулся встреч потоку. Улица была с односторонним движением, ехать было некуда, и мы подумали, что водитель сошел с ума. Но никто из участников движения даже и бровью не повел, чтобы выразить возмущение, как это бывает у нас. Видели эти безумные маневры и полицейские, но также не прореагировали.

И чудо: кто-то подвинулся, кто-то сдал назад, и через минуту мы покинули пробку и вырвались на широкий проспект.

По Дамаску ездят, нарушая все возможные правила. В потоке – машины, мотоциклисты, велосипедисты, пешеходы, вездесущие цыганки, собирающие свою дань, беженцы. Едут на красный, по встречной, пересекая сплошные и двойные сплошные...

Мы не видели за неделю ни одной аварии, ни одной стычки, ни одного гаишника, остановившего водителя за нарушение правил... И поняли главное правило сирийских дорог: если человек нарушает правила, значит, у него есть на то причина. Значит, ему надо. И все относятся к этому с пониманием.

Даже приветливые и улыбающиеся гаишники. А ведь в городе война. Дороги разделены бетонными блоками, на каждом перекрестке блокпосты, противотанковые ежи, колючая проволока и спираль Бруно...

И часть Дамаска под контролем боевиков ИГ. Видя эту доброжелательность и приветливость на улицах в Дамаске, невольно думаешь, как могло статься, что араб пошел на араба, брат на брата.

Кто разделил этот великий богатейший арабский мир, кто стравил между собой сирийцев на этой благословенной земле, дающей до четырех урожаев в год...

...Едем из Дамаска в Тартус, город на берегу Средиземного моря. Машина пришла за нами с опозданием. Поехали объездной дорогой. Сопровождающий нас сирийский писатель сказал, что это он предпринял специальные меры предосторожности.

Мы стали слишком заметным объектом для ИГ. О нашем визите писали все газеты, показывали все проправительственные телеканалы. А поэтому никто не должен знать, по какой дороге мы выехали и когда.

До нас были обстреляны писатели из Иордании, приехавшие солидаризироваться с сирийскими писателями. Кто-то слил информацию: номер машины, маршрут, время. Иорданцы были только ранены, их спасли книги, которые сзади защищали салон от пуль.

Дорога в 250 километров. Заправки разбиты и не работают. Много разрушений в городах и селениях. Мы попросили заехать в крепость Шевалье, которую в свое время построили крестоносцы, пришедшие на святую землю освобождать гроб Господен.

Два года крепость удерживали бойцы ИГ, поддерживаемые местным населением. Полгода назад в результате осады и боев оставшиеся в живых террористы и часть поддерживавших их местных жителей суннитов ушла в Ливан.

Сначала нас не хотели пускать туда. Но магическое слово «руси» сработало. Старший офицер на блок посту куда звонил, перезванивал, наконец, нас в сопровождении охраны, пустили.

Страшны последствия этой войны. А в Сирии по словам одного толкового сирийского издателя, идет сразу пять войн: глобальная – США против России, религиозная – между шиитами, суннитами, алавитами, христианами, друзьями..., региональная –

за интересы соседних государств, и террористическая.

В Тартусе террористов нет. Здесь живут в основном алавиты, которые поддерживают существующую власть. Боевикам ИГ в Тартус дорога закрыта.

Но вот что говорил мне доктор Ибрагим Истанбули:

– Да в Тартусе большинство коренного населения – алавиты. Но Тартус принял более миллиона сирийцев из других городов – это в основном дети, женщины и старики – ибо молодые остались там, чтобы воевать на стороне различных террористических групп. И всё же их семьи живут и работают в Тартусе спокойно. И работают в самых разных областях торговли, живут они даже в деревнях и селениях, где население целиком состоит из алавитов.

У последних нет ксенофобии по поводу, кто с ними рядом живёт.

На этих снимках рыбалка в Средиземном море. Не слишком оно щедро.

Маалюля – земля любви.

В этом православном монастыре Святой Феклы крестили сына моего товарища Олега Бавыкина, работавшего в начале восьмидесятых директором русского культурного центра в Дамаске. И крестили его самого. Спустя многие годы мы с Олегом побывали в Маалюле, недавно освобожденной от террористов. Нас опять не хотели пускать, в пещерах могли скрываться снайперы ИГ. Но после долгих переговоров с начальством по телефону – пустили.

Когда-то в этих пещерах скрывались первые христиане, гонимые римлянами. Здесь до сих пор сохранился древний арамейский язык, на котором разговаривал Христос. На этом языке идут службы в монастыре, на этом языке разговаривают жители трех окрестных деревень.

В декабре 2013 года террористы захватили эту православную святыню. Тринадцать монахинь и двух послушниц захватили в заложницы.

4 апреля 2014 года Маалюля была освобождена от боевиков

сирийской регулярной армией.

Все жилые дома оказались разграблены, в большинстве домов были устроены поджоги. Со всех христианских храмов городка были сняты кресты. Во многих храмах отсутствовали колокола. Разграблена и уничтожена церковная утварь. Украдена находившаяся в монастыре св. Феклы статуя, изображавшая Иисуса работа российского скульптора Рукавишников. Практически уничтожен возвышавшийся над городом отель сети «Сафир», из которого армия была вынуждена выбивать снайперов боевиков.

Красота этих мест невысказанная. Если прочитать это название по – русски, получится «земля любви». «Ма» – земля, а «Леля» – богиня любви. Как переводят это название сирийцы – не знаю. Но на древнем арамейском языке Маалули – это название означает – «высокое место».

Почему «высокое место», когда этот горный хребет тянется на многие километры. Наверное, название должно было бы выразить какую-то особенность. Может быть высокое в переносном смысле, где человек возвышается духом.

Но многие из наших друзей подчеркивали схожесть в названиях наших стран Россия и Сирия. Причем, сирийцы говорят «сурия». А «сурия», «сурья» – одно из наименований солнца у древних славян. Однако, оставим этимологические упражнения.

Монастырь был жестоко разрушен боевиками, иконы сожжены и поруганы. Монашек обменяли у террористов на родственников их, но в монастырь еще не привезли. Монастырь восстанавливают местные жители и ополченцы.

Мы видели следы поджога могильного грота, многие иконы украдены или разбиты, но самые старые и ценные чудом уцелили. Они, перевернутые валялись на полу среди мусора, камней. По ним боевики ходили, но не догадались поднять.

На одной стене были видны следы крови и мозгов боевика снайпера, который устроил засаду в келье. Рассматривая входное отверстие пули в раме, поразившей боевика, я оперся

о стену, и мне тут же сказали, что запачкал свои руки кровью террориста.

И это прикосновение, словно обожгло меня... Не дай нам, Бог, дожить до такого ада!

Над схваткой

На нашего водителя, которому мы на неделю доверили свои жизни, нельзя глядеть без восхищения. Он проползает на своем микроавтобусе в настоящие щели... Темнокожий, нос большой, картошкой, в самую жару в темном костюме. Видимо, дрескод.

Настоящий раис писательских водителей. На каждом блокпосту, а они в Дамаске на всех перекрестках, уморительно приветствовал солдат и ополченцев, показывая им удостоверение региональной организации партии Баас: «Здравствуй, красавчик!»

Он, без сомнения, много чего бы рассказал нам, знай, он русский язык. Но некоторые отрывки из его монологов нам перевели.

Он из йеменских племен, потому такой черный. Семеро детей. А у его отца было тридцать детей от семи жен. А вообще водитель сказал, что он знает свое родовое древо на тысячу лет и гордится этим.

В Хомсе бандиты у него отобрали квартиру. Благо не убили, А потом предложили выкупить у них собственную мебель из собственной квартиры.

У повелителя всех водителей писателей Сирии начался рамадан, и видно было, как непросто даются ему ограничения в еде и питье. Он становился молчаливым, сторонился нас. И когда мы приезжали куда-либо, уходил и сидел смиренно в сторонке.

Ведь ни пить, ни есть нельзя до вечерней звезды. Видимо, он переживал за то, что мы остаемся без его внимания. Поэтому вечером, за ужином, как бы в искуплении, носил нам со своего стола соки и кофе.

От бандитов пострадали многие. Редактора писательской газеты «Литературная неделя» подрезали и остановили на дороге. Машину отобрали, самого выкинули на обочину.

— Если бы они знали, кто я, убили бы тут же и бросили тело

в канаву.

Нам рассказывали в Маалюле, что бандиты на своих блокпостах так же проверяли документы у всех едущих.

Если ты – шиит, то тебя забирали в заложники, чтобы получить выкуп. Если – алавит или христианин – стреляли тут же.

Так на какой почве столкнулись в непримиримой схватке граждане цветущей Сирии? Понятно, кто инициировал эту вражду. Но что разделило этот мирный и доброжелательный народ?

На одном из роликов, выложенных в инете, боевик из ИГ пишет на стене: «Севодня Сирия, завтра Россия...»

Как встать нам над этой схваткой, встать выше собственных амбиций, выше обид и гордыни, выше меркантильных, мелочных порой интересов...

Как сплотиться здесь в России, чтобы не ввергнуть себя и свою страну в эту кровавую пучину, подготовленную по заказу чужого стороннего человека... Не поддаваться на дьявольскую уловку: разделяй и властвуй.

Через неделю мы покидали земной рай, превращенный в крошечный ад гражданской войны, из которого бегут миллионы беженцев в Европу.

...Судя по стремительно возрастающему населению планеты, люди и в наши обезлюдившие края неизбежно должны вернуться люди. Но это могут быть люди другого цвета кожи и вероисповедования. А что же русские?

Навсегда оставят свои родные земли? Остается лишь уповать на

загадочный русский характер русского человека, способного долго время быть в относительном бездействии, но в решительный момент показать невероятную способность к мобилизации.

Этот характер достался нам от северной природы: девять месяцев в году крестьянин вынужден простаивать, но когда наступает короткое лето, то в три месяца он должен справиться годовой объем работы.

Русский мужик, говорят, долго запрягает, но быстро едет...
Может быть, уже запряг...

2015 г

ОПТИМИСТ ИЗ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

«ТРАГЕДИЯ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ»

Действительно трагедия... Если всю нашу литературу семидесятых-восемидесятых прошлого столетия так же отнести к публицистике, то получается, как в той притче про лодку в океане, в которой одни спят, другие гребут, а третьи дырочки в бортах ковыряют ниже ватерлинии.

Сегодня, можно сказать, что в литературе и публицистике семидесятых – восьмидесятых гребцов было мало... Творческую братию охватили критические настроения.

Не осталось ни одной сферы общественного устройства, которая не была подвержена остракизму: одни жестоко развенчивали комсомол, другие партию, третьи исправительную систему критиковали, как несостоятельную и губительную, и даже людоедскую...

Иные поставили под сомнение великие стройки, целесообразность создания рукотворных морей и гидростанций... Некоторые писатели фронтовики решили рассказать такую правду о минувшей войне, что не воевавшим захотелось поскорее в плен сдаться врагам... Многие посвятили себя критике коллективизации, индустриализации и все это сделали талантливо. Досталось науке, бесплатной медицине и образованию,...

И мы радовались новой правде в популярных журналах, романах, фильмах, вдыхая пьянящий воздух свободы. И этот воздух настолько опьянил, что мы не заметили, как не оставили под собой никакой опоры, которая удерживала бы нас на поверхности.

Пробоин ниже ватерлинии оказалось столько, что наш «Титаник» пошел ко дну. А если бы и не пошел, то мне, порой, кажется, плыть ему было некуда. Критикуя и развенчивая, с энтузиазмом громя то, что создавалось кровью и потом, через страдания и лишения, через обиды и насилие, ни кто не ведал, чем все это заменить? Куда же плыть дальше...

Недавно заехал ко мне один православный журналист.

— Был, говорит в одном приходе, таком далеком и заброшенном, что, кажется, даже вороны туда не летают. Батюшка из последних крох поддерживает церковь в порядке. Что там могут пожертвовать с пенсии с десятков старух? А делать-то надо, то одно, то другое. Приглашает последних мужичков на подмогу. А чем рассчитаться?

Берет в руки шест, идет в рощу, что рядом с церковью, сшибет воронье или грачиное гнездо и мужикам отдаст. Те и рады. Тот час несут в скупку: с гнезда пару бутылок водки выходит.

Оказывается, в советские времена была в этой церкви мастерская по ремонту электромоторов. И все обрезки проводов алюминиевых и медных сваливали мастера в яму под забор. А догадливые птицы сообразили, что гнезда лучше вить из проволоки, чем из прутьев: и легче, и долговечнее. И вот гнезда эти пережили и перестройку, и гайдаровские реформы, но вот современных кризисов не перенесли. Посшибал батюшка на церковные нужды остатки социализма.

Столько всего случается каждый день, что за сыплющейся горохом информацией, начинаешь терять смысл: кто мы, куда пробираемся, чего взыскуем? И что не понравилось в прежнем, устоявшемся, беззаботном социализме... Осталось что-то вроде послевкусия... Чего-то там было нехорошо, а вот что — не помним...

А-а! Очереди.

И вот нашел я недавно свой собственный рассказ 1987 года. Прочитал и удивился... И хочу его вам предложить для размышлений:

«Еще совсем недавно в селе имени Бабушкина стояла

на пригорке небольшая кулинария, снабжавшая местное население замечательными пирогами. Не самим же печь пироги, если теперь есть специальные люди...

И вот как-то раз набилось в кулинарию народа за пирогами изрядно, даже на улице хвост. Ждут горяченьких. С пылу, с жару... С яйцами, луком, со сметаной, с палтусом... С холодным молоком — в самый раз.

И тут на улице кто-то истошно завопил:

— Бабы! В раймаг золото привезли!

Очередь в кулинарии будто вымело. Дружной толпой ринулись местные модницы в универмаг под гору. Впереди, сверкая белоснежными колпаками и халатами, бежали пекари и продавцы.

В один миг магазин оказался битком набит покупателями. Места всем не хватило, и на улице шевелился плотоядно огромный хвост очереди. И только начали было продавать золото, как снова на улице кто-то не по-хорошему заголосил:

— Бабы-ы-ы! Кулинария горит!

Очередь ахнула, но с места не тронулась. И так стояла упорно, пока все не озолотились...»

Либералы не создав сами ничего, паразитируя на созданной коммунистами материальной базе, ругают и клянут Сталина.

В девяностых годах я работал в Центре Гуманитарных Исследований института философии РАН, и мы проводили социологические исследования в деревнях и лесных поселках Бабушкинского района.

Вот, что выяснилось в результате опросов крестьян:

«Самым благоприятным периодом жизни в деревне люди называли правление Брежнева, среди политических деятелей особо выделяли Маленкова, который после смерти Сталина в короткое свое правление прирезал колхозникам огороды и снизил налоги. И самым желаемым политиком называли Сталина.»

В конце восьмидесятых на экраны СССР у нас с Александром Сидельниковым вышел документальный фильм «Преображение»

о судьбе русского крестьянства в 20 веке, многие сцены фильма мы снимали в лесных поселках Бабушкинского района. Лет пятнадцать спустя, ко мне обратилась сценарист фильма «Неподнятая целина» Светланы Сорокиной с просьбой поделиться материалами о спец переселенцах. Они хотели рассказать об ужасах сталинского режима.

Не сразу, но я согласился и привез Сорокину в Тринадцатый Квартал, поселок спецпереселенцев. И каково же было потрясение ее, когда с порога люди, потомки репрессированных крестьян, стали заявлять, что они все сплошь сталинисты.

В лесных поселках раскулаченных спец переселенцев из Украины боготворили Сталина. Выселение на Север в леса оказалось для них спасением: сначала от грянувшего голода на Украине, от немецкой оккупации и мясорубки сорок первого года, раскулаченных стали брать на фронт позднее, когда потери пошли на убыль, еще раз от голода 48 года. Власть не ограничивала спец переселенцев в возможностях держать огороды, скот, реки были полны рыбы, леса дичью, а в лесной промышленности платили очень хорошие деньги...

Рассказам этих свидетелей ужасного сталинского правления в фильме Сорокиной не нашлось места.

Что вспомним мы о нынешней власти, планирующей ликвидацию уже

неперспективных городов, не оставляя русскому народу даже резерваций...

Либералы, например, превозносят Петра – I.

Вот некоторые цифры времен его правления:

«Реформы Петра I принесли на Север опустошение и упадок экономики.

Ежегодно только кокшары \ныне Тарногский район Вологодской области \ вносили в казну

129 руб. 4 алт. 3/4 деньги с рыбных ловель,

99 руб. 26 алт. 5 ден. с бань,

18 руб. 16 алт. 1 деньгу с мельниц...

А всего налогов платили 5063 руб., 4 алт., 1/2 деньги.

Хорошая рабочая лошадь тогда стоила 6 рублей, туша говядины на городском рынке «тянула» на 2 рубля, баранья туша – на 0,5 рубля.

Чтобы рассчитаться только с основными налогами, крестьянин ежегодно должен был отдавать больше двух третей того, что могла вырастить и собрать его семья.

Еще были и косвенные налоги: померный (за взвешивание на весах), хомутейный, шапочный, сапожный, кожный (за право изготовлять хомуты, шить шапки, тачать сапоги, выделывать кожи), «подушной с извозщиков», с постоянных дворов, «пролубной» (за пользование прорубями на реках), водопойный, трубный с печей (за постановку трубы над печью), привальный и отвальный (с судов, шедших по рекам), «со всякой купли и продажи».

Крестьянин у себя в волости носил бороду беспошлинно, но при въезде в город и выезде из него платил за бороду по 2 деньги. Дворяне, чиновники и рядовое купечество, желавшие ходить с бородой, вносили в казну по 60 рублей, а купцы первой гильдии – по 100 рублей в год. После уплаты этого оброка им выдавалась медаль с надписью: «з бороды денги взяты».

С каждой варки пива бралась явочная пошлина, со свадеб – купичные и убрусные. Облагались «десятой деньгой» заработки деревенских батраков, плотников и бобылей. Кроме того, крестьяне платили за содержание земских властей – чиновников и приставов. Существовала также пошлина за земского дьячка – 50 копеек в год.

Осенью я провел две недели в поездках по Краснодарскому краю. И после теплого солнца, ласкового моря, зрелища виноградников без конца и края, буйства фестивальных огней и плясок, возвращение на северную родину, где стояла мокропогодная глухая осень, было тягостным. Впервые, любезная сердцу родина представилась заброшенным сельским кладбищем. Теперь еще и Тимониha, и сиротская могилка великого писателя...

Жизнь из наших северных деревень стремительно уходит.

И хочется понять: что это? Историческая закономерность, суровая логика рынка, железная поступь технологического прогресса?

Так ли неконкурентоспособным оказалось наше сельскохозяйственное производство?

Была встреча с Василием Леонтьевым, одним из выдающихся экономистов мира, уехавшим в Америку еще в 1925 году. Леонтьев разрабатывал экономические модели развития для большинства успешных государств мира. Он готов был сотрудничать и с СССР. Он говорил: «Ваша экономика не самая лучшая, но и не самая худшая. Ее не следует разрушать, нужно только наполнить ее паруса ветром предприимчивости.»

Увы, сегодня с уверенностью можно сказать, что новое руководство России не прислушалось к словам великого экономиста и пошло иным путем. Мне кажется, что инициатива, предприимчивость на местах в течение последних двадцати лет намеренно и жестко пресекались.

Краеведы утверждают, что в середине восемнадцатого века на три тысячи жителей маленького провинциального городка Тотьма было официально зарегистрировано 500 купцов. Практически вся Тотьма жила купеческим промыслом.

Богата была Тотьма, стоящая на соли и снабжавшая царский двор сибирской и заморский пушниной.

А вот некоторые цифры недавнего прошлого. В 1990 году в районе было более 150 предприятий: колхозы, заводы, леспромхозы, строительные организации, автотранспортные предприятия. Особенно много было строителей, район испытывал настоящий строительный бум: двенадцать строительных организаций прокладывали дороги, строили промпредприятия, жилье, сельскохозяйственные объекты. Тотемский и Сухонский леспромхозы, лесхозы заготавливали 1 200 000 кубометров древесины. Накопления жителей района на книжках Сбербанка СССР составляли на душу населения более пяти тысяч рублей.

Однако экономика социализма была объявлена несостоятельной. После ее модернизации в Тотемском районе не оста-

лось ни одной строительной организации, промышленность умерла, нет ни одного крупного лесного промышленного предприятия. Лесу заготавливается около 400 тысяч кубов при объеме годовой расчетной лесосеки в 2 миллиона 400 тысяч кубов. Два миллиона кубометров леса ежегодно уходят в переспевающие и погибают. Мощностей для того, что бы взять их, давно нет, нет и дорог. Узкоколейки разобраны и сданы в металл, бетонные тоже разобраны.

Однако вот загадка: неужели тотьмичи научились в этих условиях делать деньги. И, видимо, не малые. Выйдите на центральную площадь города, которая рябит вывесками: «Сбербанк», «Уралсиббанк». «Востокэксpressбанк», «Росгострахбанк», «Совкомбанк», «Пробизнесбанк», «Россельхозбанк», «Севергазбанк», «Казначейство Госбанка РФ», и плюс еще два банка коротких займов...

Тихий провинциальный город стал крупным центром банковского бизнеса? Кто бы прежде мог подумать, что можно ворочать капиталами при разрушенной экономике. Чудны дела твои, Господи!

...Сердце сжимается, когда задумываешься о том, что мы утратили. Практически уничтожено льноводство, которое давало основной доход северному сельскому хозяйству. В Вологодской области совсем недавно был закрыт Красавинский льнокомбинат, построенный в середине прошлого века для переработки знаменитых южских льнов. Вологодский льнокомбинат так же стал банкротом, не помогла и государственная поддержка, приезд Путина. Разве мир потерял интерес к экологически здоровой льняной одежде? Разве земля перестала родить лен?

Еще несколько лет назад под Тотьмой, что находится в среднем течении реки Сухоны, в хозяйстве потомственного крестьянина Бориса Владимировича Жданова рентабельность льноводства составляла около 300 процентов. Мне сказали, что наркoбароны не имеют такой прибыли. В том же хозяйстве урожайность зерновых на протяжении многих лет была около пятидесяти центнеров с гектара, а надои составляли 5 — 6 тысяч литров

молока от каждой коровы.

200 лет назад тотьмичи основали в Северной Калифорнии крепость Росс для выращивания продовольствия промысловикам русской Аляски. За эти годы сельское хозяйство Калифорнии ушло далеко вперед, однако и здесь на Севере в наших условиях тотемские крестьяне вполне способны конкурировать с американскими земледельцами, работающими в условиях субтропиков.

И таких примеров можно было привести множество. В Любимском районе Ярославской области в последние годы, благодаря заинтересованному отношению руководства района, стало стремительно развиваться молочное животноводство. Девять самых современных молочных комплексов, словно гигантские насосы качают молоко самого отличного качества в столицу. И рентабельность опять же огромная. И климат хозяину не помеха. Значит, можно успешно хозяйствовать, если на то есть политическая воля. Но, увы, повсеместно торжествует идеология управления по принципу «водку выльем, бутылки сдадим, а на вырученные от бутылок деньги купим водки».

Увы, только в Вологодской области за эти годы поголовье молочного скота сократилось с 280 тысяч голов до ста тринадцати в 2011 году, а за последние три года до 51 тысячи. Знаменитые заливные луга, прославившие в свое время Вологодчину вологодским маслом, зарастают диким бурьяном.

Однако, повторюсь, не зря же мудрый Белов завещал похоронить себя в родной Тимонихе, где не осталось ни одного жителя. Наверное, он все же верил подспудно в возрождении села, а вместе с ним и всей России.

Несколько лет назад в эфире Первого канала в передаче А. Гордона «Россия 2030» мне довелось дискутировать с заместителем директора института философии РАН С. А. Никольским о будущем нашего сельского хозяйства.

При чем Никольский стоял на позициях пессимиста, утверждая, что наше сельское хозяйство ожидают более худшие времена и что в принципе перспектив у нашего села, по крайней

мере, на Северо-Западе России, нет.

Мне была отведена роль оптимиста, хотя в России, говорят, с конца девятнадцатого века слова «оптимист» и «идиот» — слова-синонимы. А кем мне остается быть, как не оптимистом, имея за собой четырех детей?

И как бы ни было плачевно состояние нашей деревни, экономики ее и государства в целом, мы должны жить по пословице: «Помирать собирайся, а рожь сей».

Какие же аргументы дают основания сохранять оптимизм?

БЫЛО ЕЩЕ ХУЖЕ

Если обратиться к нашей истории, то мы найдем ней немало аналогов современному дню. В свое время мне доводилось общаться с профессором Вологодского пединститута Петром Андреевичем Колесниковым, который вывел некий алгоритм подъемов и спадов в нашей сельской местности

Многократно «мор и глад», набегии кочевников обескровливали наши территории, в шестнадцатом веке бубонная чума выкосила почти половину населения, после реформ Петра мужского населения здесь практически не оставалось, а сколько войн всеми тяготами легло на плечи деревень. Малые, молодые деревни, хутора, починки исчезали, но сохранялось ядро, корневые деревни, выживавшие при любых обстоятельствах, от которых вновь вырастали молодые побеги. И если сегодня взглянуть на административную карту области, то можно увидеть следующую картину: погибли в первую очередь молодые деревни, а корневые остались и, худо-бедно, внушают надежду, что они сохранят себя и далее.

НЕПЕРСПЕКТИВНЫЕ ГОРОДА

Что еще должно случиться, чтобы мы поняли всю пагубность нынешнего своего существования, по сути паразитирования вокруг газовой трубы. Кого винить: начальство или себя в том, что

только за последние три года из 113 тысяч голов дойного стада на Вологодчине осталось всего 51 тысяча...

Похоже, что в дискуссии «вернутся ли люди на землю» самый убедительный аргумент внесла Америка, заявив о санкциях против России. Ввозимое из-за бугра продовольствие — тот самый чужой каравай, на который мы подсели давно. Теперь остался один вопрос: успеть бы вернуться... Как говорится, «дошла гиря до полу...»

Надо признаться, что город далеко не лучшее место для жизни. Наука говорит, что оторванное от природы, от земли, городское население стремительно вырождается, что в организмах горожан уже на клеточном уровне происходят опасные мутации, не говоря о социальных и психологических проблемах.

Прежде всего, горожанин страдает от некачественного продовольствия, которое вынужден покупать в супермаркетах, которые все больше напоминают гигантские лохотроны.

По данным ученых Новосибирской «ЭКО-Новы» 90 процентов продуктов, покупаемых в наших магазинах опасны для здоровья и жизни.

Но вот по весне мои знакомые фермеры, выращивающие свиней, вынуждены были сжечь за деревней более тонны прекрасного качества свиного сала.

Не могли продать. Вернее, им не дали контролирующие органы, которые, видимо, защищают интересы крупных производителей. Сдавать на мясокомбинаты себе дороже, даже транспортные расходы не оправдываются. Мясокомбинат не дает фермерам более тридцати рублей за килограмм самого отличного качества свинины. Наверное, австралийская кенгурятина выгоднее для производства колбас. А самим мелким фермерам, обложенным всевозможными запретами и условиями, поборами, переработку не потянуть.

Просто посоленное сало уже считается переработкой, разрезанное на кусочки — переработка, не дай Бог, копченое в домашних условиях — запрет. Запрет на запрете... Даже на улице торговать мясом нельзя. Мало ли какой микроб залетит. Так они

заботятся о нашем с вами здоровье, загоняя в супер-маркеты с молоком, которое месяцами не киснет, мясом, выращенном на стимуляторах роста и т. д. Таким образом, были уничтожены в наших деревнях коровы, молоко от которых отказывались принимать, а за ними пришел черед мелкого скота. Перестали выращивать бычков, гусей, кур... Теперь вот новый запрет на подворный забой скота в деревнях, который напрочь уничтожает возможность держать в деревнях скот.

В апреле 2013 года вице-премьер Ольга Голодец проинформировала общественность, что «38 миллионов россиян трудоспособного возраста работают непонятно где». Нет, известно. Большая часть до 20 миллионов – жители села, владельцы личных подсобных хозяйств, у которых нет иных занятий, кроме работы на собственном огороде, с которого продать чего-либо практически невозможно.

В декабре 2011 года Эльвира Набиуллина, тогда еще министр экономического развития, заявила:

«Сохранение любой ценой экономически неэффективных малых городов и препятствование перетоку трудоспособного населения в крупные города может стоить нам двух-трех процентов экономического роста... Есть оценки, что в течение ближайших двадцати лет из малых городов России может высвободиться порядка 15–20 миллионов человек».

Ждет ли их кто в городе?

Владимир Путин ставит задачу создания 25 миллионов современных рабочих мест. Каждое влечет за собой сокращение от четырех до десяти рабочих мест. Считайте! Модернизация влечет за собой массовую безработицу. Такова логика развития. Мы становимся страной безработных. Государство наше, на которое мы не устаем уповать, выталкивает людей из деревень, закрывая школы, ФАПы, почты и магазины, укрупняя административные границы поселений. Развитие высоко технологического сельскохозяйственного производства так же ведет к гибели деревни, сокращению занятости.

Тем более, у капиталиста всегда велик соблазн в погоне

за прибылями создавать ГМО продукты, использовать не допустимые объемы химических удобрений, всевозможных стимуляторов роста, консервантов...

Вот что пишет мне Наталья Оленчина

«Я очень хочу верить в прекрасное будущее русской деревни. Но, к сожалению, то, что я вижу вокруг, не вселяет оптимизм. Сама на своей шкуре ощущаю все прелести отсутствия цивилизации в деревне. У нас дошло до маразма: мы ездим в соседское село за молоком, этой осенью продали последнюю корову в селе (хотя население около 2000 чел). А всё потому, что держать скотину убыточно, а ещё ветслужба постоянно стала находить какие-то болезни у животных. Может, кому-то это покажется удивительным, но у нас в районе даже объявления о продаже поросят дать нельзя, приедут и сожгут твоих хрюшек, здоровых и холёных. Мы с семьёй всей душой ЛЮБИМ ДЕРЕВНЮ, но порой не знаем, как жить!»

Снова зададимся вопросом: может быть, это закономерный процесс исчезновения мелкотоварного производителя в наших северных деревнях? Нет же, все наоборот. Вот как обстоит дело в развитых капиталистических странах.

«...Агрохолдинги стали ведущим аграрным укладом в России, Казахстане и Украине... В развитых аграрных странах доминирующим укладом агропроизводства остается семейная ферма. В России думают, что в сельском хозяйстве США господствуют крупные корпорации. Но это не так. На долю семейных ферм в США до сих пор приходится порядка 85% производства валовой сельхозпродукции. Примерно, то же в Канаде и Австралии.

В США и других странах за последние 100 лет было много попыток вторжения в аграрный бизнес крупных корпоративных структур. Но они в силу особенностей сельскохозяйственного производства оказались неудачными...»

Автор этого заявления – генеральный директор Института конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР) Дмитрий Рылько.

Получается, что такие невыносимые условия для частника создаются только в России и на постсоветском пространстве.

И в деревне нет жизни, и в городе никто не ждет. Панель, существование на нищенские пособия, преступная среда, наркотики, болезни и преждевременная смерть... Рак стремительно выходит на первое место среди заболеваний

Город, как очередной этап развития человечества себя исчерпал.

Не берусь стать предсказателем, но, на мой взгляд, если мы сейчас не вернемся к своим родовым гнездам, не вцепимся в землю руками и зубами, не начнем отстаивать свои права и не позаботимся о будущем своих детей, то расклад наших недругов, что населения России достаточно 15 миллионов человек, которые будут обслуживать нефтепроводы, скоро станет реальностью...

Но не будем впадать в пессимизм. У нас есть возможность сделать и городскую жизнь более привлекательной и безопасной. Для этого нужно вспомнить наши деревенские традиции. А мы, по сути дела, кто в первом, кто во втором колене, и есть самые настоящие крестьяне. Более того, почти у всех: у кого в деревне, у кого в дачном кооперативе есть в собственности клочок земли.

На Руси говорят: «Своя земля — и в гости мила». Что могут пятнадцать — двадцать родительских соток? При рациональном подходе к ним — очень многое. По крайней мере, горожане могут обеспечить себя, детей и внуков овощами, ягодами, яблоками. А теперь в наших краях растут и груши, и сливы, и даже виноград.

Но зайдите в супермаркет: начиная от картофеля, заканчивая фруктами — все заграничное, импортное... Неизвестно какого качества. Скорее всего, выращенное китайскими или польскими земледельцами с использованием современных технологий подкормки и борьбы с вредителями. Во весь рост встала перед нами проблема генно-модифицированных продуктов...

В конце января 2014 при Вологодской областной универсальной научной библиотеке имени Бабушкина я собрал первое организационное заседание общественного движения

«Вологодская деревня». В нем приняли участие помимо простых граждан, озабоченных разрушением деревни, ученые, руководители хозяйств, фермеры, предприниматели, мастера народных промыслов, писатели, хранители сельской культуры...

Спасибо всем, кто пришел и поддержал это начинание, которое должно быть успешным. И в первую очередь потому, что подавляющая часть пришедших поддержать деревню, настроена позитивно и намерена делами повлиять на сложившуюся ситуацию в селе или, по крайней мере, обеспечить себя и свои семьи безопасным продовольствием. Отрадно, что много было молодежи, примеряющей на свои плечи сельскую жизнь. И не все так уныло и бесперспективно. Олег Коншин из деревни Пожарища рассказал о своем опыте сохранения деревенских традиций, обрядов, которые помогли сохранить деревню. На сегодня на постоянное жительство в их общину едут из разных городов, из Москвы, и даже из Канады приехала молодая семья.

Сегодня клуб «Вологодская деревня» объединяет более тысячи человек. И основная задача его объединительная.

До революции вся русская сельская жизнь уверенно покоилась на трех китах: соборность, заединщина, артельность. То есть, основные проблемы решались всем миром, общество объединяли единые цели, и все большое и многотрудное создавалось артельно.

В городе, надо признать, мы настолько разобщены, что часто не знаем соседей по лестничной площадке, превращаясь для искателей политической власти в электорат, которым легко манипулировать.

Но вот появились «товарищества собственников жилья» и это радует, потому что в рамках этих товариществ возможно самоуправление, те самые соборность и заединщина, и даже артельность, которые позволяли селянам решать самые сложные вопросы и выживать в самых суровых условиях Севера. На этих испытанных китах можно и нужно выстраивать городскую жизнь, не позволяя себя закабалить и отравлять.

Мы, горожане, способны сами обеспечить себя и картофелем,

и морковь, и яблоками, яйцами и даже мясом, объединившись и специализировавшись. Нам нужна кооперация и координация. Вспомним Александра Чаянова, всемирно известного теоретика российской кооперации. Кооперация – эффективная защита мелкого производителя от крупного капитала. Закон о кооперации не дает возможности государственного вмешательства в ее деятельность, она избавлена от непосильных налогов, которые несет современный мелкий бизнес.

Верю, что в постиндустриальном обществе будут другие побудительные причины жить на земле. И владение собственным участком на земле будет намного престижнее и круче, чем городская упакованная гаджитами квартира...

И напоследок одно из писем, пришедших в мой адрес:

«Мы с мужем хотим возродить какую-то вологодскую деревню. Хочется, чтобы была именно деревня, как общность людей, а не индивидуальная усадьба. Хотим пригласить единомышленников примерно 10 семей. Сделать общие мастерские, установить правила и т. д. Хотела у Вас спросить – не знаете ли Вы, где можно узнать информацию о таких деревнях (так, чтобы оставались столбы для электричества, какая-то дорога, пусть и не хорошего качества). Нам бы хотелось примерно Сокольский, Сямженский или Тотемский район. Но, можем и другие варианты рассмотреть. Заранее спасибо.

Меня зовут Тамара Старцева. Мы сейчас как раз продаем рукодельный бизнес – производство товаров для рукоделия и хотим заняться русскими северными народными ремеслами, русской северной культурой и т. д. Поэтому и мастерские хотим организовать для работы с натуральными материалами: деревом, льном и другими. В первую очередь хотим сами освоить несколько ремёсел.»

И такое письмо не единственное. Их много. Люди хотели бы покинуть город и уехать в деревню, но пока не знают, как это сделать.

Если говорить о мировом экономическом кризисе и способах выхода из него, то редко кто из политиков, экономистов говорит

о том, что это, прежде всего, кризис «общества потребления», которое уже практически исчерпало ресурсы планеты, отравив ее отходами цивилизации, сосредоточив население в городах и гигантских мегаполисах. И сегодня положение городов для меня кажется более драматичным, чем положение села.

НА РАБОТУ, КАК НА ПРАЗДНИК

Мы живем в непростых климатических условиях.

...Западные аграрии красят нашу северную территорию в белый цвет, где, по их мнению, сельское хозяйство невозможно, а значит, невозможна и жизнь. Действительно, у нас среднегодовая температура отрицательная. Нам все дается гораздо большими трудами и затратами, чем на Западе под теплым боком Гольфстрима.

Однако мы живем здесь в этих условиях тысячелетия. Более того, русский народ сумел создать такую уникальную культуру, которая позволила сделать этот чрезвычайно тяжелый, порой до кровавых кругов в глазах труд желанным и радостным.

Откройте календарь земледельца и вы увидите, что в нем нет практически ни одного дня, не опозитизированного, не украшенного каким-либо обрядом, праздником, традицией... Легко заметить, что в русском языке «работа» и «праздник» имеют один корень.

Один лишь маленький пример, взятый наугад.

«Фролов день» — 5 декабря. В этот день все, от малого до великого, отправлялись на общественную работу по расчистке троп и дорожек к амбарам, овинам, к реке, провешивали ветками переходы и обозначали будущие дороги, чтобы в метель путник не заплутал.

А ближе к вечеру выносились на улицу столы, угощения и общинное пиво в честь такого славного трудового почина. А уже 7 декабря — Катерина Санница. Это уже не праздник, а сплошная поэзия души. Готовятся сани, возки, чистится упряжь, сами лошади, гривы и дуги украшаются лентами. В возке — мед-

вежья полость, а в – ней молодожены, которые сыграли свадьбы на Покров день. С ними тещи, свекры, девери, невестки, разоде-тые в пух и прах. Этакие смотрины семейного благополучия...

А что стоит, например, празднуемый в конце апреля «ляль-ник» – праздник любви, женщин и детей!

Когда противоречие между праздниками сценическими и подлинно народными стало критическим и не в пользу послед-них, тогда при поддержке Губернатора области я написал сце-нарии и поставил до двадцати народных праздников, которые сегодня уже прижились и пользуются неизменной любовью и популярностью у народа.

Так, например, Праздник Коня с соревнованиями троек, с катанием с ледяных гор, взятием снежной крепости, гонками самодельной техники, смотринами молодых семей собирает по 15–20 тысяч человек, которые не просто зрители, а активные участники всех игр.

Праздники Топора, Коровы, Самовара, Русской Печки, Пиро-га, Живой воды, Шоу драндулетов, Банная ассамблея возвра-щают народу утраченную способность самому ежечасно и ежеднев-но творить свой мир, свою культуру. Праздники эти давно уже перешагнули границы Вологодской области и широко шагают по стране.

В деревне Пожарища Нюксенского района Олег Коншин еще пареньком начал собирать деревенские обряды, песни, сказки, истории. Он сумел вокруг себя, вокруг деревенских традиций объединить народ, сделать их жизнь осмысленной и наполнен-ной красотой, что деревня сумела в нынешней экономической сумятице сохранить себя, школу, производство и удержать на земле молодежь.

Подальше от сцены, от разрушающего влияния телевизора, поближе к своим корням, традициям. И жизнь наша наполнится новым осмысленным светом!

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ

Однажды мне попался в руки любопытный дореволюционный документ – что-то вроде государственного реестра, в котором говорилось, что в нашей губернии на конец девятнадцатого века было зарегистрировано 200 тысяч ремесленников-кустарей и три тысячи самых разнообразных ремесел. Может быть, произошла ошибка, статистическая погрешность.

Я с трудом смог насчитать около пятидесяти сельских специальностей, и то этот список был внушительным, хотя до трех тысяч было далеко.

Я решил сознательно собирать все, что встречается мне в жизни, в книгах, рассказах стариков о крестьянских ремеслах, делая записи в свой дневник...

И скоро понял, как многого я не знал... Деревенская жизнь и история, стали открываться новыми глубинными сторонами, о которых я даже не подозревал. Я только начал собирать эти сведения, но уже сообразил, что цифра, которая попала мне в старинных бумагах, вполне может быть реальной... Русская деревня была абсолютно универсальной и могла делать все: от литья корабельных цепей и пушек до строительства морских судов. Более того, в те времена не только марксистская теория озадачивала российские передовые умы. Довольно распространенным было мнение, что у России свой собственный путь развития, отличный от Запада: аграрно-кустарный. Сегодня этот взгляд может показаться абсолютной утопией. И действительно, стоит ли заниматься поисками утраченного, отжившего?

Я все чаще прихожу к мысли, что русская деревня, иногда воспринимаемая нами, как отсталая, безграмотная, сермяжная, явила миру великолепнейший образец универсальности, которая несмотря на все потрясения, тяготы, выпавшие на ее долю, помогала селу преодолевать самые тяжкие испытания. И это еще не все.

Я думаю, что универсальность нашей деревни является бесценным наследием, которое позволяло вчерашним полуграмот-

ным крестьянам становится учеными с мировыми именами, политиками, гениальными конструкторами, военачальниками, разгромившими самую отлаженную и агрессивную военную машину фашистской Германии. Думаю, что это наследие еще послужит нам.

Уже много лет в районном селе Сямже существует традиция: по весне на труднодоступное Шиченгское озеро выезжает отряд рыболовов – любителей на самодельных болотоходах. Этим вездеходам не страшны ни разбитые проселки, ни вздувшиеся водопольем реки, ни болота, ни само озеро с распалющимся льдом... Болотоходы эти способны идти как по льду, как по ледовой каше, так и по воде...

Александр Агеев, фермер из Кириллова, владеет передаваемым по наследству секретом кладки бездымных печей с очень высоким коэффициентом полезного действия...

У деревенского изобретателя из Шекснинского района Чистякова, ныне к сожалению покойного, было более двадцати авторских свидетельств на изобретения, среди которых ни много ни мало – комбайн «Русь», способный убирать без потерь самые высокие урожаи. У Валентина Петровича был свой ветряк на крыше, который производил необходимое количество электроэнергии, а с помощью бензопилы он пахал огород, окучивал картошку, косил сено...

Мне кажется, что единственным залогом сохранения деревни и в целом сельского хозяйства, является многоукладность его экономики. Универсальность нашей северной деревни. Крупные животноводческие комплексы, автоматизированные и роботизированные, несмотря на всю их экономическую выгоду, иссушают деревню, лишают работы ее жителей.

Никогда и прежде экономика нашей деревни не строилась на производстве одной лишь сельскохозяйственной продукции.

Слишком многотрудно и затратно давались на Севере хлеб, молоко, мясо.

А потому наш северный крестьянин в большей степени производил продукты питания для внутренних потребностей,

за исключением разве масла и льна. Все остальные необходимые для жизни средства он добывал прикладными промыслами, охотой, рыбалкой, бортничеством, извозом, плотницким ремеслом, солеварением, отхожими промыслами, уходил за Урал в Сибирь за мехами и за хвостом соболя добежал до Тихого океана, а там, построив корабли, добрался и до Америки... И надо заметить, что северный крестьянин не был бедным. Достаточно проехать по деревням на реке Сухоне, чтобы понять это.

Занимаясь сбором материалов о народных промыслах, я сумел собрать и описать в детской приключенческой повести «В поисках забытых ремесел» около 400 бытовавших в наших краях промыслов и ремесел.

И надо сказать, что возвращение к ним в наше время спасли от вымирания целые сельсоветы: например, катавальный промысел Николая Сайкина дал работу и смысл жизни целому округу, гончарный промысел Мишенцевых вытащил из забвения целую округу, плотницкое ремесло кормит сегодня многие районы...

Недавно у меня состоялась встреча с китайским писателем и художником Фэн Дзи Цаем. Он занимает видный пост в правительстве китайской народной республики, возглавляет комитет по сохранению китайских древностей.

Мы разговаривали о проблемах мировой деревни. Дзи Цай рассказал, что сегодня под патронажем, особой опекой правительства находится пять тысяч деревень, как особо охраняемые. А через некоторое время их будет уже 15 тысяч, поскольку китайские лидеры серьезно озабочены стремительным разрушением сельского уклада жизни. А ведь в Китае сегодня делают практически все, вплоть до новейшей компьютерной техники.

ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ

В свое время Глеб Иванович Успенский, большой знаток и исследователь русской деревни вывел знаменитую форму существования русского народа: «Русский народ до тех пор велик, терпелив, могуч, до тех пор держит на своих плечах вся

и все, покуда царит над ним власть земли..»

Нет смысла говорить, что в 17-м году была нарушена эта связь, народ лишился земной власти, а между крестьянином и землей встал посредник: комиссар, уполномоченный, работник райкома... А когда обрезали последние сотки приусадебного огорода, которые еще хоть и слабо, но удерживали крестьянина на земле – вот тогда-то и наступило страшное «иди, куда хошь»... Но и сегодня, мы не избавились до конца от этого пагубного посредничества между крестьянином и землей...

Нравственные, психологические утраты в современной деревне колоссальны. Порой кажется, что уже не за что зацепиться, что крестьянский корешок уже не отродится.

Однако у нас есть мощнейшие инструменты воздействия на умы, которые служат сегодня не созиданию, а направлены на разрушение. Я говорю о средствах массовой информации и, прежде всего, электронных СМИ. Русский человек – носитель общинного сознания. Уверен, что добрый пример, показанный на экране телевизора, найдет отклик в душе русского человека и позовет его в поле, к земле, к созидательному труду без посредников.

«СКРЫТАЯ ВОЙНА»

Мы плохо знаем свой народ. Особенно северный. «Мы» – я имею в виду тех, кто хочет понять происходящие сейчас процессы.

Однажды в девяностых годах я присутствовал на заседании научной конференции в институте философии РАН. Обсуждались вопросы «развития и реформирования агропромышленного комплекса страны», который, надо сказать, к тому времени вовсе не развивался, а стремительно разваливался.

Наверное, было не просто ученым со столичной пропиской, большей частью видевших деревню лишь в экспедициях и собиравших знания о ней на страницах книг и газет, выработать единственно верную «Стратегию реформирования села в 21 веке.»

И вот одна ученая дама не молодого возраста, доктор наук, заметьте, устало бросила в зал: «Русский народ всегда воровал, ворует и будет воровать...»

Это заявление меня окончательно разозлило и заставило жестко возразить.

— Обиняют русский народ в воровстве только невежды, правители, которые не знают сути общинной деревенской жизни, да те, кто приходит в деревню со своим уставом, пытаясь навязать свои правила, и еще тот, кто сознательно создает миф о вороватости русского народа.

Теперь я в своей почте нахожу подтверждение тому, что миф этот приживается уже в самом народе: «Мы умеем воровать...»

А вспомните, давно ли в наших деревнях появились замки? Палка да кичига, приставленные к дверям говорили о том, что хозяина нет дома. И все. Русский народ носитель общинного самосознания и общинного способа производства, когда справедливость при распределении созданного общиной продукта или землепользования была главным правилом деревенской жизни.

В деревне каждый человек на виду, и даже такая пословица была: «Худой да свой». И воровство в деревенском мире было просто немыслимо. И сегодня даже под натиском разрушительных мифов, капиталистической идеологии вседозволенности, крайнего обнищания и разрухи, эти принципы деревенского общежития остаются главными в нашем селе.

А как же тогда с растащивкой, которая со времен Хрущева и Брежнева началась в колхозах, когда с фермы тащили, корма, сено, молоко, зерно с амбаров...

А вот эту растащивку в народном понимании назвать воровством сложно. Тащили-то свое. Скорее, это было восстановлением попранной справедливости, когда в деревенской мир вторглось государство, отбирая практически все, понуждая работать за палочки, вынуждая свести со двора скотину, отдать под пустырь огород...

Когда реки и озера, рыба в них перестали принадлежать

деревенскому обществу, когда леса и угодья, на которых кормились столетиями и тысячелетиями наши предки, перестали принадлежать нам, когда под запреты попали и дерево, и рыба в реке, и заяц в лесу, медведь на овсе. Когда появилась охрана, сберегающая природу для какого-то неведомого дяди в лимузине...

Кто и что у кого украл?

А ученые в Москве разрабатывают уже методы реформирования села в 21 веке. Кого и как реформировать?

И когда меня спросили об этом, то я совершенно убежденно сказал, что самая лучшая реформа будет состоять в запрещении кому бы то ни было, и когда бы то ни было лезть в деревню со своими реформами.

Обиделись... А на кого обижаться нам?

Почему люди не хотят работать сейчас в деревнях и селах, почему хамят в магазинах и гостиницах... Почему ломаются трактора в полях, валочные машины на лесосеках, пилорамы... Почему пьют?

Наверное, потому, что здесь на Севере, где труд чрезвычайно тяжел, веками утверждалась система общинно-складнического способа земледелия, когда результат можно было получить только общим напряжением и общими усилиями. И поэтому даже небольшой результат этот должен был бережно и справедливо поделен.

Поэтому, видимо, у нашего северного народа общинное самосознание и его природное стремление к справедливости в нынешних условиях оскорблено и требует «сатисфакции».

По сути дела если лесоруб пьет на делянке, закинув пилу под елку, у тракториста трактор простаивает в канаве, а земля зарастает, если в кафе или гостинице вам хамит обслуга, то это она хамит не нам, она выражает протест владельцам бара, которые лишили ее работу всякого побудительного смысла. Этакая скрытая гражданская война.

Поэтому я считаю, что капитализм на нашем русском Севере в тех его откровенных формах эксплуатации, когда одним хочет-

ся сразу из грязи да на Багамы, прибрав всю прибыль к своим рукам, не делясь ни с кем, такой капитализм не станет созидательной базой для развития экономики и общества.

ЗЕМЛИ БУДУЩЕГО

Известный искусствовед С. В. Жарникова, ссылаясь на «Известия архангельского общества изучения северного края», пишет о том, что в начале прошлого века департамент земледелия Соединенных Штатов Америки провел под руководством известного ученого, бывшего земского агронома из Архангельской губернии Александра Криштафовича обследование всех сельскохозяйственных угодий планеты на предмет их перспективности. И что в результате этих исследований самыми перспективными были названы земли Северо-Запада России.

Какие факторы были в пользу этого? Длинный, световой день, обилие не прямой солнечной радиации, достаточное количество влаги, чтобы не страдать засухами, достаточный температурный режим и плодородие почв.

Земли Северо-Запада были названы «землями будущего». И хочется в это верить всем сердцем и разумом.

2014 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

...

Недавно поздним осенним вечером отправился в Потеряево. Было сумрачно и дождливо. И, выехав из освещенной Шексны, я словно погрузился во мрак преисподней, насколько глуха и темна была моя дорога. И я не сразу заметил человека, голосовавшего на обочине. Это была бригадир нашего прежнего колхоза.

– Теперь нашу деревню не узнать. – Порадовалась она. – Все из городов повозвращались. Сначала уехали, а потом в родительские дома вернулись. Вот и ты домик себе построил. Все

изобихожено, поднято, покрашено. Чистый рай. Ни одного пустующего дома нет. Одно плохо, только летами живут, а зимуют в городе. — Погоди, скоро переберутся и на постоянное жительство, — поддержал я тему. — А посмотри-ка налево, вишь, как небо полыхает огнем.

И верно. Треть хмурого октябрьского неба прямо-таки переливалась мощными потоками света, идущими с земли.

— Что это? — Пораженный этим сиянием, спросил я.

— А это, парень, Великое Село сияет.

— Как Великое Село? Его же не было. Сказки все это для ребятишек. — Возразил я, не переставая удивляться сиянию среди осеннего мрака.

— Великое, Великое, — повторила Римма Карсакова. — Теперь там построили компрессорную станцию, которая качает из Сибири газ. Целый город там теперь. На месте нашего Великого Села.

— А справа чего светится?

— А справа животноводческий комплекс нашего колхоза. Не две ли тысячи голов там собрано. И все ярославки. Потомки нашего Малыша. Многие по 10–12 тонн молока доят в год-то. Целая молочная фабрика.

...Миг, и остались за плечами и Великое Село с компрессорной станцией, и комплекс с рекордистками. Мы въезжали в Большой Лес...

2015 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ураловы	4
Лариса	13
В землянке	16
Бегство	23
Ночь на реке	29
У рыбаков	33
В тайге	43
У старообрядцев	46
Анютка	51
Лукьянов Кордон	58
На кордон пришла зима	63
Стальной соперник	67
Приехали!	70
Вперед, на Шаман!	76
Первая буровая	81
Конец злобного Тарена	86
Факел над тайгой	92
Встреча на перроне	99
Весна на тракте	105
Быка за рога	111
Чья в деревне власть?	121
Колхозная демократия	126
Гарапонов табачок	133
Шумеры впереди	137
Не тот колхоз!	140
Ночная гроза	145
Письма друзей	155
Дожинки	157
Курбан у Байбакова	164
Попутчики	172
Возвращение на Шаман	176
Минус пятьдесят	182
Встреча старых друзей	187
Сибирь бурлит	195

Всесоюзная котельная	199
полный кирдык	203
Жить надо	215
Страна живого огня	221
Корова Земун	229
Дорога к дому	231
Большой Лес	235
Волки	239
Потеряево	245
В пастушках	251
Пастух Велесов	255
Дворовые	259
Под звездным небом	264
Любовь, что движет солнце и светила	269
Катастрофа	274
Царица болотная	279
О Правде и Кривде	284
Последняя белуга	289
Ночная битва	293
Медовые луга	297
Ночь света	301
Бабка Саня читает Мишке Новоселову лекцию	303
Как бабка Саня олигархом была	312
Непарламентское поведение скотины	316
Чудема	319
Бурбулис устраивает переворот	321
Снег валит	324
Страда от слова «страдать»	332
Последний приют бабки Горошины	335
Ночь света	338
Публицистика	347
Десять лет спустя	349
Председатели	370
Ласточкино гнездо	386
Возвращение земли	403
Эпоха папы Толи	426

О земле, О воле и крестьянской доле	450
Крестьянская Голгофа	450
Не было счастья, да несчастье помогло... ..	453
Над пропасть во ржи	454
Раздумья на родине Белова	458
Мы вошли в рай	475
Оптимист из русской деревни	489
«Трагедия русской публицистики»	489
Было еще хуже	497
Неперспективные города	497
На работу, как на праздник	504
Универсальная деревня	506
Власть земли	508
«Скрытая война»	509
Земли будущего	512
Послесловие	512

Анатолий Ехалов

Великое село

Повести, рассказы, публицистика